

КНИЖКА

„УЗБЕКИСТАН“

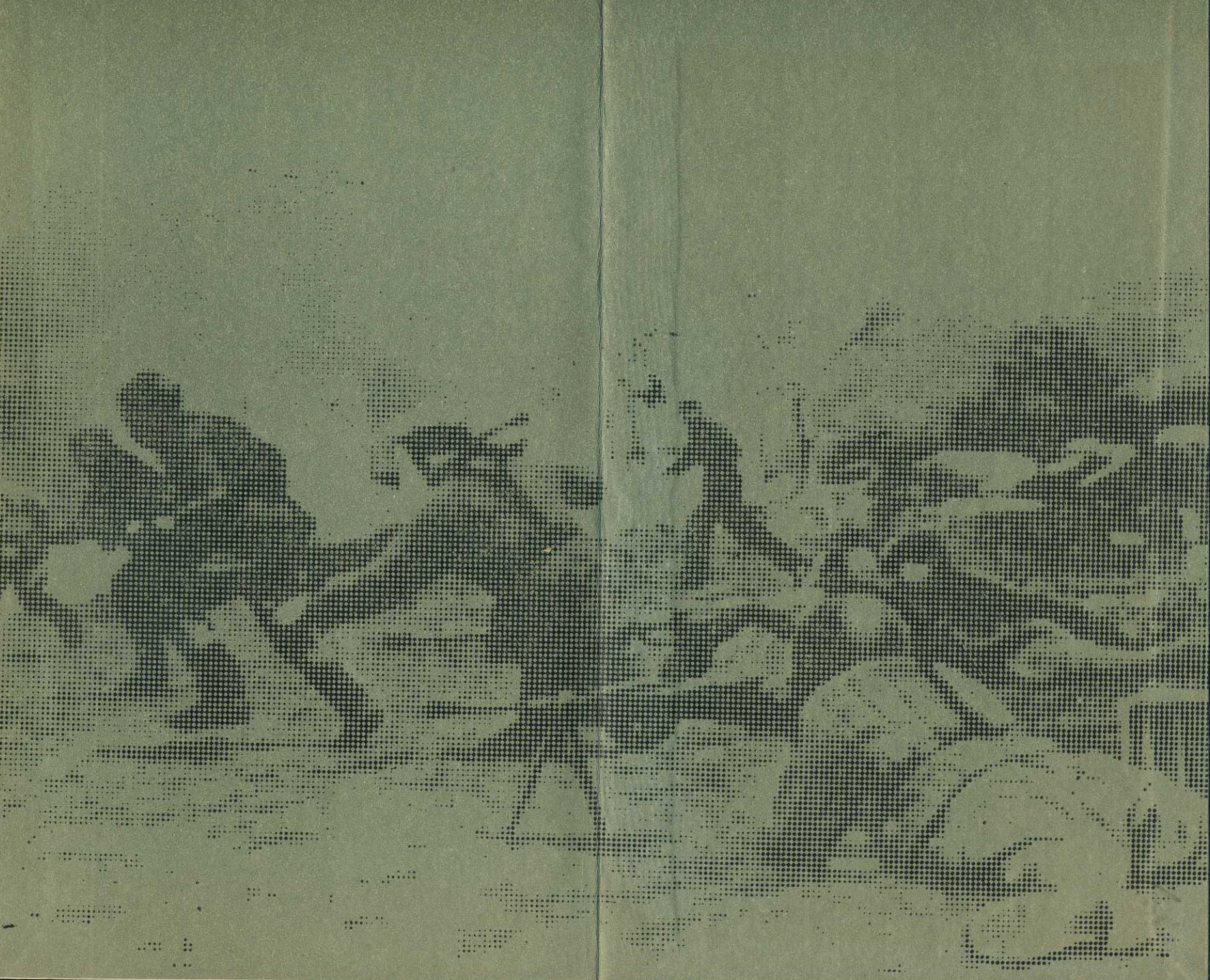
А. ВОДОВОЗОВ

ОГНЕННЫЕ МЕРИДИАНЫ

А. ВОДОВОЗОВ

ОГНЕННЫЕ МЕРИДИАНЫ

А. ВОДОВОЗОВ

ОУШЕННЫЕ МЕРИДИАНЫ

ТАШКЕНТ
•УЗБЕКИСТАН•
1983

63.3(2)722.78
В62

Литературная запись Н. А. МАХНО

Рецензенты — Герои Советского Союза
Б. Бабаев, Л. Давыдов, кандидат ист. наук
Е. Елисеев

В62 **Водовозов А.**
Огненные меридианы (Лит. запись
Н. А. Махно). — Т.: Узбекистан, 1983. — 167 с.

В книге А. И. Водовозова — участника Великой Отечественной войны — рассказывается о подвигах советских бойцов и командиров в суровые дни обороны Крыма, Кавказа, легендарного десанта на Малую землю и освобождения Новороссийска от фашистских оккупантов.

Книга рассчитана на массового читателя.

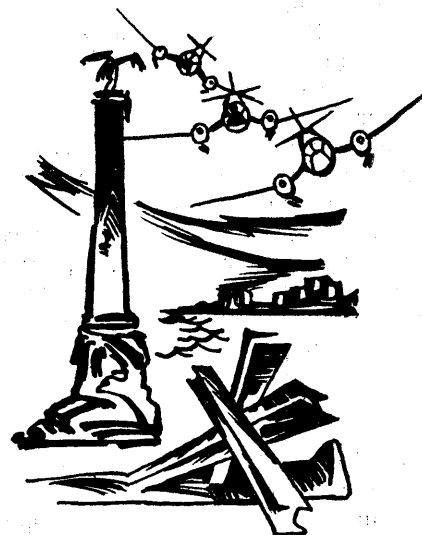
ББК 63.3(2)722.78
9(С)27

№ 106—83
Гос. б-ка УзССР
им. А. Навои.

В 4702570200 52
М351(04) 83 59—83

© Издательство «УЗБЕКИСТАН», 1983 г.

ИЗРАБЕННАЯ КРЫМСКАЯ ЗЕМЛЯ

ЮНГА БАТАЛЬОНА МОРСКОЙ ПЕХОТЫ

а рассвете двадцать второго июня 1941 года курортный поселок Саки, где я тогда жил, разбудили приглушенные расстоянием, но все-таки отчетливо слышные взрывы. Мать, вый-

дя из дому, возвратилась встревоженная:

— Не спите? Посмотрите, какое зарево над Севастополем... Может, война?

Отец, человек уравновешенный, спокойный, возразил:
— Должно быть, маневры.

Мы, однако, выскочили на улицу. Издалека доносились выстрелы, гул самолетов. Сероватую мглу то и дело высвечивали огненные сполохи.

Переговаривались соседи. Тихо, настороженно.

— Что это? ...Война?

— Да н-е-ет!.. Вон матросы побежали.

В Саках тогда стояла морская часть. Должно быть, ее поднял сигнал тревоги.

— Учения какие-то...

Люди еще сомневались в том, что нагрянула беда, еще надеялись на лучшее. Но предчувствие трагедии уже охватило каждого, беспокоило, терзало. Отец мой — рабочий, труженик, каких поискать, не очень-то разговорчивый, тут вдруг, словно в раздумье, бросил:

— Видно, конец твоей учебы. Чем будешь заниматься?

Я только что окончил семь классов. Мечтал учиться дальше, поступить после средней школы в институт, стать инженером-строителем.

— Воевать пойду.

— В шестнадцать-то лет?!

— А что? Доберусь до Севастополя. Разыщу дядю Ивана. Возьмет матросом на корабль.

Мужа старшей сестры, военного моряка, командира корабля, я звал по привычке дядей. Мысль стать матросом возникла неожиданно, скорее всего под впечатлением этого утра.

— Ладно уж, развеивался! Может, и войны-то нет, а тут уже... пошло. Горазды мы слухи распускать!...

Нет, к сожалению, то были не слухи! В полдень московское радио сообщило о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Слушая заявление Советского правительства, я испытывал двойное чувство. Прежде всего подавленности, сознания непоправимой беды, которая ворвалась в каждый дом. Одновременно с этим рождалось другое чувство, властное, зовущее к действию. Будто сама Родина говорила: «Ты — частица народа. Пусть и на тебя лягут тяготы, которые выпали на его долю!» А в сознание запали проникновенные слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

На следующее утро мы, несколько подростков, отправились в военкомат. Были уверены, что там похвалят за патриотизм. А услышали: «Без вас дел хватает... Понадобитесь — вызовем...»

Мы ждали: вот-вот вызовут в военкомат. Но прошла неделя, вторая, а о нас никто не вспомнил. Именно тогда я осознал, как тяжело быть в стороне от того главного, чем живет народ. И потому очень обрадовался возможности хоть как-то быть полезным.

Однажды меня спозаранок поднял Николай Вдовченко, парень из соседнего двора:

— Пойдем со мной. Скорее!

— Куда?

— В райком комсомола. Там в трудовой отряд записывают.

— Что еще за отряд?

— Рыть окопы, возводить заградительные сооружения.

— Но я ведь не комсомолец! Меня не примут.

— Примут! — убежденно заявил Николай.

Более двух месяцев работали мы в окрестностях города. Под руководством военных копали противотанковые рвы, сооружали укрытия. Трудились добросовестно, а душа бунтовала. Не давала покоя мысль о том, что старшие товарищи сражаются, а ты здесь, в тылу. Собщения же с фронта поступали неутешительные. Агрессор захватил значительную часть территории Украины, Белоруссии, продолжал бомбить советские города, в том числе Севастополь.

«Лучше призовите, иначе убегу на фронт!» — в запальчивости говорил я работникам военкомата. Наведывался

туда всякий раз, когда комсомольцев трудового отряда отпускали в баню, на короткий отдых. Вновь и вновь мне отказывали: «Ты еще совсем мальчишка. Даже ростом не вышел».

В октябре после такого разговора я выскочил из военкомата и, заметив неподалеку моряков, расположившихся на привал, подошел к ним. Разыскал командира, но тот и слушать не стал. Добродушно посоветовал шагать домой да родителей отличной учебой радовать. «Беги, сынок, беги», — похлопал он меня по плечу и направился к лихо подкатившей «эмке».

«Полковник Жидилов приехал», — услышал я шепот моряков. Кто такой этот Жидилов, я не знал, но понял, что он — большой начальник. И едва прозвучали последние слова доклада командира батальона майора Мальцева, как я встал перед полковником. На какой-то миг оробел, встретившись с его взглядом, строгим, вопросительно-нетерпеливым. Должно быть, уловив мою растерянность, Е. И. Жидилов усмехнулся. Худощавое лицо его потеплело. «Слушаю тебя», — подбодрил он. Я рассказал ему о своих визитах в военкомат. Он отнесся к моей просьбе с пониманием. Во всяком случае, поразмыслив самую малость, сказал майору:

— Возьми его, Мальцев. Думаю, не подведет нас с тобой этот парень. Только... присматривайте за ним. Ведь мальчишка еще.

Так я стал юнгой 7-й бригады морской пехоты Черноморского флота. В первые же дни испытал тяготы походной жизни. И не столько изматывали марши, сколько бомбежки, боль при виде разрушенных домов, поселков. Враг еще не топтал Крымскую землю. Но уже стонала, дымилась пепелищами она после налетов его авиации. Уже страдала, заливалась кровью.

Если б можно было уберечь родную землю, заслонив ее своим сердцем! Хотелось скорее вступить в бой, отомстить врагу за все.

Наконец долгожданный день настал. 27 октября наша бригада морской пехоты получила приказ выдвинуться в район Перекопа. Там уже около месяца шли упорные бои. Особой жестокости они достигли на Перекопском перешейке. Войска 51-й Отдельной и Приморской армий с трудом сдерживали натиск превосходящих сил противника, нуждались в подкреплении.

Погрузка подразделений в эшелоны проходила на станциях Сюрень, Бельбек, Инкерман и Мекензиевы го-

ры. Командиры, политработники довели до личного состава задачу: 28 октября бригада должна занять оборону в районе Бюк-Онлар, Курман-Кемельчи, Айбары.

Наш батальон находился в Мамашае. Так что до станции Сюрень предстояло прошагать ночью километров двадцать пять.

Все было готово к маршу. Матросы и старшины, суровые, настороженные, молча сидели у дороги. Курили, пряча папирсы в кулак, чтобы не поблескивал огонек, тихо переговаривались.

И вдруг из темноты: «Здравствуйте, товарищи моряки!»

— Кто это?

— Полковник Жидилов. Не узнал, что ли?

Все встали, обступили командира бригады. Я протиснулся вперед. Он разглядел меня, положил руку на плечо, спросил тихо:

— Что, юнга, твердо решил морским пехотинцем стать? Ну и правильно! Только не подведи меня!

Обернувшись к майору С. Ф. Мальцеву, комбриг приказал построить батальон. Приглушенная команда «Становись!» заставила всех броситься к скакам. Звякнули котелки. Комбат строго заметил нашему ротному:

— Научите бойцов подгонять снаряжение так, чтобы оно не гремело.

Моряки привели в порядок злополучные котелки, лопаты, оружие.

— Шагом марш!

И вдруг строгое:

— Отставить.

Оказалось, командир батальона не выслал разведку и боевое охранение. Посчитал, что далеко до передовой, излишние предосторожности ни к чему. Ошибку исправили. Колонна моряков двинулась вперед. За ней медленно, не включая фар, ползли тяжело груженые машины и боевая техника. Первый урок о необходимости быть начеку, кажется, пошел на пользу всем.

Мне думалось: «Как это долго — идти до станции, потом сколько-то времени ехать в эшелоне, затем опять шагать. Сейчас бы сразу в бой!» Высказал свою мысль морякам и услышал:

— Мальчишка!

И не мог понять осуждающе или сочувствующе прозвучало это слово.

Наконец вот она, станция Сюрень. Началась погрузка в вагоны. Рядом с нами торопливо носили ящики санитары, матросы, медсестры.

— Здорово, Кето! Здравствуй, Ася!— приветствовали мои товарищи военфельдшеров Кето Хамераки и ее подругу Асмар Гасанову.— Как настроение?

— Эх, какое там настроение? Управиться бы! Кето устало махнула рукой в сторону целой горы груза, который надо было разместить в вагоне.

— Поможем.

— Спасибо.

Я уже знал, что Хамераки училась в летной школе. Война помешала девушке окончить ее. Пришлось в срочном порядке менять специальность. Асмар Гасанова, худенькая, смуглая, проворная, в бригаду прибыла едва ли не сразу после экзаменационной сессии в Бакинском медтехникуме. Даже мне было грустно смотреть на них, юных, неокрепших, шагнувших навстречу военным испытаниям.

Ночью наш эшелон прибыл на станцию Биюк-Онлар. Отсюда предстояло совершить марш в пешем порядке. Как назло, лил дождь. Дороги раскисли. 50-километровый путь измотал бойцов. К вечеру сквозь тучи пробилось солнце. И тут же в небе появились немецкие самолеты — разведчики, а вскоре — бомбардировщики. Сбросили они свой преступный груз на колонну, вернее сказать, на дорогу, по которой мы шли. Улетели. Матросы хмурые, все в грязи, занимали место в строю.

— Вот тебе и первый бой. Напросился?!

Это упрек в мой адрес. Отвечаю:

— Разбой, а не бой. Мы-то не стреляли!

Навстречу нам следовали усталые красноармейцы. Лошади, выбиваясь из сил, тянули орудия, повозки с ранеными.

В сознании вновь засела упрямая мысль:

— Скорее бы в настоящий бой!

Встреча с фашистами произошла гораздо раньше, чем я предполагал. Батальон еще не выдвинулся на указанный рубеж, не занял обороны, как разведчики доложили: обнаружен противник. Навстречу нам двигалась колонна, впереди — бронемашин.

По команде морские пехотинцы заняли позиции вдоль дороги, приготовились к бою.

Не терпелось увидеть врага, отомстить ему за беды, которые он принес нашему народу. Я поначалу осторож-

но выглядывал из окопа. Потом и вовсе приподнял голову.

— А ну, не высовываться!

Это пулеметчик Михаил Сизов, высокий, крепкого телосложения матрос. До действительной службы он учился в институте физкультуры, занимался спортом. Добродушный, ласковый, он вроде бы стеснялся этого и норовил говорить грубовато. Сейчас его окрик заставил меня плотнее прижаться к земле. И она, пронизываемая студеным осенним ветром, будто согрела меня, уняла дрожь в теле.

— Вот они гады! Ползут...

Батальон напряженно следил за колонной. Команды открыть огонь все не было. Наконец хлестнула по хвосту вражеского походного строя длинная пулеметная очередь. В ту же секунду ее поддержал «максим» матроса М. Сизова. В первый броневик полетели гранаты. Машина с белым крестом на башне задымилась. Открылся люк. Из него начали выскакивать гитлеровцы. Они пытались бежать. Пули настигали их.

Растерявшись, я просто глядел на эту сцену.

— Почему не стреляешь?— сердито крикнул Сизов.

Только теперь я спохватился. Стал из винтовки бить по смотровым щелям броневиков. Ощущение было такое, что весь огонь вражеских пулеметов сосредоточен на мне.

Немцы начали отступать. Уходили медленно, беспорядочно отстреливаясь. Они будто старались выиграть время, ждали подкрепления. В самом деле, на выручку колонне подоспели танки. Мы насчитали их десяток.

Сизов обернулся ко мне:

— Связки гранат умеешь делать? Смотри... Если артиллеристы пропустят хотя бы один танк, нам с ним воевать.

Батарея 76-миллиметровых орудий заняла позицию где-то за бугром. Не видно было, чем заняты артиллеристы. Но то, что не открывали огня, начинало беспокоить нас.

Второй номер пулеметного расчета матрос С. Глаголев, не отрывая глаз от танков, твердил вслух:

— Давай же, старший лейтенант, бей! Ну... ну! Огонь!

Командир батареи старший лейтенант Иванов, разумеется, не слышал этой мольбы об открытии огня. А если бы и услышал, то не внял бы ей. Он терпеливо выжи-

дал, когда танки приблизятся, чтоб ударить по ним на верняка.

Наконец загрохотали пушки.

— Попал!— обрадовался матрос С. Глаголев.— Горит один!.. Два горят, два!

Танки, ведя огонь, двигались на батарею. Но, потеряв еще одну машину, противник решил отступить. Стальные машины повернули назад и скрылись за холмом.

Встретив сопротивление, гитлеровцы вскоре совершили маневр, намереваясь ударами во фланг смять обороняющихся и открыть себе путь к Евпатории. 7-я бригада морской пехоты получила задачу сковать действия противника, прикрыть отход частей 51-й Отдельной и Отдельной Приморской армий, отступавших соответственно на Керченский полуостров и на Севастополь.

Наш батальон занял оборону близ дороги, что вела от Перекопа на Симферополь. Молча, с болью мы провожали взглядом измотанных в боях, почерневших от пыли и пороховой гари красноармейцев. Знали: слишком неравными оказались силы там, на Перекопе. У фашистов было больше живой силы, техники, боеприпасов. Их авиация господствовала в воздухе.

К вечеру приехал полковник Е. И. Жидилов. Поговорил с майором С. Ф. Мальцевым. Стал беседовать с бойцами.

— Не беспокоят фрицы?

— Как же, прощупывают! Хотят узнать, на что мы способны.

Моряки имели в виду короткую схватку с группой автоматчиков, которая пыталась проникнуть между нашим и соседним подразделениями. Почти всю группу мы уничтожили. Лишь несколькими солдатам из нее удалось скрыться.

Комбриг похвалил матросов за смелость, и тут же улыбка сошла с его лица.

— Большая просьба к вам, дорогие товарищи. Надо продержаться на этом рубеже, хотя бы до рассвета. Прикройте отход наших войск, частей Приморской и 51-й армий.

— Сделаем,— за всех ответил батальонный комиссар С. Модин.

Ответ прозвучал решительно. Будто вызов тем угрожающим взрывам и пулеметным очередям, которые доносились с северо-запада от нас. Все невольно посмотре-

ли туда. В вечернее небо взлетали белые, зеленые, красные ракеты. Вероятно, разведывательные группы противника о чем-то извещали свои основные силы.

В четыре часа утра мы получили приказ оставить позиции. По-прежнему, прикрывая отход наших войск, морские пехотинцы двигались вдоль шоссе на Севастополь. По самой дороге идти было опасно.

Совершенно неожиданно разведка установила: параллельно нашему батальону, по другую сторону шоссе, следовала фашистская колонна, примерно два батальона. Моряки атаковали ее. Благодаря внезапности удалось потеснить врага, нанести ему урон, подбить несколько машин. Но гитлеровцы оказали такое упорное сопротивление, что бой затянулся на два часа. Враг сумел пустить в ход артиллерию, бросить свежие силы, и третий батальон вынужден был отступить.

Отход его прикрывали морские пехотинцы нашего взвода. Командир отделения, увидев меня, приказал сердито:

— Марш отсюда! Догоняй всех.

Я заупряился. Тогда он, вдруг подобрев, протянул мне две гранаты.

— Держи. Зря не расходуй.

Продолжая отстреливаться, мы отступали. Видно было, как по узкой, поросшей кустарником балке гитлеровцы стали заходить нам во фланг. Две или три фигуры мелькнули совсем рядом. Я швырнул туда гранату. Немцы упали. Поражены или просто бросились на землю — не понять. На всякий случай дал очередь из автомата.

— За мной, юнга! Бегом!

Свою задачу мы выполнили, дали возможность основным силам маневрировать, оторваться от преследования. Теперь командир отделения выводил подчиненных из смертельного кольца. На ходу он подхватил раненого матроса, поволок. Выпустив весь магазин по наступающим, я догнал товарищей. Над нами свистели пули. Мы ринулись в ту же балочку, которую хотели использовать фашисты. Спасла она, укрыла от огня.

Прикрывая отступление наших войск, 7-я бригада морской пехоты и в последующие дни принимала на себя удары гитлеровских частей, несла потери. Ситуации были самые неожиданные. Так, 31 октября получили приказ идти к Севастополю через населенные пункты Булганак и Ханышкой. Марш продолжался всю ночь. А близ поселка Старые Лезы поступило новое распоряже-

ние — изменить маршрут, двигаться на Атман, Симферополь и далее на Саблы.

Только потом узнали, чем вызвано такое распоряжение. Не измени мы маршрута, вынуждены были бы вести бой против крупных сил врага. А у нас уже недоставало боеприпасов, люди от усталости валились с ног.

Бездорожье, форсированные марши по горной местности изматывали. Спешить же было необходимо. 2-го ноября, помню, стало известно: фашисты приближались к Бешую. Значит могли оседлать шоссе. Тогда путь на Севастополь был бы отрезан. Целый день мы шли к Бешую напрямик через горы, вдоль сухого русла реки Аполах. Ломами, кирками, вручную убрали скопище камней, пробивали путь орудиям, повозкам, иной раз на руках выносили буксовавшие машины.

Гитлеровцам не удалось осуществить свой замысел. Несколько попыток предприняли они, чтобы перерезать шоссе, помешать отступлению советских войск. Моряки встречали их огнем.

Лишь по приказу командования мы оставили позиции и последними из отступавших частей вошли в Севастополь.

Здесь командиры наши подвели итоги минувшим боям. Общий вывод: 7-я бригада морской пехоты с честью выдержала испытания. Ее батальонам приходилось выполнять различные боевые задачи, действовать на разобщенных направлениях, попадать в сложнейшие ситуации.

Мы с гордостью воспринимали скромную похвалу, вернее, оценку поступков товарищей: «Не было ни одного случая малодушия, трусости. Каждого можно назвать настоящим героем».

СРАЖАЮЩИЙСЯ СЕВАСТОПОЛЬ

Много лет спустя после войны я прочитал стихотворение, в котором были такие строки:

Остановись, прохожий, не спеши:
Здесь Севастополь — город бастионов.
Его железным воздухом дыши,
Чтоб в трудный час остаться непреклонным.

Мне вместе с тысячами людей своего поколения довелось, а точнее сказать, посчастливилось дышать этим «железным воздухом» поистине в трудный час. Как те-

перь, вижу город бастионов начала ноября сорок первого. Тогда 7-я бригада морской пехоты вошла в него, уже сражавшийся, отбивавший атаки врага на ближних подступах.

Весь город представлял собой единый боевой лагерь. Здесь в первых числах ноября сосредоточилась Приморская армия. С ее прибытием Севастопольский оборонительный район (СОР) насчитывал 52 тысячи человек, 170 орудий и около сотни самолетов. Вся территория СОР для удобства управления войсками была разделена на четыре сектора: юго-восточный (первый), восточный (второй), северо-восточный (третий) и северный (четвертый). 7-я бригада морской пехоты составила часть сил третьего сектора обороны Севастополя. Комендантом его был командир 25-й стрелковой Чапаевской дивизии генерал-майор Т. К. Колониец, военком — бригадный комиссар А. Л. Степанов¹.

Севастополь был разрушен, страдал от ран, но жил неистощимой верой в победу. Подстать легендарному исполуну он не опускал головы перед невзгодами, которые обрушились на него. Он благодарно славил героев, воспеывая на их подвигах своих защитников.

Именно тогда, в 41-м, по-фронтовому отмечая двадцать четвертую годовщину Великого Октября, узнали мы о подвиге пятерых патриотов — политрука Николая Фильченкова, матросов Василия Цибулько, Юрия Паршина, Ивана Красносельского и Даниила Одинцова. Командир батальона майор С. Ф. Мальцев рассказывал с том, что моряки, выбрав позицию в полуразрушенном блиндаже близ дороги, ведущей к Симферопольскому шоссе, навязали фашистам бой, уничтожили несколько танков, десятки вражеских солдат. С последними гранатами смельчаки бросились под гусеницы танков. Противник был остановлен.

Морские пехотинцы взволнованно слушали этот рассказ и воспринимали его как героическую балладу.

Майор Мальцев закончил беседу словами:

— Фашисты хотят сломить, духовно опустошить советских людей, поставить их на колени. Не выйдет! А за героев мы отомстим!

Крайне опасная ситуация сложилась в районе Черкез-Кермена. Враг захватил хутор Мекензия. Невелик

¹ Краснознаменный Черноморский флот, М., Воениздат, 1979, с. 163.

был населенный пункт. Однако тактический фон тотчас изменился. Создалась реальная угроза прорыва гитлеровцев к Северной бухте, в город. Третий полк морской пехоты, обескровленный, понесший большие потери, продолжал отступать ударами превосходивших сил фашистов. Командиры довели до моряков задачу, которую получила наша 7-я бригада: восстановить положение на участке третьего полка морской пехоты, отбить хутор Мекензия и высоту 137,5. Поздней ночью наш батальон на машинах доставили к хутору Мекензия. Здесь уже находились другие подразделения 7-й бригады морской пехоты, доставленные из Ялты эсминцами «Бойкий» и «Безупречный».

Перед боем коммунисты беседовали с молодыми моряками из числа тех, кто пополнил бригаду, давали советы, припоминали эпизоды, когда люди проявляли находчивость, смелость, выручали товарищей.

Бывалые моряки не забывали и обо мне, подбадривали:

— Как настроение, юнга?

— Боевое!

— Молодец!

Боевым было настроение у всех. Я понимал: подняла дух телеграмма из Ставки Верховного Главнокомандования. Ее наизусть знал каждый из нас: «Севастополь не сдавать ни в коем случае и оборонять его всеми силами»¹. Нам зачитали также обращение Военного совета флота. Не допустить врага в город русской славы — вот суть этого документа.

Утром, едва забрезжило, началась артподготовка. Сизов прокричал мне в ухо:

— Вот как отмечаем праздник Октября! Защищаем то, что он принес народу!

В этот момент от фланга к флангу понеслось призывное:

— Вперед! В атаку!

Подразделения бригады ринулись на высоту. Только отбив ее, можно было ворваться в хутор Мекензия. Мы с Сизовым то и дело меняли позиции, обстреливали врага. Но сильный артиллерийский и минометный огонь с высоты причинял батальону много вреда. Атака не удалась.

Мы отошли на исходный рубеж. Вот тогда-то я по настоящему ощутил силу партийного слова. Политработники, коммунисты выкраивали короткие минуты для бесед. После них становилось как-то легче. Появлялась уверенность: неудача временная, успех зависит от твоих дальнейших действий.

Во второй половине дня загрохотали на высоте 137,5 взрывы. Это ударила по врагу артиллерия 57-го артполка Отдельной Приморской армии, орудия крейсера «Червона Украина». Несколько раз прошли над обороной врага наши самолеты.

Вновь громогласное «Ура!» прокатывается над полем боя. Моряки атаковали смело. И вновь — огонь противоборствующей стороны.

Мне видно было: падали бомбы. Однако редкие, малочисленные цепи уже на высоте. Вести огонь по ней больше нет возможности, там дело дошло до рукопашной. Отовсюду слышно: «Высоту взяли!», «Высота наша!»

Освободить хутор Мекензия нам все-таки не удалось. Понеся большие потери, бригада не в состоянии была выполнить задачу полностью.

В последующие дни враг пытался отбить высоту, смять наши подразделения. Мы выстояли.

Жестокость боев 11 ноября была неопишима. Мы знали: фашистское командование поставило перед собой цель — захватить Севастополь и предприняло штурм города. Но то, что творилось вокруг, не укладывалось в сознании. По несколько раз из рук в руки переходили позиции, высоты. Враг потеснил в Мекензии некоторые подразделения 7-й бригады. Потом стало известно, что и в долине Кара-Коба нашим воинам пришлось отступить. Малочисленным ротам все труднее было сдерживать натиск превосходящих сил врага. Огонь наших минометчиков по наступающим гитлеровцам оказался неточным: корректировщик погиб, а без этого обеспечить меткую стрельбу сложно. Тогда комиссар батальона Шеломков с гранатой в одной руке, с автоматом — в другой поднялся во весь рост, крикнул: «За мной! В атаку!» Метнулся навстречу бесчисленным язычкам пламени, выбиравшимся из стволов оружия, навстречу свинцу.

Комиссар не видел, кто бежал за ним. Он был уверен, что моряки атакуют дружно. Гранатами он расчищал путь им и себе. С группой бойцов ворвался во враже-

¹ Краснознаменный Черноморский флот, с. 279.

скую траншею. В это время гитлеровцы подтянули резервы до батальона пехоты. Силы оказались неравными. Шеломков подал команду отходить.

— Все равно сегодня возьмем высоту! — хрипло, как заклинание, произносит он, возвратившись на исходную позицию.

Бойцы соглашались с ним, одобрительно кивают.

Во второй половине дня морские пехотинцы вновь сражались за высоту. И вновь встретили упорное сопротивление врага.

В такой-то момент в 7-ю бригаду и подросло подкрепление — батальон, которым командовал капитан Просяк. Подразделение с ходу атаковало противника и овладело высотой 137,5. Высота... Едва ли чем примечательная внешне, она возвышается над хутором Мекензия № 2. Не овладев ею, невозможно обеспечить успех наступления. Враг учел это, основательно закрепился на ней, оборудовав здесь несколько пулеметных гнезд. Потому-то моряки и прозвали высоту Пулеметной горкой.

Теперь эта «горка» наша. Но противник не хочет смириться с утратой ключевой позиции. После мощного огневого налета гитлеровцы бросили против обескровленного батальона морской пехоты довольно крупные силы. Несмотря на отчаянное сопротивление наших бойцов, вражеским подразделениям удалось ворваться в траншею. Завязались рукопашные схватки. На помощь матросам капитана Просяка командир бригады направил батальон капитана А. С. Гегешидзе. Яростный штурм ключевой позиции, однако, продолжался. Вновь на флангах дошло до рукопашных боев. Капитана Просяка тяжело ранило. Командование батальоном принял на себя командир третьей роты лейтенант Иван Мельников.

На Пулеметной горке мы потеряли многих отважных бойцов.

Санитары отправляли в тыл раненых. Один из них, пробравшись в наш окоп, попросил закурить.

— Сегодня докторам работы — во! — провел он ребром ладони по горлу. — В лазарете повернуться негде.

— Кето Хамераки и Асмар Гасанову видел?

— Там они, там. Крутятся девчонки, крутятся...

Подумалось: гитлеровцы сейчас взбешены оттого, что потеряли важную позицию. Значит, быть еще кровавым схваткам на Пулеметной горке. Да и не только на ней — везде.

Рассвет 12 ноября 1941 года оказался шумным, грохочущим, дымным. Все заволокло пылью, утонуло в каком-то непроницаемом тумане.

В 6 часов 30 минут наша артиллерия открыла огонь по фашистским подразделениям, готовым броситься в атаку. Минометчики дивизиона капитана Волошановича точно накрыли важные цели. Мины легли в боевых порядках гитлеровцев.

Наш третий батальон по приказанию майора С. Ф. Мальцева быстро выдвинулся к высоте 337,3. Однако противник сумел подтянуть сюда достаточно сил и средств, обрушил десятки снарядов и мин. Гитлеровцы мелкими группами стали пробираться к основанию высоты. Очевидно, намеревались ударить во фланг. Командир роты капитан И. А. Бибииков разгадал замысел врага. Он выдвинул на угрожаемые направления пулеметные расчеты краснофлотцев Н. Плеханова и В. Симоника.

Едва немцы ринулись в атаку, как их рассеяли плотные пулеметные очереди. Но нескольким группам все же удалось прорваться к самым траншеям моряков. В ход пошли гранаты.

Через час враг повторил свою попытку. И вновь она закончилась разгромом. Последовал новый мощный артиллерийско-минометный налет. Батальон мужественно перенес огонь вражеской артиллерии, затем отбил еще одну атаку пехоты. Ожесточенный бой вел и наш сосед справа — батальон капитана А. С. Гегешидзе. Что там творилось — не видно. Время от времени слышно было торжествующее «Ура». Потом стало известно: матросы стремительными контратаками отбрасывали противника, врывавшегося на позиции батальона.

Еще несколько дней прошли в таких кровопролитных схватках, которые не принесли успеха гитлеровцам. 21 ноября немецкое командование, вероятно, посчитало, что севастопольцы окончательно выдохлись и достаточно одного крепкого натиска, чтобы захватить город. Натиск ничего не дал врагу, кроме потерь и вынужденного признания в том, что первый штурм города русской славы провалился. Фашисты перешли к обороне.

Наступило некоторое затишье. Мы понимали: враг концентрировал силы для нового штурма Севастополя. Усиленная подготовка к очередным испытаниям шла и у нас. На передовую прибывали маршевые роты. В 7-ю бригаду возвращались моряки, лечившиеся в госпитале.

Пополнил наши ряды отряд матросов из 8-ой морской пехоты, отличившейся в боях под Дуванкоем.

В ротах велась активная политическая работа, шла боевая учеба. Под руководством командиров мы совершенствовались оборону, отрывали ходы сообщения, возводили укрытия для личного состава и техники. Охотно, с большим вниманием слушали беседы политработников, агитаторов. Новости же были ошеломляющие. Враг разгромлен под Москвой. Герои-панфиловцы обессмертили свои имена. Крылатое клочковское «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва» глубоко взволновало каждого советского воина.

Комиссар бригады Е. И. Ехлаков — он только что вернулся в строй после ранения — говорил:

— Нам тоже отступать некуда. За нашей спиной — Севастополь!

Матросы писали заявления с просьбой принять их в партию. Они успели приглядеться к коммунистам, были покорены их самоотверженностью, отвагой в бою, умением повести за собой беспартийных. Пулеметчик М. Сизов тоже решил вступить в партию, подал заявление.

17 декабря 1941-го вновь дрогнула земля от грохота орудий, минометов, разрывов бомб. Капитан Бондаренко доложил командиру бригады полковнику Е. Жидилову о том, что на горе Гасфорт сосредоточились крупные силы пехоты противника. Комбат просил помощи. Но где взять хотя бы роту?! Е. И. Жидилов собрал всех бойцов, всех, кто мог держать оружие, — около сорока человек, и направил это подкрепление капитану Бондаренко. Командиру батальона В. П. Харитонову было приказано, скрытно выдвинувшись во фланг противнику, внезапно атаковать его. Батальон Бондаренко также атаковал неприятеля и овладел горой Гасфорт. А вечером тяжелая весть опечалила всех: капитан Бондаренко погиб.

Батальон еще в начале декабря перебросили в долину Кара-Коба, придав его первому Севастопольскому полку морской пехоты. В критический момент подчиненные А. Гегешидзе не только сумели удержаться позиции, но крепко потрели противника, намного превосходившего их по численности, и потеснили его. Во время этой атаки погиб один из командиров взводов. Мичман Иван Личкатый принял командование на себя. Пал смертью храбрых командир роты. Коммунист Личкатый вмиг понял — малейшее промедление, и атака может

захлебнуться. Отважный патриот возглавил подразделение.

— За Родину! Вперед! — слышали матросы его возгласы.

Они опрокинули врага. К сожалению, Ивану Личкатому не посчастливилось увидеть этого. Пуля, пробив партбилет, оборвала жизнь моряка.

Враг был силен, коварен, на какие только уловки он не шел! Севастопольцев выручали постоянная бдительность, настороженность, привычка обращать внимание на каждую мелочь.

7-ю бригаду морской пехоты отвели в резерв Командующего Приморской армией. Части разместили на западном склоне Сапун-горы, тылы — в здании бывшего зенитного училища на Корабельной стороне. Штаб бригады и наш третий батальон, обескровленный в боях, донельзя уставший, командование сочло возможным отвести на Максимова дачу, чтобы пополнить его людьми.

Любоваться бы великолепной природой Максимовой дачи, где до войны находился санаторий. Нам было не до этого: понятие «война», кажется, вытеснило из сознания все радости. Мы глядели на высокие чинары, крупнолистные магнолии, орешины, обследовали на досуге причудливые гроты, обросшие плющом, вдыхали аромат роз, прогуливались по живописным полянам, а на душе было беспокойно. Возможно оттого, что изумительный уголок земли был изранен, в язвах воронок от бомб. К главному корпусу бывшего санатория часто подъезжали машины, подводы. Санитары снимали с них раненых, уносили в палаты.

Нет, обстановка не располагала к безмятежному отдыху. Напротив, она взывала к активным действиям, к еще более решительной борьбе с оккупантами.

И все-таки пребывание «в тылу» оказалось для меня памятным. Здесь генерал И. Е. Петров вручил государственные награды многим командирам, политработникам, матросам. Среди них был и наш комбат майор С. Ф. Мальцев. Отличившихся в боях матросов Владимира Суховиня, Михаила Ходотая, Александра Бара, Михаила Тоболина, Василия Демина и многих других сердечно приветствовала делегация городской комсомольской организации. Мне тогда была вручена медаль «За отвагу».

Юные севастопольцы присутствовали на комсомольском собрании батальона. Вместе с моряками они почти

ли память погибших. Зачитывался список воинов, павших смертью храбрых. Многих я знал. Мысленно представлял себе пулеметчиков. Вспомнилось горестное лицо младшего лейтенанта Самохина, его голос, полный отчаяния: «Два неполных отделения от взводов осталось... А нам еще восвать!»

Здесь же, в землянке, состоялся прием в члены ВЛКСМ матросов, отличившихся в боях при защите города. Стал комсомольцем и я, юнга третьего батальона 7-й бригады морской пехоты.

Каждый день обороны Севастополя памятен боями, примечательной особенностью которых были стойкость, героизм защитников, их готовность к самопожертвованию, войсковое товарищество. И даже я, тогда совсем юный боец, глубоко сознавал, что не измерить масштабы этого благородства, вписанного в священную историю нашей Родины. Оно воспитывало людей, звало к новым подвигам. А истоки его испытанные — патриотизм, идейная убежденность, верность воинскому долгу. Партийно-политическая работа, которую вели командиры, политруки, комиссары, коммунисты, укрепляла наш дух, воодушевляла в трудный час. Их личный пример вел бойцов на подвиги.

Гордостью 7-й бригады морской пехоты стал Аркадий Спиридонович Гегешидзе. Едва ли не первому в ней ему в октябре 1942 года было присвоено звание Героя Советского Союза. И он постоянно оправдывал это звание. Его батальон, получивший наименование отдельного стрелкового, командование бросало на самые ответственные участки обороны Севастополя. Ни разу не дрогнули бойцы в минуту опасности. Отвага командира словно делала их вдвое сильнее.

Я и сам понял тогда, что называется, сердцем почувствовал: только гражданин, беспредельно преданный делу партии и народа, способен был выдержать неимоверные трудности, лишь такой человек мог идти на задания, зная, что порой и шансов-то остаться в живых практически нет.

Помню роковую годовщину — ночь с 21 на 22 июня 1942-го, 7-я бригада получила приказ до последней возможности удерживать Федюхины высоты. Моряки выполнили его. Отбив несколько жесточайших атак, сами бросились на врага. Но силы были на исходе. Батальоны, по численности менее полнокровной роты каждый, отступили, а 23 июня по приказу командования закре-

пились на Сапун-горе, где уже готовились к обороне остатки 388-й стрелковой дивизии, такой же обескровленной, как и наша бригада, 9-я бригада морской пехоты, которой командовал полковник Н. В. Благовещенский, другие части.

Немцы, начав штурм Сапун-горы, не смогли продвигаться вперед. А ведь на небольшом пятачке они сосредоточили огонь артиллерии, авиации, огнеметов, стрелкового оружия.

Защитники Севастополя привыкли ко всяким штурмам. Однако этот был мощнее, ожесточеннее других. Бесчисленные взрывы высветили Сапун-гору, сплошным огнем покрылся передний край нашей обороны. «Юнкерсы» продолжали обрабатывать второй эшелон и тылы.

7-я бригада понесла большие потери. Почти полностью погибли моряки в пятом батальоне. Сильно потрепанным оказался первый батальон, однако сопротивление наступавшим оказал героическое. Так же самоотверженно сражались морские пехотинцы капитана А. В. Филиппова. А четвертый батальон даже отбросил вражескую пехоту от высоты Карач.

В нашем взводе после варварских бомбардировок и обстрела осталось не более отделения. Оглушенный взрывами, скорее интуитивно, чем осознанно, я вытащил пулемет из укрытия, подготовил к стрельбе. Матрос Славин, раненный и контуженный, не мог мне помочь.

В это время подполз незнакомый старшина 2-й статьи. Приказал:

— Давай-ка, юнга, подноси ленты. У меня огонек понадежней будет. Я в Одессе из двух «максимов» строчил и получалось.

Машинально я спросил:

— Какое сегодня число?

— Двадцать пятое июня.

Новый пулеметчик и впрямь был виртуоз, которому мог позавидовать даже мой учитель матрос Сизов. Не одну цепь вражеских пехотинцев уложил он на подступах к высоте. Я вел огонь из автомата.

В какое-то мгновение мне показалось, что от всей роты, которой приданы остатки нашего пулеметного взвода, не осталось никого. Оторвался от приклада. Увидел в истерзанной траншее человек пятнадцать. Стало спокойнее на душе. В этот момент разорвалась букваль-

но за спиной мина, острой болью пронзило бок и под правой лопаткой.

— Юнга, ленту! — кричал пулеметчик.

Я не мог сдвинуться с места, выронил автомат. Один из матросов перевязал меня.

— Ковыляй в медсанбат, — посоветовал он.

— Нет, еще повоюю.

Придвинулся к брустверу и, ослепленный, упал на дно окопа.

— Еще один осколок... в правую щеку... Ишь располосовал.

Матрос окликнул санитаря. Тот бинтовал мне лицо, приговаривая:

— Ты уже отвоевался, сынок. Добирайся в Камышевую балку. Там медсанбат. Может, ты по молодости счастливее нас окажешься, живым выйдешь.

Лидер «Ташкент», последний ушедший из Севастополя транспорт с ранеными, с трудом пробившись через огонь, подвергаясь бомбежкам с воздуха, кое-как добрался до Новороссийска. Там и залечивали мои раны военные медики.

С жадностью ловил я каждую весточку о 7-й бригаде морской пехоты. Понеся большие потери, она до конца обороняла Севастополь. Позже ее бойцы, которым посчастливилось остаться в живых, отважно сражались в составе частей Северо-Кавказского фронта на легендарной Малой земле, освобождали Новороссийск, Таманский полуостров, города Крыма, в том числе и Севастополь. Было это в мае 1944 года.

После войны, отдавая дань памяти морякам 7-й бригады, павшим в боях против фашистских захватчиков в 1941—1942 годах, благодарные севастопольцы воздвигли величественный монумент. Он поставлен у подножья горы Госфорт, где мы отбили не одну атаку врага.

КАВКАЗ, ДНИ ИСПЫТАНИЙ...

ейжаж был величественно-суровый: горы, крутые, местами почти недоступные, хмурые от дождливых туч, окугавших вершины. Много сил отнимали эти горы у нас на маршах. Затрудняли

доставку боеприпасов, продуктов питания, сковывали маневр и применение боевой техники. В то же время они оказались и добрыми помощниками в борьбе с врагом. Не в силах сломить сопротивление советских войск концентрированными ударами пехотных частей, артиллерии и авиации, фашистское командование пыталось ввести в бой в районе Малгобек-Согопши моторизованную дивизию СС «Викинг». Однако «броневой клин» увяз в горном бездорожье, а без него атаки пехоты разбивались о железную стойкость наших частей и подразделений. Гитлеровцы не могли осуществить свой план захвата Туапсе и Грозного.

571-й стрелковый полк 317-й стрелковой дивизии, в который я попал, выписавшись из госпиталя, занимал оборону на Моздокском перевале. Мы потеряли счет отбитым атакам. И каждая новая отличалась от предыдущей то большим сосредоточением сил, то изощренным маневром, то огневым налетом, способным выжечь даже камни.

Враг, неся большие потери, не отказывался от своих планов прорваться к Туапсе. Бои на этом направлении носили напряженный характер даже после того, как во второй половине августа фашистское командование, убедившись в тщетности попыток добиться здесь успеха, перебросило часть своих войск в район Новороссийска. Двое суток 317-я стрелковая дивизия, к тому времени входившая в состав 58-й армии, отбивала атаки врага близ Семашского ущелья.

Цель наступления гитлеровцев была ясна: прорвать нашу оборону, выйти к реке Терек, захватить город Малгобек, а затем, бросив танки, прорваться между Терским и Сунженским хребтами, в долину Алхан-Чурт,

выйти к Грозному. Все труднее было сдерживать удары крупных сил.

3-й батальон 571-го стрелкового полка оказался на острие наступления. В ходе боев понес серьезные потери. Приходилось остерегаться снайперов. Замаскировавшись на высотах, они обстреливали оборонявшихся. Особенно часто под их огонь попадали пулеметчики. Мы вынуждены были часто менять позиции, маскировать пулеметы.

Героизм красноармейцев и командиров был массовым. Но сдерживать натиск крупных сил противника становилось все труднее. Наши подразделения отошли на заранее подготовленные позиции.

Еще гремели бои на туапсинском направлении, а серьезная угроза уже нависла над Новороссийском. Позднее, изучая историю Великой Отечественной войны, мы узнали, что неудачи на Северном Кавказе заставили врага изменить направления своих ударов. Захватив Новороссийск, он намеревался наступать вдоль Черноморского побережья и затем пробиться к Туапсе, овладеть им.

Командование Северо-Кавказского фронта и Новороссийского оборонительного района стремилось обеспечить надежную оборону города. В срочном порядке из мелких подразделений и экипажей моряков с погибших кораблей формировались бригады морской пехоты. Одна из них — 255-я — «вобрала в себя» 14-й, 322-й и 142-й батальоны морской пехоты, 726-ю батарею, группы моряков, отозванных из других частей.

С радостным чувством прибыл в формируемую бригаду морской пехоты и я. Но, прикипев сердцем к 571-му стрелковому полку, жадно ловил весточки о нем, о товарищах, продолжавших сражаться в его рядах.

Поначалу наша бригада называлась первой сводной бригадой морской пехоты. Она лишь 25 сентября, уже пройдя через бои, получила наименование 255-й. Костяк ее — фронтовики, многие уже были награждены орденами и медалями. Мы знали своих героев, гордились победами, одержанными в боях. В батальонах деятельно велась партийно-политическая работа.

Командиры, политики старались поскорее сплотить воинские коллективы. Проводили беседы о воинском товариществе, взаимовыручке в бою, настраивали на необходимость быть стойким, инициативным, храбрым в схватках с противником, регулярно информировали о

положении на фронте. Думаю, эта работа была столь же необходимой, как и занятия по боевой подготовке. Она спланировала, цементировала подразделения. Многие мероприятия глубоко западали в душу.

Запомнилась ночь на 30 августа 1942 года. В подразделениях проходили партийные и комсомольские собрания. Зачитали приказ Верховного Главнокомандующего №227, который вошел в историю под лаконичным названием «Ни шагу назад!» Выступавшие говорили о долге, чести коммунистов, комсомольцев быть в авангарде, личным примером увлекать товарищей в бою.

В общем, опять став морским пехотинцем, я жил тем, что волновало, беспокоило каждого патриота,— бороться за скорейший разгром врага. Признаюсь, однако, в первые дни жалел, что попал не в родную 7-ю бригаду, а во вновь сформированную. Радовало лишь одно — здесь встретил моряков, знакомых по Севастополю. На них и бывалые фронтовики поглядывали с уважением. В 14-м батальоне, в том числе в пулеметном взводе, куда меня назначили командиром отделения, севастопольцев оказалось особенно много. Совершенно неожиданно столкнулись в траншее со старшиной первой статьи И. Журухиным. Иван по праву считался моряком закаленным. Успел повоевать в Одессе. В одном из боев на Мекензиевых горах был ранен, попал в госпиталь.

Теперь получил назначение в 255-ю бригаду. Комиссару М. К. Видову сразу пришелся по душе смелый моряк с солидным боевым опытом за плечами. Он направил И. Журухина в политотдел. И не ошибся в выборе: Иван Федорович стал хорошим политработником, которого уважали в бригаде, ценили, многие учились у него выдержке, умению быть хладнокровным в бою.

Иначе говоря, 255-я бригада морской пехоты, еще не получив боевого знамени, уже имела боевой опыт, потому что в нее вошли воины обстрелянные, достаточно понюхавшие пороху. 142-й отдельный батальон морской пехоты, например, храбро сражался при обороне перевалов Бабица, Кабардинского и города Геленджика. Отличились в боях и моряки других подразделений. Командовали бригадой тоже люди, прошедшие горнило испытаний: полковник Д. В. Гордеев, военный комиссар — батальонный комиссар М. К. Видов.

Нам была поставлена задача — прикрыть шоссе Неберджаевская — Новороссийск, а также удерживать господствующие высоты на этом направлении. Бригада зак-

репилась на указанном рубеже. Пока была возможность, командиры организовали занятия по боевой подготовке. Добивались того, чтобы каждый морской пехотинец хорошо владел штатным оружием, умел использовать оружие противника. Отрабатывались элементы взаимодействия подразделений. Несколько дней учебы принесли большую пользу личному составу. Уже первые схватки с врагом подтвердили это.

Бои... С первого сентября 1942 г. они вообще были непрерывными. Части 9-й немецкой пехотной дивизии, при поддержке авиации, наступая со стороны Неберджаевской, все делали, чтобы разгромить 225-ю бригаду, расчистить себе путь на Новороссийск. Моряки пятеро суток отбивали атаки. Крепко выручали нас комендоры боевых кораблей, береговая артиллерия, авиаторы Черноморского флота.

В дни обороны Новороссийска над 255-й бригадой морской пехоты нависла угроза полного окружения. 142-й батальон, которым командовал капитан-лейтенант О. И. Кузьмин, был отрезан врагом от остальных сил бригады. Командный пункт батальона четыре раза оказывался в плотном кольце наступающих. Четыре дня находилась в окружении третья рота этого батальона, ею командовал политрук Н. И. Нежлев. И в такой критической обстановке бойцы не теряли силы духа. Решительно отбрасывали они противника на исходные позиции¹.

Тяжело было и личному составу 322-го батальона. Я был знаком со многими матросами, старшинами, хорошо знал командира первой роты младшего лейтенанта В. Г. Миловатского, человека душевного и вместе с тем властного, требовательного. До войны Миловатский работал в школе учителем. Он и теперь был хорошим учителем для подчиненных. Прекрасно владел штатным стрелковым и холодным оружием. Грамотно выбирал позиции для роты. Требовал от бойцов «врасти в землю», то есть отрыть окоп так, чтобы он был крепостью. Поругивал тех, кто пренебрегал маскировкой.

В. Г. Миловатского любили за смелость и оптимизм, за общительность и умение в нужную минуту помочь товарищу. Встретившись с ним после описываемых боев, я спросил его:

— Говорят, ваша рота двадцать атак отбила?

¹ Архив МО СССР, ф. 224, оп. 759, д. 45, л. 1—2.

Он ответил с усмешкой:

— Кто-то преувеличил. 19 атак отбили, это точно.

Нетрудно было представить, что творилось там, где оборонялась первая рота. Против нее действовал немецкий штрафной батальон. Штрафникам — бывшим офицерам — пообещали: сломите сопротивление моряков — будете восстановлены в прежних воинских званиях, возвратят вам и награды.

Воевал этот батальон штрафников с остервенением. Фашистское командование негодовало: батальон так и не сумел потеснить роту, которая к тому же то и дело подвергалась минометно-артиллерийским ударам, бомбежкам с воздуха.

14-й батальон действовал по соседству со 142-м. Здесь тоже бывали моменты, когда гитлеровцы собирались торжествовать победу.

Они прижали нас к самому берегу, где ни сманеврировать, ни укрыться. В это время кто-то увидел М. К. Видова. Было просто немыслимо, как умудрился он с группой моряков пробиться в наш батальон (им командовал майор А. Хлябич).

— Комиссар с автоматчиками!.. Помощь подоспела! — передавали бойцы друг другу.

Ничего, что группа была немногочисленной. Одно то, что она здесь, на огненном пятачке, прибавляло сил.

В это время раздалось властное:

— За Родину! Вперед, моряки!

Видов с автоматом в руках повел бойцов в атаку. Мы прорвались к батальону капитан-лейтенанта О. И. Кузьмина. Теперь, объединив силы, легче было решать очередную задачу. Так ценой громадного напряжения морские пехотинцы ликвидировали угрозу.

Пожалуй, труднее, чем остальным, было третьей роте. Ею командовал лейтенант Синецкий, молодой, смелый моряк. Подразделение оборонялось на опасном насквозь простреливаемом участке у крутого каменистого обрыва. Гитлеровцы, скрываясь под обрывом, подтягивали свежие силы. Лейтенант понимал, чем может обернуться для роты эта концентрация вражеских пехотинцев. Он быстро написал донесение майору А. А. Хлябичу и передал связному — матросу Кафуру Мамедову.

— Срочно комбату, — предупредил Синецкий комсомольца.

Мамедов справился с заданием, доложил майору Хлябичу. Командир батальона направил с Мамедовым

нескольких матросов и приказал ликвидировать угрозу окружения. Связной, его друзья Александр Воякин и Леонид Гуляев скрытно приблизились к противнику, стали забрасывать его гранатами. Умолкли фашистские пулеметы, обстреливавшие третью роту, сразу слабее стал огонь автоматчиков. Но в расположение остатков роты уже успело просочиться свыше взвода гитлеровцев. Был окружен лейтенант Синецкий. Матросы Чиркун, Степигин, еще несколько человек бросились к командиру на помощь. Упал, сраженный пулей, Воякин, Гуляев и Алексей Степигин, метнувшись к Синецкому, заслонили его от врага, но сами погибли. Смертельно раненный Александр Чиркун успел дать очередь и уложить немца, замахнувшегося гранатой. Кафур Мамедов, прижав наступавших к земле длинной очередью, швырнул в них гранату. Он уже считал, что командир в безопасности, как заметил гитлеровца, готового открыть огонь. В два прыжка матрос оказался возле лейтенанта и прикрыл его своей грудью. Очередь оборвала жизнь комсомольца. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 года Кафур Мамедов посмертно был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Жаркие схватки, переходившие в рукопашные, сменялись огневыми налетами, бомбежками. Укрыться от них было трудно.

В районе завода «Пролетарий» наш батальон сначала занял оборону в домах. Каменные постройки надежно защищали бойцов от пуль и осколков. Фашисты, обнаружив это, подвергли окраину города артиллерийско-минометному обстрелу и бомбежкам. Пришлось оборудовать укрытия на улице, выбирать позиции у стен, в кюветах. «Ни шагу назад!» — таково было требование Родины, и каждый свято выполнял его.

Только получив приказ — прорвать кольцо окружения и отступить в сторону Мефодиевского перевала, моряки начали отход. Первым выводил свои подразделения 14-й батальон. Следом шел 322-й, последним — 142-й.

Отступление всегда угнетает. Переживали тогда и мы, хотя и сознавали: без боеприпасов и оружия противника не одолеть. У нас каждый патрон был на счету. Почти все пулеметы оказались поврежденными. В мой «максим» угодила мина, разбила его. Так что путь из окружения отделение пробивало огнем из автоматов.

Пробились. А в сознании — беспокойная мысль: «Неужели не так воюем?» Были основания для подобных

раздумий. Я, перебирая в памяти поступки товарищей, могу с уверенностью сказать: многие из них сделали больше, чем могли, чем положено по норме, если такие нормы на войне существуют. А враг, казалось, располагал неисчерпаемыми резервами.

Откуда мне, младшему сержанту, командиру пулеметного отделения было знать тогда, что для захвата Новороссийска гитлеровское командование выделило силы, которые превосходили наши по количеству людей в 4 раза, орудий и минометов в 7 раз, танков и самолетов — в 2 раза¹.

Выход из окружения вовсе не означал какого-то затишья. Бригада продолжала вести бои. Она обороняла хутор Мефодиевский и гору Долгая. Более десяти суток сражались мы на этом рубеже, не давая возможности врагу прорваться к побережью.

Вместо станкового пулемета мне в отделение дали три ручных. Но трудно было даже запомнить подчиненных: менялись они часто. Кто по ранению выбывал, кто погибал. Мы старались выбирать позиции надежно, оборудовали их в инженерном отношении тщательно, маскировали. Однако у пулеметчиков в бою врагов много. За ними охотятся снайперы, минометчики, артиллеристы, пулеметчики, наконец, пехотинцы.

Трудно представить, сколько свинца было выпущено по каждому из наших пулеметных отделений даже в течение двух суток боев за хутор Мефодиевский. Тогда мы отбили одиннадцать атак.

За образцовое выполнение боевых задач многие моряки бригады были удостоены государственных наград. Мне вручили орден Красной Звезды.

Оборона Кавказа продолжалась. Над Новороссийском стоял дым пожарами, смешанный с цементной пылью, копотью, гарью. Бои в городе шли повсюду. Моряки, захватив водонапорную башню, строчили из пулеметов и автоматов по наседавшим гитлеровцам, мешая им пробиться к площади Октября. Фашисты сумели захватить цементный завод «Пролетарий». Зато прорвать оборону в районе другого цементного завода — «Октябрь» так и не смогли. Его удерживали морские пехотинцы 305-го, 14-го батальонов и 83-й бригады морской пехоты.

Из-за грохота, дыма, пыли подчас трудно было сориентироваться в обстановке. Наша рота закрепилась в полуразрушенном доме. Наблюдатели, не разобравшись, доложили: «В здании напротив — немцы». Вмиг мы навели пулеметы. Минометчики наши также готовы были открыть огонь. К счастью, заметил перебегавшего от укрытия к укрытию моряка.

— Так это ж наши!

Оказалось, бойцы подразделений 83-й бригады морской пехоты, наступавшие с другой стороны, заняли оборону по соседству с нами.

Несмотря на стойкость, мужество наших воинов, враг все-таки использовал свое численное преимущество, превосходство в оружии и технике. Он теснил нас. Медленно, с большими для себя потерями, но продвигался. Седьмого сентября ему удалось захватить железнодорожный вокзал, элеватор, порт. Через день враг занял почти весь западный район города. Кое-где продвинулся еще немного. У стен цементного завода «Октябрь», в других местах наступление его застопорилось. К середине сентября линия фронта под Новороссийском стабилизировалась.

Наша бригада, нуждавшаяся в пополнении и отдыхе, передала свои позиции 81-й морской стрелковой бригаде и вышла в новый район. Однако предполагаемого отдыха получить не удалось. Обстановка была чрезвычайно напряженной. 14-й батальон вышел к перевалу Кабардинский и занял там оборону. Такую же задачу только в районе Широкая Щель выполняли 142-й и 322-й батальоны.

Дни активной обороны оказались и периодом подготовки к новым наступательным боям. Вскоре они начались. Бригаде надлежало разгромить врага в районе колхоза «Первый греческий». Задачу морские пехотинцы выполнили. В большую заслугу нашему 14-му батальону командование ставило стремительное выдвижение моряков к высоте 439,5 и захват ее. Потеряв выгодный тактический рубеж, противник вынужден был отступить.

Бои продолжались. Правда, уже не такими мощными были удары фашистских войск, как поначалу. Вероятнее всего, противник исчерпывал свои резервы. Действительно, в конце сентября на новороссийском направлении он перешел к обороне.

Все батальоны бригады участвовали еще в нескольких довольно крупных боях. Наконец, к исходу октября

¹ А. А. Гречко. Годы войны, М., Военгиздат, 1976, с. 260

мы, совершив марш, прибыли в Адербиевку, в резерв командующего 47-й армией. Затем, приняв участие в разгроме значительных сил гитлеровцев, прорвавшихся к хутору Кирково, бригада получила кратковременный отдых в Геленджике, там же была доукомплектована. В жизни ее, да и еще ряда частей, наступил важный период: подготовка к десантной операции, которой суждено было яркой героической страницей вписаться в историю Великой Отечественной войны.

...Пока лишь узкому кругу лиц было известно о готовившемся десанте советских войск на Мысхако.

Мы, бойцы и командиры, гордились тем, что Родина высоко оценила наш ратный труд. 255-я бригада морской пехоты была награждена орденом Красного Знамени.

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ: НИ МИНУТЫ ТИШИНЫ

ДЕСАНТ УХОДИТ В НОЧЬ

амья человеческая — это такой сосуд, что в нем всегда остаются капли воспоминаний...» Мысленно соглашаюсь с писателем Анатолием Софроновым, которому принадлежат слова. Действительно, лишь капли воспоминаний остались у меня от того, что увидел, испытал вместе с другими малоземельцами. Сливаясь, они воссоздают частичную и в то же время полную героики, самопожертвования и трагизма батальную панораму, которая по праву вошла в историю Великой Отечественной войны.

Перед мысленным взором моим — третье февраля 1943 года. Весь день моросил надоедливый дождь. Холодный ветер срывал пену с гребней волн, раскачивал суда у причалов. Мы знали: ночью отправляемся в десантную операцию. Об этом шла речь на только что состоявшихся партийных, комсомольских собраниях, на митинге. Десантники клялись Родине, Коммунистической партии до конца выполнить воинский долг.

И вот мы, как говорят спортсмены, на старте. В сумерках, зябко поеживаясь от промозглого ветра, стоим, готовые к погрузке на суда, ждем команду. Люди сутулятся под тяжестью оружия, вещмешков с боеприпасами. К ужасу своего второго номера я прихватил четырнадцать коробок с пулеметными лентами, гранаты, автомат с дисками. Вдвоем всего не донести. Нам вызвались помочь матросы, хотя у каждого из них груз и так немалый. Но у бывалых воинов отношение к пулемету почтительное, к пулеметчикам — тоже.

Мне было чуточку не по себе оттого, что отправлялся в бой не «со своим» взводом. Дело в том, что 14-й батальон морской пехоты планировалось погрузить на несколько барж. Требовалось, чтобы на каждый из них был станковый пулемет. Угнетало и ощущение необычного: в десант я шел впервые. Посочувствовал необстрелянным матросам: каково им! Сгрудились вокруг Журухина, Семенова, Кравченко. Эти парни защищали

Одессу, Севастополь, воевали на Кавказе. Все они — коммунисты. Лейтенанты Журухин и Кравченко — работники политотдела бригады.

— ... Очень важно быстро десантироваться, захватить плацдарм, закрепиться на нем, огневые точки уничтожить. Оружие берегите...

Матросы нетерпеливо поглядывали на суда, пришвартованные к причалам, на подразделения, готовые к погрузке.

Все мы тогда были под впечатлением радостной вести о завершении разгрома трехсоттысячной армии гитлеровцев в Сталинграде. Так хотелось бить и бить врага, чтобы скорее изгнать его с родной земли, уничтожить фашизм в его логове!

Кроме 255-й Краснознаменной бригады морской пехоты и 563-го танкового батальона, отправлявшихся на операцию из Геленджика, из Туапсе к месту высадки десанта шли на судах 165-я стрелковая бригада, 29-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, другие части и подразделения.

Иван Журухин, беседуя с матросами, подбадривал:

— С воздуха нас поддержат Отдельный фронтовой авиадесантный полк, с земли — Отдельный пулеметный батальон. С моря — крейсеры «Красный Крым», «Красный Кавказ», лидер «Харьков», эсминцы «Беспощадный» и «Сообразительный». Когда захватим плацдарм и двинемся на Новороссийск, нас поддержат части 47-й и 56-й армий. Так что не робей, братцы!

Никто из нас, рядовых тружеников войны, не знал о планах командования, конкретных целях операции, ее «структуре». Мы лишь сознавали свою причастность к решению важной задачи по разгрому врага, освобождению Новороссийска. Сознали и ...спешили. В сгушавшихся сумерках старались рассмотреть названия судов, сосредоточенных в порту для того, чтобы обеспечить доставку десанта к месту боевых действий, его высадку, захват плацдарма.

С этой целью были оформлены отряд десантных транспортов, отряд охранения транспортов, отряд высадочных средств, отряд корабельной поддержки и отряд огневого содействия, о котором упоминал в своей беседе И. Журухин. Командовал высадкой десанта контр-адмирал Н. Е. Басистый. А командиром десанта был назначен бывший командир нашей бригады полковник Д. В. Гордеев.

В 19 часов 40 минут наконец завершилась погрузка на суда. Командиры торопили, отдавали распоряжения, нервничали, видя, что нарушался заранее разработанный график. В час ночи 4-го февраля должна была начаться операция, не позднее двух часов — высадка основного десанта.

А тут и непогода стала серьезной помехой, и море штормило. Отставал отряд высадочных средств. Тральщики, сторожевые корабли, самоходные баржи, буксиры, сейнеры и баркасы не могли угнаться за быстроходными катерами.

Только повернула наша канонерская лодка «Красная Абхазия» за Толстый мыс, как сразу почувствовали мы проказы норд-оста, мощь ударов встречной волны. Резко упала скорость движения. Падало и настроение у многих бойцов.

Все притихли поначалу, целиком ушли в свои думы. Я старался представить, как будем десантироваться в такую штормовую погоду. В период подготовки к операции практических занятий с нами проводилось много. Геленджикская бухта — свидетель того, как мы по ночам бросались с судов в ледяную воду, штурмовали берег. Однако то были тренировки. Мы учились быстро занимать места на корабле, высаживаться, атаковать противника, вести огонь по вспышкам — иначе говоря, по пулеметам, автоматам.

— Куда мы плывем? Зачем морем? По земле-то надежнее...

В темноте не видно было того, кто произнес эти слова. Скорее всего, новичок не выдержал, выплеснул, что накопело на душе.

Откуда-то из трюма или кубрика выбрался И. Журухин. Сказал просто:

— Теперь можно не скрывать. Идем в Южную Озерейку. Захватываем там плацдарм. На мыс Мысхако в районе Станички высаживается демонстративный десант — отряд моряков, которым командует майор Куников.

Цезарь Куников... В дни подготовки к операции бойцы нашей бригады и моряки отряда Ц. Куникова располагались по соседству, дружили. О Цезаре Львовиче, его храбрости, командирской предприимчивости, заботе о людях и требовательности к ним ходили легенды. Мне же этот человек стал особенно симпатичен после того, как довелось послушать его, увидеть в деле.

Первый раз такой случай выпал вскоре по прибытии в Геленджик. Вечером, незадолго до отбоя, пошел я к товарищу. Отряд Ц. Куникова размещался недалеко от Геленджикской бухты, на Тонком мысу. Майор и другие командиры жили в одноэтажном доме с колоннами. Проходя мимо, я невольно замедлил шаг в надежде увидеть отважного человека. Но, как утверждали десантники, застать Цезаря Львовича Куникова дома было невозможно. И вдруг неподалеку послышалось:

— ...Фашистскую орду мы разгромим. Гитлер не уйдет от расплаты.

И такая уверенность была в словах говорившего, что я замедлил шаг, а потом приблизился к группе моряков. Оратора из-за спин поначалу не увидел. Спросил их вполголоса:

— Кто это?

— Тише ты... Куников с молодым пополнением беседует.

— А ты разве молодой матрос? — спросил я старшину 2-й статьи с медалью на форменке.

— Отстань... Дай послушать.

Не было ни трибуны, ни казенной строгости, отличающей официальные собрания. Шел товарищеский обмен мнениями.

Как я потом узнал, беседа эта оказалась одной из тех, «случайных куниковских», которые нравились морякам.

Несколько дней спустя я увидел Ц. Л. Куникова в совершенно иной обстановке. До нитки промокший, охрипший, он командовал высадкой «десанта» в Геленджикской бухте. Вероятно, не все получалось гладко. Потому что майор возвращал подчиненных на судно, и десантники вновь бросались в воду, штурмовали каменистый берег, уничтожали огнем средства «противника».

...Все сильнее штормило море. Кто-то заметил, что лопнул буксирный конец, и тральщик, избавившись от тяжелого болендера, предельно загруженного танками и десантниками, легко рванулся вперед. Потом он сбавил ход, чтобы вновь взять судно на буксир.

Некстати были подобные задержки. Впрочем, десант уже и не мог своевременно прибыть в район Южной Озерейки: слишком низка была скорость движения судов, встречный ветер и крутая волна мешали им.

Там, где надлежало действовать 255-й бригаде морской пехоты, виднелось зарево. Порывы ветра доноси-

ли оттуда взрывы бомб и артиллерийской канонады. Наша авиация, действуя точно по плану, сбросила в районе деревень Глебовка и Васильевка зажигательные бомбы, чтобы создать таким образом световые ориентиры. Используя их, следующая группа самолетов осуществила близ Васильевки и Глебовки выброску десанта с воздуха и нанесла бомбовый удар по позициям противника. Точно в срок приступили к выполнению своей задачи корабли отряда огневого содействия. В течение тридцати минут крейсера «Красный Кавказ», «Красный Крым», лидер «Харьков», эсминцы «Беспощадный» и «Сообразительный» наносили мощные залпы по оборонительным сооружениям врага.

Пора было морским пехотинцам, другим бойцам десантироваться, захватывать плацдарм. Но войска еще были в пути. Мы подошли к берегу только в половине третьего ночи. Момент атаки был упущен. Неудачу усугубляло и то, что левофланговые части Черноморской группы войск, начавшие наступление на Новороссийск по суше, не смогли сломить яростного сопротивления врага и не вышли к перевалу Маркотх.

Конечно, это нам стало известно гораздо позже. А тогда мы жили одним: быстрее выбраться на землю, захватить плацдарм.

Озерейская долина казалась безлюдной, мирной даже, слегка залитой матовым светом. И вдруг, когда суда подошли едва не к самому берегу, луч прожектора, ослепительно яркий и быстрый, рассек темноту, выхватил из нее суда. Осветительные ракеты и вовсе рассеяли ночной мрак. Загрохотали орудия. Вспыхнули баржи, окрашивая в огненный цвет набегавшие волны. Узнаю одну из барж: на ней расчет пулемета В. Карпова из моего отделения. Жив ли он, могучий детина с огненно-красным чубом?

Закипела вода от взрывов снарядов и мин вокруг «Красной Абхазии». Но почему нет команды на десантирование? Может быть, следует открыть огонь отсюда, с борта. Вместе со вторым номером подготовили пулемет к стрельбе. На берегу видны люди. Наши, десантники.

— 142-й батальон высадился,— кричал мне на ухо матрос Кравченко.

— Сейчас и мы пойдем.

Промелькнул в огненно-черном аду командир 142-го батальона капитан 3-го ранга О. Кузьмин и затерялся где-то в цепи атакующих. Обычно спокойный полковник

А. С. Потапов что-то кричал десанникам, размахивая руками. Голос у бывшего нашего комбрига басовитый. Но сейчас его заглушали грохот боя, плеск волн. В чем дело — не понять, не догадаться. Только дрогнула канонерская лодка, развернулась, набирая скорость, пошла в море, следом за другими судами.

Мы не могли смотреть в глаза друг другу. И объяснить не могли, почему оставили на явную гибель батальон морских пехотинцев, а также парашютистов, десантировавшихся близ Глебовки и Васильевки. Больше всяких ран терзал укор совести: «Вы-то вернулись в Геленджик, а батальон Кузьмина там кровью истекает...».

Причину случившегося в конце концов узнали. Несмотря на мощные удары нашей авиации и боевых кораблей, гитлеровцам удалось уберечь живую силу и технику. Поэтому враг и встретил десант организованным огнем. В первые же минуты в отряде оказались большие потери, затоплено несколько судов, в том числе баржи с танками. Решено было не рисковать излишне, сохранить корабли.

— А что у Цезаря Куникова?— неторопливо спрашивали десантники.

— Цезарю Львовичу повезло. Закрепился его отряд в районе Станички, на мысе Мысхако.

Радостная весть чуточку смягчила боль переживаний. Новые события как-то заглушили ее, вернее сказать, притупили.

Мы еще размышляли, спорили, удержат ли куниковцы плацдарм. Ведь поначалу в Станичке высадилось 250 человек. Правда, к утру, когда стало ясно, что демонстративный десант может стать основным, на плацдарм прибыли еще две группы бойцов. Так что к утру 5-го февраля в районе Станички сражались не менее восьмисот человек. Но это очень мало в сравнении с количеством вражеских войск.

Взвод лейтенанта Карманова, заняв оборону в небольших домах Станички, отчаянно отбивал атаки танков и пехоты противника. Фашистам удалось окружить моряков. По приказанию старшего лейтенанта В. А. Ботылева десантники стали выходить из западни. Пробились сквозь лавину огня. Погибшего командира взвода вынесли. Александр Челибьев, прикрывая отход товарищей, был ранен и едва сумел доползти до своих.

Эти подробности мне стали известны позже. А тогда, вспоминая о друзьях, каждый из нас был во власти предстоящих событий.

Поздно вечером 5-го февраля поступила команда: грузиться. Опять все мысли о десанте. Куда? В Южную Озерейку? Нет, пробиться туда было уже невозможно. В пути узнали: идем в район Станички.

Цемеская бухта встретила корабли огненными сполохами взрывов, свинцевым ливнем. Каким-то чудом «Красный Аджаристан», доставивший нас, прошел через эту лавину смерти, приблизился к пристани рыбзавода. Я уже готов был прыгнуть в воду, когда ко мне подбежал высоченного роста матрос.

— Давай помогу, браток. А то утопишь оружие.

Он выхватил у меня пулеметный ствол, бросился с ним в черный водоворот. Мне и второму номеру расчета осталось донести станок, коробки с лентами, сумки с гранатами. Прыгнули. Воды — по самую шею. На берегу сразу до костей прохватил ветер. Однако думать об этом недосуг, когда слышишь команду открыть огонь. Только собрали пулемет, окликнул кто-то, голос знакомый:

— Где ваш комбриг? Срочно сюда!

— «Это же Куников», — мелькнуло в сознании. Обмундирование на нем было такое же, что и на других десантниках: шапка, телогрейка, стеганые брюки, кирзовые сапоги. Пока второй номер разыскивал находившегося неподалеку А. С. Потапова, я выдвинулся на возвышенное место, готовый открыть огонь. И тут вновь уловил приглушенный расстоянием знакомый голос. Ц. Л. Куников вводил А. С. Потапова в обстановку, настойчиво убеждал в необходимости захватить высоту у кладбища, западнее Станички, еще какие-то ключевые позиции. Мелькнула в сознании досадливая мысль: «Эх, если б вся 255-я бригада десантировала сразу, тогда бы... А пока прибыл наш батальон да еще две или три роты». Большая часть бригады еще находилась на Большой земле.

Мой расчет был придан роте, которой командовал старший лейтенант Ю. В. Колесников. Вступили в бой в районе железнодорожного полотна, ломая сопротивляющиеся гитлеровцев, продвигались в сторону кладбища. Закрепились на подступах к кладбищу. Позиции были неудобными, местность просматривалась и простреливалась с высот.

Утром шестого февраля совместно с куниковцами отбили первую атаку фашистов. За день — не менее пяти. Не давала покоя авиация. Фашистские стервятники

бомбили позиции, обстреливали нас с бреющего полета. Пользовались тем, что не было у десантников зенитных средств. Правда, один из налетов оказал морским пехотинцам... добрую услугу. Наши позиции находились совсем недалеко от немецких. Гитлеровские авиаторы, не разобравшись, стали сбрасывать бомбы на своих. Оттуда взмывали в воздух серии ракет — желтых, зеленых. Кто-то из наших командиров вмиг сообразил, что к чему, и подал такой же сигнал. Летчики, совсем запутавшись, сделали еще один заход. Над немецкими траншеями повисло черное облако.

— Так их! Так! — кричали довольные моряки.

Едва скрылись фашистские самолеты, как появились наши и тоже сбросили щедрую порцию бомб в расположение врага.

В перерывах между боями и всю следующую ночь выполняли установку замполита М. К. Видова, умудрившегося побывать в расположении роты: «Зарыться в землю поглубже, беречь оружие». Всякий раз, когда началась артподготовка, я затаскивал пулемет в нишу, выдолбленную в стенке окопа. Так поступил и сейчас, едва увидел в небе свору фашистских самолетов.

— Правильно делаешь, сержант, — донеслось до моего слуха.

По траншее пробирались майор Ц. Л. Куников и старший лейтенант Ю. В. Колесников. Они переждали бомбежку. Все было в дыму и пыли. Першило в горле. Куников, прокашлявшись, показал рукой ротному:

— Видишь, откуда бьет артиллерия? С высот. Пулеметы? Тоже с них. Советую: пошли две-три группы, пусть моряки уничтожат вражеские заслоны. Сделаешь это — завтра обо мне с благодарностью вспомнишь.

Колесников ответил:

— Сделаю... Еще снайперы досаждают. Никак не определим, откуда стреляют. Уж четверых мы сегодня потеряли.

— Не иначе, как с той вон высоты. Пусть на рассвете минометчики обстреляют ее.

Куников помедлил немного и сказал решительно:

— Ладно, мне пора. Но ты насчет высот не забудь. Твоих соседей — капитана Григорьева и старшего лейтенанта Зозина — я тоже предупредил: если не уничтожат огневые точки врага на высотах, то днем он переребьет десантников.

Ночью уползли к высотам три группы десантников. Примерно через час прогремели взрывы гранат. Матросы уничтожили несколько опасных огневых точек.

Прав оказался Цезарь Львович и в отношении снайперов. Рано утром ударили минометы по той высоте перед кладбищем, на которую указал Куников и, должно быть, накрыл там стрелков-охотников.

На следующий день пришлось расстаться со своей солдатской крепостью, оборудовать другую. Эта позиция оказалась не совсем удачной. После мощного огневого налета немцы приблизились к нашим боевым порядкам. Стрелять по ним с фланга из пулемета было нельзя. Рота дралась врукопашную. Враг не выдержал, отступил.

Колесников, шатаясь от усталости, в рваной телогрейке, подошел к «максиму», постоял, изучая местность из-за бруствера.

— Вон там, возле воронки, отroyте окоп... Хороший будет обзор, сектор обстрела увеличится.

До воронки — несколько метров. Одолеть же их было труднее, чем в ином месте десяток километров, только приподнял боец шапку, брошенную на ствол автомата, как пуля пробил ее. Снайпер не дремал.

— Ничего, — спокойно заметил ротный. — Отроете траншею, потом и сам окоп. Заодно постарайтесь засечь, откуда снайперы бьют.

Несколько суток без сна и отдыха, в сплошном грохоте могли свести с ума. Тело, разум жаждали тишины. Хотя бы сиюминутной, короткой паузы. Ее не было.

Бойцы пулеметного расчета из последних сил, по очереди долбили каменистый грунт, пробивая траншею. Но что эта была за работа! Лишь минуту — другую орудовал человек лопатой и валился с ног, уступал место другому.

Так прошла ночь. К утру мы все-таки отрыли окоп. Следующий день отличался от предыдущих особой жесточенностью вражеского натиска, плотностью артиллерийско-минометного обстрела, большим количеством бомбежек с воздуха. Да еще тем, пожалуй, что гитлеровцы на нашем участке ввели в бой танки.

На войне редко бывает, чтобы силы противоборствующих сторон оказывались равными. И все-таки диспропорции, подобной той, какую мы увидели при первой атаке 7-го февраля, тоже не часты. Против нашей роты двигалось несколько танков, до батальона пехоты. Гит-

леровцы решили во что бы то ни стало смять десант, ликвидировать угрозу.

Броневые машины приближались. Сейчас бы артиллерии побольше! А что у нас? Расчет 45-миллиметровой пушки, несколько противотанковых ружей да гранаты. Мне был виден окоп расчета ПТР матроса А. С. Черных. Где-то позади нас «зарылись в землю» минометчики взвода младшего лейтенанта А. А. Барбелюка. Говорили, что Саша Барбелюк был самым молодым командиром на Малой земле: ему только-только исполнилось восемнадцать лет. А уже и повоевать успел, и награду получить. *Толяма возверсе нас было воевал.*

На левом фланге — пулеметное отделение сержанта Анатолия Водянка. «Самым левофланговым» на Малой земле был расчет пулеметчика А. Машина. Над этим матросом, застенчивым и добродушным, подшучивали товарищи:

— Дальше твоего окопа, Толя, и война не шагнула. Будут историки писать труды, непременно отметят: «Самым левофланговым пулеметом фронта Великой Отечественной войны был «максим» матроса Анатолия Машина».

Машин ухмылялся:

— Как же, левее меня, на самом левом фланге плацдарма, красноармеец Нетребин воюет, знаете, усатый такой, с автоматом не расстается. Вот ему и выпадет вся слава. Вчера Павел Кирпичев с него портрет писал. Сказал, для «Полундры», а может, для истории, не знаю.

Красноармеец Максим Яковлевич Нетребин действительно стал личностью популярной. Он был участником гражданской войны. Причем сражался в отряде Ивана Кочубея, затем в Первой Конной армии. Так получилось, что военную присягу Максим Нетребин принял уже на Малой земле одновременно с сыном Иваном. Оба были солдатами образцовыми, инициативу и смелость проявляли постоянно. Нетребин-старший очень выручил десантников, когда от вражеской мины погиб весь пулеметный расчет. В нашей обороне обозначилась «брешь». Ею и решили воспользоваться фашисты. Максим Яковлевич быстро привел пулемет в порядок и меткими очередями скошил не одного оккупанта.

Отличался М. Нетребин и в других боях. С таких воинов, как он, брали пример молодые моряки. Проявляли находчивость, даже изобретательность. Помню нас

беспокоил левый фланг. Из противотанковых средств там был лишь расчет ПТР (противотанковых ружей).

Мы ждали команду открыть огонь. Ее все не поступало. Но когда она прозвучала, пушка и ПТР не «подали голоса». Только минометный залп накрыл пехоту. Наглая вражеская шеренга вмиг сломалась. Пулеметные очереди загнали фашистских вояк за танки, прижали к земле.

Вдруг над самой головой просвистел снаряд. Оглянувшись, я не поверил своим глазам: сержант Грек выкатил «сорокапятку» из укрытия и вел огонь, словно не было ни свинцовой пурги, ни снайперов. Второй выстрел достиг цели. Танк, теряя гусеницу, развернулся, подставил борт, а заодно и... автоматчиков, скрывавшихся за его кормой. Воспользовавшись растерянностью гитлеровцев, я дал по толпе очередь и сразу перенес огонь чуть левее, в сторону соседнего танка — он вырвался вперед. И мне были видны следовавшие за ним солдаты.

В то же мгновение танк дрогнул, встал. Сержант И. Грек подбил и его. Матрос А. Черных тоже открыл счет. Грязно-серую волну вражьей пехоты секли мины, пулеметные и автоматные очереди. И она, все еще превосходя наши силы числом, нанося нам урон, уже не казалась гнетуще-страшной, неотразимой.

Подносчик патронов порадовал меня вестью:

— У нас в тылу второй минометный взвод занял позиции. Сейчас откроет огонь.

Мне знаком был командир этого взвода младший лейтенант Г. А. Онипко. А об одном из его подчиненных — матросе Г. П. Гордееве говорили в бригаде: «Кладет мины в цель, как хозяйка блины на тарелку».

Подкрепление помогло нам. А еще мы были признательны артиллеристам 20-го десантного стрелкового корпуса генерал-майора А. А. Гречкина. Орудийные залпы, интенсивный огонь десантников вынудили противника отступать. Перейдя к его преследованию, наши подразделения продвинулись вперед. Невелико было это продвижение, на каких-то 200—300 метров. Но как дороги были они для нас! Мы овладели высотой, огонь с которой прежде мешал бойцам поднять голову.

Это произошло седьмого февраля. Весь следующий день — вновь бесконечные схватки. Иногда просто нечем было дышать. Тяжелый дым, смрад, пыль забивались в легкие. Саднило в пересохшем горле, слезились глаза.

Хотелось самого малого: глотка свежего воздуха. Вместо него новый налет фашистских бомбардировщиков, устрашающий визг бомб, грохот, пыль, дым. Сотни, тысячи снарядов и эти бомбы затмили все — белый свет, желания... Только жажду мести не могли истребить они и ненависть. Беспредельную, жгучую ненависть к врагу, ставшую особой силы динамитом, готовым в любую секунду взорваться, истребить оккупантов. Вот эту ненависть, как нам казалось, и пытался нейтрализовать враг, спешил раздробить в крошки, растереть в пыль. Пытался и не мог. И лютовал оттого, что крошки этого динамита, похожие на зерна, попадали в животворную почву, возрождались негибаемой, ничем неистребимой силой народного гнева к поработителям.

Чем ожесточеннее были бомбежки, тем неистовее колотала наша благородная ярость. Хотелось громко, на весь мир крикнуть: «Да разве истребить народ, могучие корни которого прочно вросли в родную землю! Здесь, на Малой земле, мы тоже — дома. Это частица Родины нашей!»

«Сейчас пойдут гитлеровцы в атаку», — подсказывало сознание. Действительно, метрах в сорока мы стали различать зловещие тени. Их было много. Без выстрелов и крика они бежали к нашим окопам.

— Огонь! — я и не услышал своего голоса. Только догадался, что товарищи уловили команду. Некоторые фигуры тут же замерли неподвижно. Другие, вероятно, лишь укрылись от огня. Послышалось что-то гортанное, немецкое. Гитлеровцы вновь ринулись к окопам. Но плотный рой свинца окончательно оборвал этот безрассудный бег. Мы забросали атакующих гранатами.

Сцена сумбурная. Запомнилась же только потому, что повторялась она в тот день четыре раза.

После каждой из них мы, ошалелые, оглохшие, не могли даже разговаривать. Едва отгремела одна из атак, ко мне подполз командир отделения В. Савин. Стал что-то показывать знаками. Я понял: на исходе патроны.

— Так и скажи об этом. Зачем руками махать?

Савин провел ладонью по ушам: не слышу, дескать.

На позиции наши смотреть было тягостно: траншеи разворочены снарядами и бомбами, окопы полузасыпаны землей, многие стрелковые ячейки разрушены, еще дымятся. Матросы П. Семенов и Т. Бурханов выбрались из своей волчьей ямы и стали поправлять окоп. Работали уже и другие бойцы.

Командир роты Ю. В. Колесников успел получить данные о наличии боеприпасов. Хмурясь, предупредил взводных и матросов, находившихся поблизости:

— Вести огонь только прицельный. Одиночными. Ясно? Всем передать!

Вновь из-за горы Колдун вынырнула группа «юнкеров». Через минуту опять все смешалось. Едва отгрохотали взрывы бомб, послышался крик: «Танки! Пехота!»

Какие у нас потери, сказать трудно. Но то, что бойцов в строю осталось меньше,— совершенно точно. Открываю огонь по пехоте, а в мыслях одно, беспокойное: «Неужели сомнут?!» Слева, оттуда, где сражался второй взвод, донеслось: «Полундра». Значит там критическая обстановка. По приказу ротного, командир взвода направил туда отделение В. Савина. Ведя огонь, успеваю заметить, как матрос Т. Бурханов метнул гранату в толпу гитлеровцев. Что произошло дальше,— не видно. Похоже, рукопашная схватка в траншее.

Справа от меня оборонялось отделение сержанта Г. Стрижева. Матросы уже почти в упор расстреливали врагов, а те наседали. Разворачиваю пулемет, длинной очередью прижимаю гитлеровцев к земле.

В это время во вражеском натиске наступил какой-то надлом, фашисты стали удирать. Но их оборона потонула в сплошном дыму, в султанах взрывов. Оказалось, наша авиация поддерживала нас с воздуха. Спасибо вам, дорогие друзья-штурмовики!

Для чего-то достаю из кармана часы, кричу в траншею: «Семнадцать часов!» Кажется, никто не услышал моего голоса. От этого стало тоскливо. Темное небо по-прежнему расчерчивали пунктирные линии трассирующих пуль. Мерзлая мертвая земля, опаленная огнем, напшигованная металлом, казалась, тяжело дышала, стонала и завидовала стойкости людей.

Успехи доставались нам ценой тяжелых потерь, физических страданий. Мы переживали гибель товарищей. Иные картинки боя подолгу стояли перед глазами. Вот и эта была такой...

Фашистские танки, словно призраки, выползают из дыма и разрывов. Танкисты вынуждены открыть люки, иначе не в состоянии были управлять машинами. Моряки воспользовались этим. Стали бросать гранаты, норовя попасть внутрь. Младший лейтенант Владимир Воронов, раненный в обе ноги, не мог подняться. Он пополз наперерез танку, швырнул в него гранату, подор-

вал машину, но и сам погиб. Их было много, настоящих героев. Они не мечтали о славе. Слава нашла их!

Бойцов мучили жажда, усталость и голод. Воды не было совсем. Как-то ночью на наше счастье повалил снег. Мы сгребали его с брустверов, глотали, собирали в котелки, оттаивали в руках, сунув под телогрейки. К вечеру и снега нигде не осталось.

Другая беда — к концу подходил запас патронов.

Командир роты приказал мне с группой десантников пройти к Рыбачьей пристани, раздобыть там продуктов, боеприпасов, воды. Мы, где ползком, где перебежками, добрались до пристани. Там, несмотря на сильный обстрел, было многолюдно. Осветительные ракеты, взлетая над морем, выхватывали из мрака корабли, сторожевые катера с десантниками. Шла разгрузка судов. Оказалось, прибыло пополнение — 83-я бригада морской пехоты.

Над причалом и небо, и вода — в частых росчерках трассеров. Грохотали взрывы. Тонули и люди и катера. Один из катеров уже почти лег на борт. Кто-то кричал с него:

— Быстрее выгружайте продукты.

Плавали на волнах бумажные мешки с сухарями. Мы бросились к катеру. Стали выносить на берег ящики с тушенкой, сахар, какие-то коробки. Вылавливали и те, которые успели пойти на дно.

В свой окоп мы, промокшие до нитки, возвратились поздно. Старший лейтенант Ю. В. Колесников встретил недовольно:

— Почему так долго ходили? Я уже подумал: не случилось ли беды?

Узнав из-за чего вышла задержка, не стал упрекать. А когда я доложил ему о прибытии 83-й Краснознаменной бригады морской пехоты, повеселел:

— Теперь нам сам черт не страшен! Надо вызвать сюда парторга, секретаря комсомольской организации, агитаторов. Сообщите им новость. А они пусть расскажут о ней всем бойцам. Я пойду на левый фланг.

Там опять усилилась стрельба.

Передав консервы и сухари старшине роты, мы стали поджидать активистов. Старшина сердито выговаривал:

— Воды-то не раздобыли?!

— Не было на пристани. Для пулеметов морской принесли.

— Вот беда! Опять надо к колодцу людей посылать. Днем ходили, но из-за обстрела не смогли набрать.

В окоп протиснулся наш комсорг. Заговорил:

— А у нас были гости.

— Кто?

— Иван Журухин, что из политотдела, привел Рыжую Полундру.

Комсорг усмехнулся, назвав так Марию Педенко, библиотекаря 255-й Краснознаменной бригады морской пехоты, девушку отчаянную, добрую. Все мы ее очень уважали. А прозвище она получила за огненную шевелюру и за то, что была членом редколлегии сатирической газеты «Полундра».

— И газету приносила?

— У ротного оставила. Завтра посмотрим.

— А Журухин?

— Все окопы излазил. С бойцами беседовал. Кого могли, собрали. О подвигах куниковцев рассказывал. О наших ребятах — тоже. Знаешь, настроение поднимается, когда слышишь хорошее.

— Мы тоже сообщим хорошее. 83-я бригада у пристани разгружается. Также сразу в бой идут моряки.

— Да ну! Прибыли значит! Спасибо за новость. Порадуем бойцов.

Пробираясь к своему окопу, я встретил наряд за водой. В душе посочувствовал матросам. Добыча воды из «колодца жизни» превратилась в игру со смертью. Колодец этот находился недалеко от кладбища на открытой местности, в так называемой Долине смерти. Днем гитлеровцы к нему не подпускали. Ночью тоже держали его под перекрестным огнем. Выжидали минутку — и строчили. Периодически взлетали над колодцем осветительные ракеты.

Наши бойцы ухитрялись иной раз набрать воды. Едва обрывалась очередь — бежали к колодцу, торопливо спускали в него котелки. Некоторые обзавелись шестами. Сам в сторонке, за укрытием, а котелок, привязанный длинным шнуром к шесту, опущен в колодец.

...Из наших пятерых матросов в тот вечер вернулись только двое. Трое погибли, добывая воду.

Политработники о нас не забывали. Прoberутся в траншеи, побеседуют, бывало, и чувствуешь какой-то прилив сил. Помню, в расположении роты появился инструктор политотдела И. Журухин. Лейтенант, но те, с

кем он воевал в Одессе и Крыму, звали его просто по имени.

— Ваня, иди к нам! Какую весть принес?

— Был на командном пункте бригады. Гляжу, кто это? Исхудавшие, щетиной заросшие. Спрашиваю: «Костя Милютин?» «Он самый», — отвечает.

Матросы прерывают рассказчика:

— Штурмовой отряд Шацкого с Южной Озерейки к нам пробился?

— Остатки 142-го батальона. 157 человек...

Оказалось, капитан 2-го ранга В. Л. Шацкий погиб. Смертью храбрых пал и замполит отряда, инструктор политотдела бригады капитан В. П. Коновалов. Командир батальона капитан 3-го ранга О. И. Кузьмин — тоже. Комсорг штурмового отряда Константин Милютин заменил в боевом строю замполита штурмового отряда.

Всех нас потряс тогда подвиг политработника Н. А. Каленова. После гибели О. И. Кузьмина он принял командование отряда на себя. Вывел людей из окружения. Подбадривал их в критические моменты, водил в атаки. А ведь сам был ранен в обе ноги! На Большой земле ему их ампутировали. Он остался служить в армии, воевал. Уволился полковник Н. А. Каленов только в 1956 году.

— Теперь я вам прочитаю записку, — продолжал И. Журухин. — Ее Костя Милютин нашел в партбилете погибшего капитана Василия Коновалова и передал Дорофееву, начальнику политотдела. Я еле выпросил эту записку у майора Дорофеева.

Инструктор по комсомолу с пафосом прочитал первые фразы: «Родина моя! Я, воспитанник Ленинского комсомола, сын великой партии коммунистов, сражался с врагом так, как подсказывало мне сердце. Быть может, погибну в бою, но знаю, что мы победим. Наш народ борется за свободу. А правое дело в конце концов всегда побеждало.

Моряки-черноморцы! Держитесь крепче. Бейте фашистскую гадину! Уничтожайте гитлеровцев, как бешеных собак!

Мы победим!»

Не знаю, чего больше я уловил из этих пламенных строк. Оптимизма? Силы духа, воли? Ненависти к врагу? Презрения к смерти?

«...Как подсказывало сердце», — повторял я. Сердце коммуниста Коновалова представлялось мне крепким, сильным, будто из любви к Родине сотканным.

— Спасибо, Ваня! — оборвал мои мысли взволнованный шепот моряков. — Передай Видову, Дорофееву... В общем, мы... услышали призыв коммуниста. Выполним его. А ребятам из 142-го батальона — привет...

По-прежнему не знала Малая земля тишины. Мысленно я оглядываюсь на те дни и поражаюсь стойкости людей. Тех сотен, тысяч бойцов, командиров, которые противостояли натиску превосходящих сил врага. Нам нехватало всего — продуктов питания, боеприпасов, медикаментов, воды. Доставлять военные грузы было чрезвычайно сложно, рискованно. Все понимали это и никто не роптал, получая всего лишь по двести-сто граммов хлеба в сутки, а иногда — ничего. Бережно расходовали боеприпасы. Командиры порой запрещали автоматчикам вести огонь очередями.

К середине февраля «кризис» миновал. Положение стало изменяться в лучшую сторону. Мы обрадовались, как дети, узнав, что с Большой земли доставлены два танка, несколько орудий. Стали получать побольше хлеба, горячее питание. Правда, «обедать» и «ужинать» вынуждены были по ночам, когда грохот канонады и бомбежек стихал.

Десантники «врастали» в каменистую землю. Окоп для каждого бойца стал и крепостью, и домом. Весь день из него нельзя было высунуть носа. Командиры предупреждали: «Получил задание — иди, выполняй его. А так незачем рисковать». Мало было тех, кто нарушал это требование: за недисциплинированность можно было расплатиться жизнью.

Матрос нашего взвода Мазитов, страстный курильщик, не выдержал многочасового «заточения» в окопе. Окликнул товарища:

— Махорка есть?

— Есть.

Мазитов пополз в соседний окоп. Но только успел выбраться из укрытия, как вскрикнул, схватился за грудь, захрипел. Пуля попала в легкое. Моряки бросили Мазитову ремень. Он ухватился за него обеими руками. Втянули бойца в окоп. Перевязали. В госпиталь отправить удалось лишь поздно вечером.

Во избежание излишних потерь мы только ночами по очереди и выползали наружу. Разминали уставшее тело, отправлялись за боеприпасами, к кухне за едой.

Как же удивил нас тогда командир минометного взвода лейтенант Дмитрий Константинович Гайдобуро.

Только поужинали мы — появился он в нашей роте. В каждом окопе один и тот же вопрос стал задавать:

— Петь, танцевать умеешь? А стихи читать?

— Зачем это?!

— Двадцать третье февраля на носу, годовщина Красной Армии и Военно-Морского Флота. Художественную самодеятельность организуем, с концертом выступим.

— Пока будем петь — плясать, тут фашисты...

— Не все сразу на концерт отправятся, по очереди.

Желающие участвовать в самодеятельном концерте нашлись. Странно. Смерть витала над каждым, а люди думали об удовольствии послушать музыку, песню, посмотреть пляску. Наверное, сама советская действительность сделала нас оптимистами. Доверительно сказал я об этом нашему комсоргу, младшему лейтенанту А. Газиеву, он согласился:

— Мы и есть оптимисты. Враг Кавказ топчет, Ленинград в блокаде душит, а мы уверены: победим! И мои родители, они в Узбекистане живут, так думают.

— Ты из Узбекистана?

— Да, из Андижанской области.

— У нас в роте твой земляк воюет, узбекистанец, пулеметчик Федор Запорожец.

Этот парень из Средне-Чирчикского района Ташкентской области был мне симпатичен своей спокойной деловитостью и хорошим упрямством. В 1939 году был призван на действительную службу. Уже к концу подходила она, как фашист напал. Воевал Федор храбро, пулеметным отделением командовал. В боях дважды был ранен. Из-за травмы глаза списали его, сержанта Запорожца, подчистую. Вернулся домой, заместителем председателя колхоза избрали его. Работал честно, а душа не на месте. Считал: негоже в тылу отсиживаться, когда враг землю Родины топчет. Добился в военкомате, гривзали его. Подступы к Туапсе защищал, близ Лазаревского отличился, в оборонительном бою возле реки Пшиш фашистский танк из противотанкового ружья подбил. Истекающего кровью отправили его в госпиталь. Подняли врачи на ноги, попал Федор в 255-ю бригаду морской пехоты.

Рассказал я об этом несколько позже комсоргу. Он тут же:

— Веди к земляку. С таким человеком приятно познакомиться и дружить. А я тебя в порядке благодарности при случае познакомлю с отважным сапером.

И впрямь познакомил с командиром инженерно-саперной роты старшим лейтенантом А. И. Левенцом, тоже узбекистанцем. Андрей Ильич оказался постарше нас возрастом. Имел награды — орден Отечественной войны, два ордена Красной Звезды, медали. На Малой земле он с 13-го февраля 43-го. Первое задание, которое получила его рота, было разгрузить суда. Всю ночь по грудь в воде, под обстрелом фашистской артиллерии трудились бойцы, а вместе с ними и сам А. И. Левенец. Только на рассвете выбрались саперы на берег, получили возможность сменить одежду, переждать в глубокой ложине обстрел. Утром старший лейтенант объявил личному составу:

— Наша задача построить помещения для штаба корпуса.

Построить — не то слово. Саперы выдалбливали в камне котлованы, взрывным способом проделывали ходы сообщения. На глубину до трех метров и более «вгрызалась» рота в известняк.

Очередным срочным объектом оказалось строительство дороги, потом — сооружение ложных причалов. В «промежутках» между этими заданиями саперы устанавливали минно-взрывные заграждения на танкоопасных направлениях, проделывали проходы в минных полях гитлеровцев. Нередко доводилось и в бой вступать. Однажды рота Левенца только за сутки отбила тринадцать фашистских атак. Всего же Андрей Ильич провоевал на плацдарме 153 суток из 225, что вобрала в себя биография Малой земли. Остальные провел в командировках. Морем добирался в Геленджик. Морем возвращался на Мысхако. И были те поездки трудней и опасней «работы» на Малой земле.

Встречи со смелыми, самоотверженными людьми как-то заставляли каждого из нас подтянуться, обогащали духовно. Вроде бы легче было переносить тяготы, хотелось окунуться в самую гущу общественной жизни.

Наверное поэтому столь активно мы готовились к празднику — 23 февраля. По вечерам, когда несколько спадал грохот обстрелов, из «тыла» доносились музыка, пение: в землянке шли репетиции. Бойцы с одобрением отзывались о старшем лейтенанте Д. К. Гайдобуро:

— Смотря-ка, знали его как отличного минометчи-

ка, а он еще и художественный руководитель такой, что и неумеху артистом делает.

— Гайдобуро до войны в театре работал. Искусство — его призвание.

Тыловики, катерники умудрились под сильнейшим обстрелом, в штормовую погоду доставить и боеприпасов побольше, и продуктов. Во всяком случае того и другого мы получили двойную норму. Бойцы раздобыли красного материала, сшили флаги. Получилось даже нечто вроде соревнования — в каком батальоне, в какой роте окажется больше флагов. Матросы, которым было поручено, укрепили их, где только можно было: на полуразрушенных домах, деревьях, вдоль переднего края обороны, на нейтральной полосе.

Ночью в расположении нашей роты появился инструктор политотдела старший лейтенант Иван Саевич Проценко. От имени командования бригады, лично от комбрига А. С. Потапова и замполита М. К. Видова поздравил с праздником. При свете фонарика, прикрывая его полкой плащпалатки, зачитал приказ Верховного Главнокомандующего.

Утром мы восхищенно поглядывали на флаги. Развеваясь на студеном ветру, они рождали чувство гордости, уверенности в том, что врагу не сломить нас. Это был вызов гитлеровцам, символическая пощечина. Они с дикой злобой восприняли ее и такой огонь открыли, словно хотели и землю наизнанку вывернуть. Предприняли атаку. Отбив ее, мы ответили контратакой. На самую малость продвинулись вперед, а моральное удовлетворение от этого было огромное.

Вечером смотрели концерт. От каждой роты один взвод уползал в тыл, в балку. Самодеятельные артисты, закончив программу, «отпускали» зрителей. Ждали, когда «зал» заполнят другие. И опять лились над Малой землей патриотические песни, частушки, посвященные воинам, отличившимся в боях. Некоторые из них были взяты из «Полундры». Музыкально оформленные, они обрели дополнительный воспитательный заряд.

Малая земля жила, сражалась, как сказочный исполин, ковала далекую еще Победу. Зародившись от демонстративного десанта, который стал вспомогательным, а затем и основным, она обрела гордую славу. Враг стремился ликвидировать плацдарм и не мог. Его громадное сосредоточение сил разбивалось о железную стойкость советских патриотов. Никакие лишения, ни-

какие даже самые мрачные «прогнозы» не могли сломить боевого духа наших воинов. Командиры, политработники, коммунисты всячески крепили уверенность, настраивали воинов на преодоление новых трудностей. Настоящим набатом прозвучал призыв к этому и в обращении к малоземельцам, которое было принято в марте 1943 г. на собрании боевого актива 255-й бригады морской пехоты. «Впереди еще большие бои, жестокие схватки с врагом, но нас не страшат никакие трудности,— говорилось в нем.— Мы уверены, что враг будет опрокинут, Новороссийск будет освобожден... Вперед же, боевые друзья!»¹

Защитники плацдарма с нетерпением ждали часа решающего наступления.

ДАЖЕ КАМНИ СТОНАЛИ...

Историки считают: 15 февраля 1943 г. началась героическая оборона легендарной Малой земли. Плацдарм площадью менее 30 квадратных километров принял к этому времени 17 тысяч советских бойцов — доблестных сыновей всех народов нашей Родины². Истерзанная снарядами и бомбами, пулями иссеченная земля не знала тишины ни днем, ни ночью. И подступы к ней были невероятно трудными: враг обстреливал каждый метр берега, разбивал причалы, бомбил корабли, доставлявшие боеприпасы, продукты, пополнение, минировал море. Но то, что довелось пережить защитникам плацдарма в апреле, не идет ни в какое сравнение с прежними испытаниями.

Малая земля создавала серьезную угрозу противнику, сковала его значительные силы. Поэтому фашистское командование разработало операцию по ее ликвидации под кодовым названием «Нептун». Осуществлять ее надлежало специальной боевой группой войск генерала Ветцеля, в которую входили четыре пехотные дивизии общей численностью около 27 тысяч человек. Для ее поддержки гитлеровское командование выделило 500 орудий и минометов, свыше 1200 самолетов. С моря бое-

¹ Г. И. Ванеев. Черноморцы в Великой Отечественной войне, М., Воениздат, 1978, с. 246.

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 1,3, с. 93.

вые действия группы поддерживали три подводные лодки и флотилия торпедных катеров¹.

Враг значительно превосходил наши войска по живой силе, в два раза — по оружию и технике², обладал тактическим преимуществом.

Нашему командованию был известен план зловещей операции «Нептун». Помню, 16 апреля мы весь день отбивали мелкие вылазки фашистской пехоты. Едва устанавливалось затишье, нас тут же, в траншеях собирали политработники, агитаторы. Предупреждали: гитлеровцы намерены порадовать своего фюрера, преподнести ему подарок ко дню рождения — ликвидировать Малую землю.

Заместитель командира бригады по политчасти подполковник М. К. Видов сообщил кое-какие подробности. Враг сконцентрировал войска, подтянул технику. Вот-вот может нанести удар. Необходимы предельная бдительность, готовность отразить любой натиск. «Стойкость в бою — залог победы», — этими словами закончил политработник свою беседу.

Мария Педенко, как всегда остроумная, неунывающая, рассказала о подвигах моряков, пехотинцев, артиллеристов, прочитала выдержки из газет о зверствах, чинимых фашистскими извергами на советской земле, раздала письма, пустила по кругу «Полундру».

«Стоять насмерть!» — эта мысль укрепилась в сознании бойцов.

Ночь напролет мы готовились к бою. Каждый впрок заготовил боеприпасов. Пулеметчики сходили к морю, принесли воды. Никому не надо было разъяснять, что окоп — крепость солдата. Все, как могли, оборудовали основные и запасные позиции, углубляли ходы сообщения.

17 апреля. Было еще темно, когда послышался гул моторов. Со стороны моря, из-за горы Мысхако, одна за другой шли группы фашистских бомбардировщиков и истребителей. Матрос Бегельды Бетиев, второй номер в моем расчете, громко выкрикнул:

— Пятьдесят самолетов, товарищ старший сержант!

Первая группа вроде бы разделилась надвое. Ведущие оторвались от массы, ушли вперед. Ведомые ринулись вниз. Взрывы бомб, пулеметные очереди...

¹ И. С. Шиян. Ратный подвиг Новороссийска. М., Воениздат, 1977, с. 76.

² Архив МО СССР, ф. 288, оп. 932, д. 560, л. 3.

Кто-то из современных писателей-баталистов утверждал, что падающая бомба визжит, как страдающее животное. Одна падающая бомба, вероятно, и производит такое впечатление. Но на головы малоземельцев летели одновременно многие десятки, сотни бомб. Так что не «страдающий визг», а раздирающий душу вой сотрясал все вокруг. И тело болезненно воспринимало страшные толчки взрывов, а сознание, подготовленное к пытке, удерживало людей на месте. Никто не дрогнул, когда этот кошмар во многократ усилила своим огнем вражеская артиллерия. Все смешалось. Рассвет был чернее ночи. Снаряды, бомбы продолжали кромсать траншеи, блиндажи, окопы. Где было в этом аду углядеть за действиями противника!

Ко мне подполз связной командира роты. Крикнул в самое ухо: «Приказ — вести огонь». Не видно, куда стрелять. Очередь «максима» утонула в сплошном грохоте. Бетнев взялся за автомат. Прострочил удушливую черноту. Подал мне новую ленту.

Даже теперь, спустя десятилетия, силюсь представить себе ту страшную картину гигантского опустошения и не могу — ум отказывается все воспринять. Ведь по свидетельству фашистов, на клочок земли площадью менее тридцати квадратных километров 17 апреля совершали налеты 1074 самолета, в том числе 361 бомбардировщик, 71 штурмовик, 401 пикирующий бомбардировщик, 206 истребителей и 4 истребителя танков¹.

Казалось, все выбито в траншее — люди, оружие. Да и сама траншея изуродована — не узнать. Несколько раз по ней прошмыгнули санинструкторы Люда Слесаренко и Галя Ковбач. Обрато возвращались медленно, поддерживая раненных, а то и несли их с чьей-то помощью. Милые, дорогие наши спасительницы! Откуда только черпали они, санитарки, медсестры, отвагу, силу духа, выносливость! Например, 18-го апреля вся бригада знала о подвиге санинструктора Людмилы Михайловны Артемовой. 45 раненых вынесла она в течение дня с поля боя!

Снова и снова нажимал я на гашетку, ощущал привычную дрожь пулемета, только не видел, куда ложились пули. Перекрывая грохот боя, кто-то крикнул предупреждающе!

— Танки!

¹ А. А. Гречко. Годы войны, М., Воениздат, 1976, с. 482.

За ними должна следовать пехота. Прием не новый у гитлеровцев. Значит необходимо отсечь пехоту пулеметным огнем. Даю очередь, вторую. И вдруг перед танками взметнулись черные султаны земли. Все потонуло в них. Дивизион капитана Ивана Федоровича Скляра мощным заградительным огнем остановил стальную лавину.

Накануне мы беседовали с артиллеристами. Знали, что дивизион придан 14-му батальону морской пехоты. И вот в нужный момент «заговорили» 76-миллиметровые орудия, минометы.

Во второй половине дня вроде бы стало тише. Во всяком случае авиация прекратила бомбежки. Ветер развеял дым и пыль. Перед позициями батальона чадил два танка, несколько бронемашин, валялось множество трупов. Слышны были стоны раненых.

Значительными оказались и наши потери. Во втором взводе погибли все пулеметные расчеты. В третьем — остался один. В нашем первом — тоже один, мой.

Старший лейтенант Ю. В. Колесников, воспользовавшись паузой, приказал доложить о наличии боеприпасов, подправить окопы, вынести раненых.

Вскоре вновь тяжелый гул, разрывы бомб, заставили людей плотнее вжаться в землю. Опять началась мощная артиллерийская подготовка. Вслед за ними — атаки пехоты и танков. Противнику удалось незаметно приблизиться к траншее соседней роты. Начался рукопашный бой. Матросы выстояли.

Мы знали: передышка самая кратковременная, враг, озлобленный неудачами, не смирится. Парторг батальона напомнил об этом, рассказал, какая сложилась обстановка.

— Очень храбро действовала рота старшего лейтенанта Сухорукова. Там враг стремился зайти во фланг батальону и не сумел.

Я не знал близко Алексея Николаевича Сухорукова, не подозревал даже, что станем с ним земляками-ташкентцами. Несколько дней спустя, 21-го апреля, он был ранен, отправлен в госпиталь. После выздоровления вновь вернулся на плацдарм. Но это — позже. А тогда весь день был напряженным. Сотни бойцов проявили храбрость, тысячи. Не могу не назвать товарища по оружию сержанта П. Козадерова. Когда взвод сошелся с врагом в рукопашной, именно решимость Петра Козадерова явилась своеобразным переломным моментом боя в пользу наших. Воин, уже падая от удара прикла-

дом, успел автоматной очередью свалить четырех фашистов. Остальных прикончили другие моряки. В этот момент. П. Козадеров услышал поблизости пулеметную очередь. Обнаружив за холмиком пулемет, пополз к нему. Гранатами уничтожил расчет и, овладев пулеметом, повел из него огонь по наступающим.

Медалью «За отвагу» был награжден отважный воин.

Отличился и сержант П. Есичкин из нашей роты. После боя старший лейтенант Ю. Колесников похвалил его, пообещал представить к ордену.

— Десять фрицев уничтожить в одном бою — это, братцы мои, доблесть, — заявил он. — Взять на себя ответственность за выполнение боевой задачи — тоже доблесть.

Ротный имел в виду старшего сержанта А. Андрианова, заменившего в бою командира. Десантники отбили атаку гитлеровцев.

В тяжелейших схватках прошел весь день. Мы рассчитывали, что с наступлением ночи враг ослабит натиск. Этого не произошло. Напротив, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки гитлеровцы возобновили атаки по всему фронту.

С чувством глубочайшей признательности я вспоминаю политработников, агитаторов. Они умудрялись даже в этой обстановке держать нас в курсе событий, подбадривали. Из-за грохота разговаривать было трудно. Активисты, стараясь перекричать шум боя, сообщали: отличился такой-то взвод, краснофлотец.

Так мы узнали о доблести автоматчика И. Т. Федькина, матроса из 14-го батальона морской пехоты. Среднего роста, круглолицый, он не производил впечатления героя. Рядовой труженик войны — и только. Но в критический момент сполна раскрылись прекрасные нравственные качества патриота: презрение к смерти, смелость, верность воинскому долгу. Он один выполнял боевую задачу, поставленную взводу. Сражался за себя и за товарищей, погибших под бомбами и снарядами.

Да, случилось непоправимое. После авиационного и артиллерийского налета И. Федькин обнаружил, что остался в живых один. Часто меняя позиции, перебегая из окопа в окоп, сдерживал натиск наступающих. Лишь когда подоспели товарищи и опасность прорыва фашистов миновала, спохватился, что ранен, попросил перевязать.

Из уст политработников нам стало известно, что критическая ситуация сложилась в долине реки Мысхако, где оборонялись части 8-й гвардейской бригады. Пехотинцы не дрогнули. При огневой поддержке артиллеристов 176-й Краснознаменной стрелковой дивизии, 51-й и 107-й стрелковых бригад они сумели дать отпор врагу.

Героизм был массовым. И это вдохновляло, укрепляло веру в победу.

По-моему, на третий день апрельских боев, инструктор политотдела армии майор Копенкин рассказал о том, как сражались пехотинцы 51-й стрелковой бригады. 17 апреля только к полудню части 4-й горнострелковой дивизии гитлеровцев предприняли против них около десятка атак. Главный удар пришлось на 4-й батальон 51-й бригады. К 12 часам в этом подразделении насчитывалась лишь треть личного состава, остальные выбыли из строя. Капитан Г. П. Жидикин организовал круговую оборону. Три часа сражались бойцы. Погибли все. Только тогда враг сумел вклиниться между 51-й и 8-й гвардейской бригадами. Но, не успев преодолеть нескольких сотен метров, вынужден был перейти к обороне. Огонь советских артиллеристов остановил его¹.

Каждый из нас выполнял свою задачу на крохотном участке фронта. Поэтому мы и не могли видеть всех эпизодов героизма малоземельцев. О них лишь узнавали из уст старших товарищей. Проникались гордостью за добрые дела малоземельцев, в особенности же — однополчан. И как было не гордиться, например, матросами 142-го батальона 255-й Краснознаменной бригады морской пехоты. Против этого подразделения немцы бросили два батальона, пять танков. Четыре атаки предприняли они за полдня. Перед каждой атакой наносили удары авиация и артиллерия. Капитан С. С. Грязнов — сам образец стойкости — вдохновлял подчиненных. Многие из них обесмертили свое имя самоотверженными поступками.

Мне был симпатичен добродушный и общительный старшина 1-й статьи 142-го батальона Г. Годун. И вот узнаю от друзей: старшина в момент атаки под ураганным огнем выдвинулся вперед и гранатой уничтожил расчет фашистского пулемета. Окликнув двух матросов,

¹ И. С. Ш и я н. Ратный подвиг Новороссийска, М., Воениздат, 1977 г.

Годун вместе с ними пополз к пулемету и захватил его. Возвращаясь назад, старшина заметил в ложбинке гитлеровца и взял его в плен.

Много знала Малая земля примеров взаимодействия подразделений, взаимовыручки. Все они по-своему показывали великодушные советских воинов, их готовность к самопожертвованию ради общего дела, ради того, чтобы спасти товарища. Рядом с 255-й бригадой морской пехоты отбивала атаки врага 165-я стрелковая бригада. Батарейцы капитана И. Скляр выручили наших соседей. Метким огнем они пресекли попытку гитлеровцев прорваться в стыки между нашей и соседними частями.

14-й батальон в трудную минуту выручили бойцы 613-й штурмовой роты. Рота эта находилась в резерве. Была введена в бой ночью, когда враг, имея громадный перевес сил, ворвался в траншеи. Стремительным ударом пехотинцы отбили атаку.

Наутро все повторилось сначала, но, кажется, в более ожесточенном варианте. Земля дрожала, словно кто-то злобно тряс ее, бил, выворачивал наизнанку. Недоставало воздуха, воды. Тошнило от голода, дыма, смрада. Но все это было мелочью в сравнении с тем, что беспокоило бойцов и командиров: кончались боеприпасы. Доставить их на Малую землю было просто невозможно: немцы охотились буквально за каждым судном. Последовало страшнейшее распоряжение — беречь каждый патрон.

Мы берегли. Вели огонь экономными очередями, использовали трофейное оружие. А ситуация все усложнялась. Враг бросил против 14-го батальона танки. Сколько их — в дыму не сосчитать. Бронебойщик Пацера из противотанкового ружья подбил один из них. Его друг Дронов — второй. Цепь гитлеровских автоматчиков залегла было и тут же устремилась за танком, который подошел почти к самой траншее оборонявшихся. Тогда матрос Пацера бросился наперерез ему и швырнул гранату. Танк загорелся.

Фашисты отступили, оставив на поле боя три пылавших машины и десятки трупов.

Помню те минуты... Мы облегченно вздыхаем, обессиленные, валимся на дно траншеи. Но расслабленность мгновенная. Она прошла, как только старший лейтенант Ю. Колесников, нервно глотая дым самокрутки, сказал нам о потерях в нашей и соседней ротах. Погиб командир третьего взвода лейтенант Ибрагимов, азербайджанец по национальности. Замполит роты лейтенант Нау-

рузов пытался выручить друга. С группой бойцов контратаковал гитлеровцев, вынудил их бежать. Однако Ибрагимов он в живых не застал.

От таких вестей к сердцу подступал холодок, точно сотня игольчатых льдинок вливались в него. Но это был не страх. Боль утрат — вот что не смогли мы преодолеть до конца войны. Да и в послевоенные десятилетия не излечили ее.

19 апреля. По-прежнему все грохотало вокруг. Такое впечатление, что и камни стонали. Только люди, сжав челюсти, беззвучно переносили и боль, и тяготы. Отбита еще одна атака гитлеровцев. Еще... Но поредели и наши ряды. «Неужто придется отступить?!» Сомнение гложет сердце, холодит душу.

Едва поубавился гром, в траншее появился майор И. Г. Лайко — секретарь парткома бригады. Собрал всех, кто был поблизости. Сказал:

— Я зачитаю обращение Военного совета 18-й армии. Оно адресовано всем нам.

Неторопливо, охрипшим от напряжения голосом Иван Герасимович стал читать:

— Товарищи бойцы, командиры и политработники, героические защитники Малой земли!

Потерпев непоправимое поражение под Сталинградом, на Северном Кавказе, отброшенный на Таманский полуостров враг, как зарвавшийся игрок, ставит на карту все. Он пытается задержать продвижение Красной Армии. Немецко-фашистская банда убийц и грабителей ценой огромных потерь старается удержать Новороссийск. Героический десант на Мысхако создал реальную угрозу этому опорному пункту врага на оставшемся в его руках клочке кубанской земли...

Грохот разрывов заставил политработника прервать чтение. Однако, встретив нетерпеливые взгляды, майор продолжал:

— Военный совет гордится вашими подвигами, стойкие защитники «Малой земли» нашей великой социалистической Родины, и уверен, что этот рубеж обороны был и будет для врага непреступным. Вы отвоевали эту землю, вы крепко держите ее в своих руках. Вашей обороной, мужеством и героизмом гордятся ваши отцы, матери, жены и дети. Мы знаем, что маленькая земля станет большой и принесет освобождение стонущим от фашистского ига нашим родным — отцам, матерям, женам и детям...

Товарищи пехотинцы, краснофлотцы, артиллеристы, зенитчики, минометчики, пулеметчики и саперы, стойте непоколебимо на своих рубежах, решительно и беспощадно уничтожайте живую силу врага, громите и перемалывайте его технику. Совершенствуйте свою оборону. Бережно и расчетливо расходуйте боеприпасы. Каждую пулю — в сердце врага! Каждый снаряд — по его укреплениям и атакующим цепям! Организуйте взаимодействие всех видов оружия, всех родов войск. В дружной борьбе — победа! Решительнее и смелее контратакуйте врага. Враг не выдержит силы нашего сокрушительного удара.

...Боевые товарищи! На «Малой земле» решаются большие дела во имя освобождения нашей Родины от немецко-фашистских захватчиков. Левый фланг фронта Великой Отечественной войны есть и будет неприступной крепостью, о которую сокрушатся все попытки врага.

Военный совет выражает уверенность, что там, где сражаетесь вы, — враг не пройдет. Там, где вы контратакуете, — враг не устоит! Сильнее удары по врагу!

Да здравствуют героические защитники «Малой земли»!

Да здравствует наша великая Родина!

Смерть немецким оккупантам!

Военный совет армии¹

Политработник умолк. Он видел, понимал, что творилось в душе каждого из нас. Уловив решительный жест С. Гордеева, протянул ему текст обращения. Матрос достал из-за голенища нож, слегка провел им по пальцу. Каплей крови «расписался» на документе, передал товарищам.

Майор И. Г. Лайко взволнованно следил за происходящим. Потрясенный, молча принял от нескольких бойцов наспех написанные заявления о приеме в партию, зачитал вслух одно:

— ...Если погибну, считайте меня коммунистом. В бой иду с чувством долга перед партией. Краснофлотец Сергей Гордеев, 14-й батальон 255-й Краснознаменной бригады морской пехоты.

Ни слова не говоря, протянул заявление матрос С. Асатурян. Отчаянный боец, связист, он высаживался у Южной Озерейки. Вместе с остатками батальона про-

бился на Малую землю. В любую минуту готов был ползти под огнем, чтобы восстановить телефонную линию. Он и раненый не вернулся в окоп, пока не устранил повреждения кабеля.

Иван Герасимович бережно уложил заявления в планшетку, поправил автомат на груди. Сказал, силясь одолеть нарастающий грохот:

— Воюете хорошо. Думаю, коммунисты не откажут вам, примут в свои ряды.

Он поспешил в соседние подразделения, к другим бойцам, чтобы прочитать им обращение Военного Совета армии, поднять моральный настрой.

А мы вскоре узнали: роте старшего лейтенанта Ю. В. Колесникова приказано сменить позицию, выдвигнуться из района кладбища к улице Азовской. Там было жарко. Наши подразделения несли потери, с большим трудом отбивались от противника. Пехотинцы 613-й роты, провожали нас с сочувствием:

— Знаете, куда идете? На рубеж между жизнью и смертью.

Развалины, дотла испепеленная окраина Новороссийска произвели гнетущее впечатление, вызвали еще больший прилив ненависти к врагу. Мы и прежде слышали: «Малоземельцы — герои. Но те, кто сражается на Азовской, — герои вдвойне».

В первый же час пребывания на новом месте многие из нас оказались свидетелями исключительной отваги матроса Александра Ямникова. Бойцам не давал возможности поднять голову пулемет, бивший из оконного проема полуразрушенного двухэтажного дома. Саша Ямников попросил:

— Ну-ка, огоньку побольше.

Пополз среди груд щебня к дому, метнул гранату. Пулемет умолк. Но ударили два других, до этого не демаскировавших себя. Захватить дом не удалось. Зато были выявлены новые огневые точки. Минометчики подавили их.

Комсорг батальона главстаршина Виктор Стомба после комсомольского собрания, проведенного в роте, пробирался в другую роту. Неожиданно, буквально лицом к лицу столкнулся с тремя гитлеровцами. Швырнув гранату, он уложил двоих на месте. Третий — бежать. Стомба сразил его выстрелом из автомата. Вот уж поистине, как утверждает народная мудрость, «бей врага в лоб, он покажет спину».

¹ Журнал «Коммунист», 1978, № 7.

Очень трудно было на Малой земле снайперам. На них фашисты, что называется, не жалели ни патронов, ни снарядов. На Азовской охота за снайперами обрела у гитлеровцев какую-то дикую страсть. Их выслеживали наблюдатели, снайперы, артиллеристы обрушивали на них лавину огня. Поэтому на снайперов даже бывалые воины поглядывали с уважением, воздавая должное их смелости, находчивости, умению перехитрить противника, часами выслеживать цели.

В 14-м батальоне славой искусного стрелка пользовался матрос Николай Малоштанов. Молодой, с виду подросток, он выработал в себе удивительную способность быть хладнокровным, не реагировать на промозглую погоду, на рвущиеся вокруг мины, терпеливо ждать, когда обнаружит себя противник. За несколько дней апрельских боев Малоштанов уничтожил 12 гитлеровцев, в том числе семерых офицеров. И все-таки досадовал: у Ивана Ткаченко, с которым он соревновался, счет был гораздо большим.

В сумерки 19-го апреля, когда мы, только переместившись на Азовскую, успели отбить атаку, в роту прибыл фотограф из политотдела бригады старшина Иван Кушнарченко.

— С краснофлотским приветом!— шумно ввалился он в траншею.— У вас решил погостить и заночевать. Пустите? За это я вас утречком поснимаю. Нужны карточки? Нужны. Кому на партийные документы, кому — для любимой. Мне — для «Полундры» и для истории.

К предложению Кушнарченко, хоть и заманчивому, бойцы отнеслись с недоверием:

— Прямо здесь, в окопах, фотографироваться?

— А где же? Другого места пока нет.

Спокойного ночлега у фотографа не получилось. Один за другим следовали артылеты, вспыхивали перестрелки. Старшина Кушнарченко наряду со всеми вел бой. Оптимист по натуре, он подбадривал себя:

— Ничего, днем отосплюсь. Сфотографирую и — на бок...

Однако двадцатого апреля было не до сна. Едва забрезжил рассвет, мы увидели перед участком обороны соседней роты, метрах в 70—80 от нас, на нейтральной полосе, большое панно, сшитое из простыней. Спрашивали друг у друга:

— Что такое?

— Сейчас узнаем.

Старшина Кушнарченко куда-то сходил, вернулся довольный:

— Спектакль будем смотреть,— объявил он.— Сегодня у Гитлера день рождения. Художники наши Борис Пророков и Володя Цигаль изобразили его на том полотне. Нагишом удирает звероподобный Гитлер с Кавказа.

Осенила догадка: так вот почему фашистское командование с таким остервенением вело бои. Чтобы фюрера порадовать в день рождения! Нет, дескать, больше плацдарма на Мысхако...

Утром на Азовской выдалось затишье. Вероятно, гитлеровцы, ошеломленные проделкой десантников, не знали, что предпринять. Расстрелять «портрет» бесноватого Адольфа не решались. Оставить без внимания глумление над фюрером не могли.

Командир взвода предупредил меня:

— Водовозов, будь готов. Сейчас немцы, пожалуй, полезут снимать «портрет».

Определить расстояние до панно, навести пулемет было делом несложным. Только бы не пропустить подходящий момент!

В рассеивающейся мгле стали видны вражеские солдаты. Они торопливо ползли к полотнищу. Звонкие очереди вспороли тишину. Мой «максим» подхватил «мелодию». Ударили и другие пулеметные расчеты, одновременно вели огонь и минометчики. С десятков трупов осталась на мостовой.

Немного погода неприятель сделал вторую попытку снять панно. Результат оказался тот же. Потом до самого вечера следовали «обычные» атака за атакой. Фотограф, будто извиняясь, признался:

— Надо в политотдел, а как отсюда уйдешь,— такой праздник! Посмотри, чем кончится.

Вечером гитлеровцы решили штурмом взять «портрет». Группа за группой лезли они к нему. Забрасывали нас гранатами, валились под меткими очередями краснофлотцев. Выручить «фюрера» им так и не удалось. Глубокой ночью фашисты обрушили на полотно огонь орудий и минометов.

— Так его! Так!— кричали моряки.

Досмотрев «спектакль» до конца, старшина Кушнарченко утром заспешил:

— Надо идти. В политотделе снимки ждут, а я у вас загостился. А ведь приказ строгий — без задержки вру-

чать партдокументы. Сделаю карточки и вернусь. Обязательно вас буду фотографировать!

Через сутки он и в самом деле объявился.

— Здорово, братцы! Пока фашист замешкался, давай, подходи по-одному.

Кушнаренко начал устанавливать штатив-треногу, прикреплять к ней старенький «Фотокор». И только изготовился, хотел снимать бойца, как рядом упала мина. Взрывной волной отбросило и старшину и его технику.

— Будь ты неладна!.. А ведь опять атака, братцы.

Фотограф, убрав аппарат, вновь придвинулся к брустверу, готовый открыть огонь из автомата.

Несколько дней спустя мы прочитали в очередном номере «Полундры» юмористические строчки о... самом Кушнаренко. Сообщалось, что старшина, не сумев сделать ни единой фотографии, побывал в нескольких боях и уничтожил десяток фашистов. Высказывалось пожелание почаще ходить в такие «творческие» командировки.

Кушнаренко все-таки сдержал слово, снял автоматчика Сергея Кузьмина из нашей роты. Воин был ранен. Делая перевязку, заметил гитлеровцев, успевших приблизиться с фланга почти к самой траншее. С возгласом: «В атаку!» матрос поднял всех, кто был рядом. Воины бросились на врага, вынудив его отступить.

— Герой?— хлопотал возле Кузьмина Кушнаренко.— Вот и сделаем портретик. Пусть люди узнают о таком краснофлотце...

Встречи с военными корреспондентами у малоземельцев были частыми, всегда оставляли приятное впечатление. Корреспондент армейской газеты, а затем «Правды», Герой Советского Союза С. А. Борзенко стал нашим кумиром. Он выгодно отличался от других журналистов тем, что не любил писать со слов. Все ему хотелось увидеть своими глазами, через все пройти самому. Он участвовал во многих боях. Прекрасно владел оружием, знал по имени, фамилии десятки матросов, особенно тех, кто был дружен со славой. И его люди знали в лицо и по газетным публикациям.

Оказавшись однажды в 14-м батальоне, он целые сутки пробыл в нашей роте. Беседовал с бронейщиками, пулеметчиками, автоматчиками. Наблюдал за ними в бою. Уходя, поблагодарил всех:

— Спасибо. Многому у вас поучился.

Позже десантники читали «огненные» строки С. Борзенко, его воспоминания о Малой земле:

«Там не было метра площади, куда бы не свалилась бомба, не упала мина или снаряд. Семь месяцев вражеские самолеты и пушки вдоль и поперек перепаживали землю, на которой не осталось ничего живого — ни зверей, ни птиц, ни деревьев, ни травы. Ничего, кроме советских воинов»¹.

Прав был журналист: Малая земля не знала покоя. Горела, дымилась, задыхалась от копоти. Всю ее вдоль и поперек пронзали пули, снаряды, терзали бомбы и даже торпеды. Ветераны 255-й бригады, ее костяк, считали, что даже при обороне Одессы и Севастополя бои не достигали такого накала, как здесь. Там хоть можно было маневрировать, уйти из-под удара, удерживая выгодные позиции, навязывать врагу свою волю. На Малой земле тактические преимущества местности были «на стороне» противника. И не только тактические. Свободные коммуникации, связь с базами продовольствия и боепитания, мощная концентрация войск, техники и многое другое ставило фашистов в выгодные условия.

У нас было одно преимущество — стойкость. Все рушилось вокруг, а люди стояли твердо. Выбывали только по причине смерти да тяжелых ранений. Легко раненные оставались в строю. Героизм воспитывался на примерах, которых не надо было искать. Что ж, огонь зажигают от огня. И все-таки удивительно было наблюдать богатырские масштабы удачи.

Какие же подспудные силы поднимали дух людей, помогали выдержать страшные тяготы? Патриотизм, верность воинскому долгу? Да. И еще, помните, купринское: «Среди равных побеждает тот, кто больше верит в свою победу». Мы не были «равными» с врагом. У него было больше сил и средств. Зато мы прониклись убежденностью в правоте дела, за которое воевали. Здоровую атмосферу создавали коммунисты и комсомольцы, политработники. Направлял эту деятельность политотдел 18-й армии, которым руководил полковник Л. И. Брежнев.

Леонид Ильич неоднократно бывал на Малой земле. Видели мы его здесь и в дни апрельских боев. Вместе с начальником политотдела бригады майором И. Дорофеевым, в сопровождении адъютанта И. Кравчука, инструктора политотдела бригады по комсомолу старшего лей-

¹ Г. В. Соколов. Малая земля, М., Изд-во «Советская Россия», 1971, с. 5.

тенанта И. Журухина полковник Л. И. Брежнев осмотрел наши окопы, тепло беседовал с матросами.

Леонид Ильич встречался с малоземельцами часто. Иван Павлович Кравчук, бывший с сентября 1941 по декабрь 1946 года адъютантом Л. И. Брежнева, вспоминал:

— В политотделе был неписанный закон — кому-то из его работников находиться на передовой. Леонид Ильич чаще всех выполнял это правило, им же установленное. И всякий раз я убеждался: поездки эти очень нужны, полезны для общего дела. Одно лишь вручение партбилетов прямо на передовой, в траншеях чего стоило.

Партийные документы хранились у Ивана Павловича Кравчука. Он заворачивал их в клеенку и носил этот сверток под гимнастеркой. Окажись он в воде — билеты не намокли бы. Попади в переделку — не затерялись бы. А переделок на Малой земле было много, всяких.

К И. П. Кравчуку все мы невольно испытывали симпатию: простой в обращении, общительный, доброжелательный. На передовой ему доводилось бывать часто. О смелости его мы судили по наградам — орденам Красного Знамени, Отечественной войны, Красной Звезды, а также по тому, как он реагировал на обострения тактической обстановки. Был невозмутим, расторопен. Если и беспокоился, то лишь о безопасности начальника политотдела.

Забот у адъютанта Кравчука, разумеется, хватало. И то, что он выкраивал минуты на подобные беседы с нами, простыми бойцами, свидетельствовало о щедрости его души, умении быть общительным. Наверное, потому и Леонид Ильич с подчеркнутым уважением относился к нему...

24-го апреля бои по-прежнему носили ожесточенный характер. Ни небо, ни земля не остывали от огня. Так же, как и в предыдущие дни, висела в воздухе вражеская авиация. Сотни бомб разного калибра несли разрушения и смерть. Но к радости нашей, все чаще в прокопченном небе можно было видеть краснозвездные истребители, штурмовики.

С утра не повезло моему расчету. Буквально в нескольких метрах об бруствера взорвался снаряд. Искореженный пулемет отлетел в окоп. Оглушенный, ничего не различая в дыму, я схватил автомат. Будто издали до меня донеслось:

— Немцы... Левее нас. Бей туда!

Но что это? Нажал на спусковой крючок — очереди нет. Попытался отсоединить диск, ничего не вышло. Глянул, а в нем осколок. Разворотил все. Матрос Бетиев протянул винтовку. Выискивая в дымном полумраке вражеские фигуры, я повел огонь из нее.

Неприятель усилил натиск против 255-й бригады. Его пехота и танки, уподобившись какому-то зловещему тарану, норовили пробить брешь в нашей обороне. Хуже всего, что этот таран не был виден. Цепи автоматчиков выныривали из черной дымной завесы, обстреливали десантников, гибли под встречным огнем.

Но несколько раз на гитлеровцев будто напал какой-то припадок отчаяния. Они предпринимали психические атаки. Помню, и в те апрельские дни враг бросил крупные силы. Батальон гитлеровцев приближался к нашему переднему краю. Фашисты шли во весь рост, не жалея патронов, строчили из автоматов.

Ударить бы по этой наглой цепи из пулемета! Но боеприпасов у нас мало. Без команды запрещено стрелять.

Вражеские пехотинцы уже вот они, в каких-то двухстах метрах. Еще немного и навалятся на роту моряков. И тут неожиданное: гул самолетов.

— Штурмовики!.. Наши! — как вздох пронеслось над окопами.

Пятерка краснозвездных соколов прошла, едва не касаясь развалин домов, деревьев. Ударила по фашистам реактивными снарядами. Развернулась. Обстреляла из пулеметов.

Впервые мне довелось увидеть так близко «работу» авиаторов. Зрелище было впечатляющее. Даже команду «Огонь!» не расслышал. А в кого стрелять-то? Десятка два оставшихся в живых фашистов что есть мочи удирали прочь с того места, где горела земля.

Вновь последовал злобный артиллерийско-минометный обстрел. И опять враг предпринял атаку. В пыли и дыму неподалеку обозначились контуры танка. В ту же минуту артиллеристы вступили в поединок с ним. А над траншеей взметнулось полное тревоги: «Полундра!» Около роты гитлеровцев, переодетых в нашу морскую форму, попытались ввести в заблуждение оборонявшихся. Бдительность десантников оказалась сильнее их хитрости. Неся урон, фашисты отступили.

Только на левом фланге враг потеснил обескровлен-

ные роты, вклинился, норовя зайти с тыла и разгромить десантников. Предотвратил беду 591-й Краснознаменный стрелковый полк, командовал им ташкентец подполковник С. Насруллаев, к тому времени награжденный несколькими орденами.

Вмиг оценив критическую ситуацию, Насруллаев организовал контратаку. Враг был отброшен.

Вероятно, чтобы поддержать десантников морально, в трудную минуту боя в расположении нашей роты появились парторг батальона старший лейтенант Н. Воронцов и комсорг батальона младший лейтенант А. Газиев. Воронцов, коренастый, широкоплечий, на ходу перекинулся фразами со старшим лейтенантом Ю. Колесниковым, с бойцами и сразу включился в бой. Когда отбили атаку, он окликнул Бегельды Бетиева, показал на гитлеровцев, неподвижно застывших на изрытой снарядами земле, сказал шутливо:

— Видишь, как надо стрелять?

И добавил, уходя:

— Будет трудно — зовите. Помогу.

Младший лейтенант А. Газиев решил собрать комсомольских активистов. Воронцов посоветовал ему:

— Не спеши. Пусть люди хоть поедят.

Мы с Бетиевым спохватились: ведь с ночи крошки в рту не было. На рассвете матросы доставили на передовую термосы с похлебкой из муки. Только хотели мы позавтракать — начался бой. Теперь варево загустело и потемнело... от песка. Зато ласковой прохладой остужало оно разгоряченное тело. Мы пригласили комсорга батальона к столу. Ели из одного котелка.

— Хлеба бы к этому супу, да? — лукаво подмигнул Акмаль Газиев и посуровел лицом: — Вчера опять нашим морякам не удалось доставить на плацдарм ни продуктов, ни боеприпасов. Две баржи на минах подорвались, затонули. А тут еще море словно взбесилось. Штурм... Раненых отправить нет возможности...

Это был откровенный разговор о трудностях, суровый ответ на немой вопрос о причинах плохого снабжения.

На Малой земле А. Газиев недавно, с апреля. Но мы успели подружиться с ним. Скорее всего нас сблизило одно в общем-то малозначительное обстоятельство. Только появился младший лейтенант в траншее и, разыскав заместителя командира батальона по политчасти старшего лейтенанта П. Ромашкова, представился ему, как

началась атака. Враг бросил против нас пять танков, батальон пехоты. Газиев облюбовал свободный окоп неподалеку от моего и по тому, как деловито расположился в нем, как вел себя, мне стало ясно — не новичок на фронте. Спросил я его об этом, когда немцы, понеся потери, отступили, и услышал в ответ:

— Повоевать? Довелось, конечно.

Потом, знакомясь с нами, комсомольцами, Акмаль рассказал о себе. Жил в Ташкенте. Окончил среднюю школу в 41-м. Узнав о нападении фашистской Германии, хотел попасть на фронт. Его призвали и направили на курсы связистов. После курсов — передовая. В каких только перипетиях не побывал парень за восемь месяцев боев. Под огнем линии связи восстанавливал. Нередко в схватке вступал там же, где обрывы кабеля сращивал. Был ранен. Вылечили в госпитале. Попал на курсы политработников при Черноморской группе войск Северо-Кавказского фронта. Окончил их и вот прибыл служить в 255-ю бригаду морской пехоты. Конкретно — в наш батальон.

Авторитет Акмаль завоевал быстро: был храбр, умел приковать внимание моряков к какой-то важной проблеме, сплотить коллектив. Сейчас, обедая с нами, младший лейтенант рассказывал о трудностях, которые переживают малоземельцы, об отваге комсомольцев. В это время подошел командир роты капитан Колесников, прислушался к разговору. Протиснулись в траншею еще несколько бойцов. Тогда комсорг вдруг достал из кармана гимнастерки свернутый лист бумаги:

— Вот... у моряков с базы выпросил листовку. Послушайте законы гвардейцев. «Закон первый: там, где наступает гвардия, враг не устоит; там, где обороняется гвардия, враг не пройдет. Закон второй: гвардеец бьется до последнего патрона. Нет патронов — кулаками, зубами цепляется за фашистскую глотку. Закон третий: гвардейский подвиг — убить врага, а самому остаться в живых. А если гвардеец умирает, то дорого отдает свою жизнь. Смелость и отвага — в крови гвардейца. Закон четвертый: воевать по-гвардейски — значит воевать умело, мастерски, так, чтобы из любого оружия, любыми средствами бить наверняка...»

— Это что, глава из суворовской науки побеждать? — задал вопрос капитан Колесников.

— Наука действительно суворовская... Применительно к нынешним условиям. Условия же у нас труд-

ные. Пополнение получасм? Да. Но среди новичков есть бойцы необстрелянные, плохо владеющие оружием. У меня предложение: каждый опытный краснофлотец в свободное от боев время обучает новичка. Тебе, Водовозов, комсомольское поручение: подготовить двоих пулеметчиков. У тебя фронтовой опыт побольше, чем у других. Карджаулову я тоже наметил двоих подшефных дать...

Установлен был и срок.

— У матроса Владимира Мирзояна через неделю экзамен принимать будем. Это и твой экзамен, ясно, Водовозов?

— Ясно.

— Э-эх, патронов бы нам да гранат побольше, — мечтательно произнес Бетиев.

Да, не только гранат и патронов недоставало. Мало было продуктов. У некоторых бойцов, особенно раненых, начался авитаминоз. Тогда по рекомендации медиков в подразделениях всех стали потчевать отваром из еловой хвои. Название у этого напитка было романтическое — «малоземельский квас».

В апреле нашлось более действенное средство против цинги. Военврач Любовь Федоровна Ревина, проживающая ныне в Фергане, обнаружила тогда, что на Малой земле в лощинах и перелесках росли дикий лук, чеснок. По ее настоянию подразделения выделяли бойцов для сбора целебных растений. Некоторое время спустя стали также заготавливать виноградные листья, стебли крапивы. Напиток из всего этого был неприятен на вкус, зато оберегал от болезни.

Санинструктор Женя Крепеля, совсем юная, восемнадцатилетняя, утешала нас:

— Чем горьче лекарство, тем оно лучше. Разве вы не знаете? А вы пейте «квасок» и представляйте себе, что пьете фруктовый кисель.

Фронтовая биография Евгении была богатая. Окончив курсы медсестер, она поначалу работала в госпитале. В декабре сорок первого добровольно ушла в десант в Керчь. В бою под Новороссийском сражалась наравне с моряками. В той схватке была тяжело ранена ее подруга медсестра Женя Харламова. Евгения Крепеля вынесла ее из-под огня, перевязала, потащила в тыл. Едва сама не погибла от мины. Контуженная, все-таки нашла в себе силы вынести раненую подругу.

После излечения Женя попала в наш батальон. Была

строга, остра на язык, а главное бесконечно смела, находчива. Очень любили ее моряки. Называли сестренкой, а в шутку «пончиком». Девушка не обижалась. Скольких бойцов спасла она от гибели на поле боя и вот так, излечивая от цинги, предостерегая от инфекционных заболеваний.

Кажется, именно она, Женя Крепеля, первой обратила внимание на недуг, которым стали страдать некоторые воины. Помнится, связисты Иван Шашкин, Александр Рудиков, Юрий Олейников и Владимир Духанин, вернувшись с задания, возбужденно стали рассказывать о странном поведении матроса Николая Литвинова. Бойцы работали на линии связи. В это время начался обстрел. Н. Литвинов вдруг пополз в сторону от провода. И. Шашкин окликнул его. Никакой реакции. Шашкин и Рудаков догнали его.

— Ты куда?

— Ищу линию.

— Так она за твоей спиной.

— Где?

— Метрах в тридцати отсюда.

Литвинов горестно признался, что в последние дни плохо видит и слышит. Вероятно, сказалось на организме перенапряжение. Врачи нашли возможность помочь и Литвинову, и другим бойцам, кто в этом нуждался.

Изобретательными в тех условиях были не только медики. Политработники, тыловики, партийные и комсомольские активисты, рядовые бойцы — все старались внести что-то новое, нужное для ускорения разгрома врага, для улучшения условий жизни личного состава. Однако порой это новое казалось просто нереальным.

Представьте себе: идут бои, а на передовой появляются спецпропагандисты. Мы называли этих энтузиастов рупористами. Все они были комсомольцами, знали немецкий язык. Помощник начальника политотдела старший лейтенант Константин Милютин приводил группу, и рупористы начинали «беседы» с солдатами противника. Матросы В. Яковлев, Э. Мамеров, В. Баранов, Н. Соловьев громко, убедительно разоблачали авантюризм гитлеровской клики, подчеркивали неизбежность краха фашистской Германии, призывали немецких вояк сложить оружие, сообщали цифры потерь в войсках бесноватого фюрера.

Нам казалось, что немецкие солдаты особенно внимательно слушали комсомолку Аню Ельман. Пока она

сообщала сводки Совинформбюро, комсомолец Ф. Курин с помощью пращи собственного изобретения забрасывал в расположение противника листовки. Ему помогали краснофлотец А. Савель, другие бойцы.

Когда в печати появились первомайские Призывы ЦК КПСС, спецпропагандисты использовали для их передачи на русском, немецком и румынском языках не рупоры, а радиоустановку. Руководил передачами инструктор политотдела бригады И. Проценко.

Вероятно, немцам не безразличны были и «беседы», и листовки. Как правило, открывал неприятель огонь только после того, как рупористы прекращали работу. Бдительность же противника притуплялась; именно во время передач наши саперы минировали передний край; проделывали проходы в минных полях врага, разведчики пересекали линию фронта.

Многое делалось для улучшения условий жизни, для того, чтобы хоть на самый короткий срок отвлечь внимание людей от жестоких сцен войны. Многое в тех условиях казалось недостижимым.

Помнится, как недоверчиво отнеслись и к предложению майора И. А. Дорофеева:

— А ну, добровольцы попариться в баньке есть? Нету? Тогда в приказном порядке...

Он тут же распорядился отправлять в баню по пять человек из взвода. Возвратится группа — посыпать следующую.

Баня была устроена в подвале полуразрушенного дома. В железных бочках истопники грели морскую воду. От раскаленных докраса камней исходил сухой бодрящий жар. Тесноватое помещение? Пожалуй. Но это же пустяк по сравнению с тем удовольствием, которое испытывал каждый!

Легче стало доставлять грузы от причалов, потому что десантники использовали осликов.

Апрельские бои продолжались. Мы с радостью наблюдали с земли за тем, как активизировала свои действия советская авиация. Крепчали и удары десантников. 25 апреля стало ясно — силы противника на пределе. Во всяком случае атаки его не походили на те, какие были в первые дни. К вечеру гитлеровцы и вовсе прекращали наступление.

Бойцы не знали, что и подумать, то ли враг исчерпал свои возможности, то ли подтягивал резервы. В любом случае надо было понадежнее закрепить на занимае-

мых рубежах. Тем более, что противник непрерывно навязывал огневой бой. Углубляя траншеи, возводя блиндажи, укрытия, мы то и дело вступали в перестрелки. Артиллерия наша наносила удары по оловым пунктам гитлеровцев. Наконец, в ночь на 29 апреля, штурмовые отряды, в том числе и тот, в который вошла рота старшего лейтенанта Ю. Колесникова, при поддержке мощного артиллерийско-минометного огня, ломая отчаянное сопротивление фашистов, двинулись вперед. Были рассеяны подразделения и части противника, вклинившиеся в боевые порядки десантников. Враг контратаковал, еще удерживая завоеванные позиции. Но история уже вписывала знаменательную строку: операция «Нептун», в успехе которой гитлеровское командование не сомневалось, позорно провалилась. Стойкость советских воинов оказалась неодолимой.

ТОЛЬКО ОДНА ПРИВИЛЕГИЯ

Над Малой землей голубела весна. Робкая, израненная, не познавшая тишины и покоя, не изведавшая пения птиц. В мае, хоть и не было столь жестоких огненных дней и ночей, как в апреле, и бои по тем меркам чаще всего имели «местное значение», обстановка оставалась напряженной.

Обстрелянным воинам объяснять не надо, как вести себя в подобной ситуации. Зато с молодым пополнением командиры и активисты не знали покоя. Парни отчаянные, иногда рисковали почему зря. Вот мы и убеждали их: не высовывайтесь из окопа, потому что вражеские снайперы только и ждут этого. Все передвижения лишь по ходам сообщения.

Но это ведь пытка — усидеть в глубоком и узком ходе сообщения, из которого видна полоска неба, да и та чаще всего скрыта облаком пыли от разорвавшихся мин, снарядов. А противник — вот он, в полусотне шагов от наших окопов, на противоположной стороне Азовской улицы. Осточертело видеть его проволочные заграждения, увешанные банками, железками, которые гремят, тархтят, едва коснешься.

Дабы позлить немцев, моряки частенько пробирались ночью к этим самым заграждениям, привязывали

шнур покрепче и, сидя в своей траншее, начинали дергать его. Банки, железки гремели. Гитлеровцы открывали бешеный огонь. Матросы хохотали:

— Лупи — лупи в белый свет!

На новом месте наше подразделение обжилось быстро. Я знал соседа нашей роты справа — взвод лейтенанта Чурилова. Знал соседа роты слева — взвод лейтенанта Юрченко. Несколько боев испытали нас на войсковое товарищество и взаимовыручку. Поэтому уверенность друг в друге у нас полнейшая.

Юрченко вообще — герой, иначе его и не назовешь. В первых числах мая, когда гитлеровцы после артподготовки бросили против нас три танка и пехоту, спас положение именно он, коммунист Юрченко. Заметив, что расчеты противотанковых ружей (ПТР) не открывают огня, он догадался, в чем дело. Метнулся туда. Увидел в живых в окопе ни души. Лейтенант схватил ПТР, укрывшись в разрушенном доме и подбил два танка. Третий стал отползать назад. Юрченко упредил его. Швырнул гранату. Разгром врага довершили своим огнем батарея капитан-лейтенанта В. Корнильцева и морские пехотинцы.

Во все дни героической эпопеи десанта на Мысхако рождались в гуще масс и действовали боевые призывы. Для малоземельцев они были средством, или точнее сказать зарядом, мобилизующим на усиление ударов по врагу. Такой призыв, возникший в одной части, подхватывали другие. Девиз бойцов 8-й гвардейской стрелковой бригады: «Там, где мы обороняемся, — враг не пройдет, там, где мы наступаем, — враг не устоит!» — стал девизом и моряков 255-й бригады.

Так вот, батарея воина-узбекистанца Владимира Львовича Корнильцева тоже была известна десантникам как инициатор патриотического почина. Именно здесь родился девиз: «Вход фашистским танкам на Малую землю воспрещен».

В апрельских боях артиллеристы отбили свыше двадцати атак. В первые дни мая гитлеровцы предприняли семь грозных попыток прорвать нашу оборону. Батарейцы капитан-лейтенанта Корнильцева всякий раз вынуждали врага отойти. Девять танков и четыре бронетранспортера подбили они. Из них пять танков и несколько важных огневых точек уничтожил расчет кочующего орудия, которым командовал коммунист старший сержант Гребенщиков.

Фашисты буквально охотились за этим орудием. Но только обнаружат его, только пристреляются — цель уже в другом месте. Опыт Гребенщикова изучали командиры расчетов. А сам он добросовестно выполнял партийное поручение — учил молодых артиллеристов умению грамотно маскировать орудие, скрыто занимать выгодную позицию, метко вести огонь, вовремя уходить от опасности.

Путь солдата позволяет мне заявить с уверенностью: абсолютное большинство советских воинов талантливы. Общаясь друг с другом, они становятся богаче духовно, перенимают опыт, чему-то учатся. И если брать по большому счету, стойкости мы учились у коммунистов. Среди многих бойцов и командиров для меня, тогда совсем юного, примером такой стойкости был лейтенант А. Райкунов. Вероятно, в шутку и в знак большого уважения кто-то из матросов прозвал его Александром Бессмертным. Прозвище его в отличие от многих других звучало в высшей мере почтительно. И было за что уважать этого человека, преклоняться перед ним. Мужество, верность воинскому долгу, исключительный героизм сделали его поистине легендарной личностью. Только представьте себе: множество раз коммунист Райкунов смотрел смерти в глаза, даже похоронен был... Впервые это случилось под Одессой. Ему, бывалому матросу, приказали тогда принять катер-охотник и сопровождать танкер на Севастополь. В пути налетела вражеская авиация. Катер потонул, а матросам пришлось вплавь добираться до берега. Несколько часов в воде. Кто и как спас. — Александр уже не помнил.

Второй раз Райкунов заглянул смерти в глаза под Керчью, на студеном декабрьском мысу с ласковым названием Мама-Русская. Действовал тогда он, главстаршина, морской пехотинец, в составе десанта. Да не просто действовал, а заменил погибшего в бою командира отряда. Населенный пункт десантники освободили. Но только открыл Райкунов дверь одного из домов, где намеревался расположить свой НП, как носом к носу столкнулся с гитлеровцем. Одновременно выстрелили моряк и фашист, упали оба замертво. Потом выяснилось: убит только гитлеровец, а Райкунов ранен.

Поправился он. Вышел из госпиталя. Стал командиром разведроты. Выполняя задание, попал с группой матросов в сложный переплет. Погибшим посчитали его товарищи. Похоронили.

Тяжело переживая смерть командира, возвратились с задания, доложили начальству. К счастью, доклад этот слышала военврач Мария Шармина. Потребовала:

— Скажите, где похоронен? Я пойду, прошусь с ним.

И поняли все: велико было затаенное, тщательно скрываемое от всех светлое чувство девушки. На любое испытание готова она.

— Это же за линией фронта! — убеждали ее.

— Ничего. Я пойду.

Командир 83-й бригады морской пехоты отправил разведчиков и М. Шармину к месту захоронения лейтенанта. Пришли они. Раскопали могилу, благо, неглубокой она была. Военврач, ощупывая погребенного, как-им-то десятым чувством вдруг поняла: жив лейтенант! Она буквально вырвала героя из лап смерти.

Оговорки здесь нет ни в чем. А. В. Райкунов стал Героем Советского Союза. Родина высоко оценила подвиги коммуниста, стойко перенесшего все испытания военного лихолетья, в том числе суровые невзгоды Малой земли.

Что касается бессмертия героя, то это истина, выдержавшая испытания. Уже после войны навестил я своего фронтowego товарища В. П. Менчица, проживающего в Москве. Вспомнили Малую землю. Владимир Петрович протянул мне лист казенной бумаги.

— Читай. Родители получили в сорок третьем.

Читаю: «Извещение.

Ваш сын старший лейтенант командир разведроты Менциц Владимир Петрович... в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был убит 15 марта 1943 г. Похоронен в г. Новороссийске...»

Даже мне становится трудно дышать. А каково ему, бывшему нашему доблестному разведчику? Я смотрел на фронтowego товарища и старался представить, что сделало его идейно закаленным, непоколебимым защитником Родины... Рабочий на заводе... Комсомолец, стоящий в траурном карауле у портрета Владимира Ильича Ленина в трагические январские дни 1924-го... Десант на Южную Озерейку. Отважно воевал на Малой земле. Был тяжело ранен. Его считали погибшим, а он воевал.

Но вернемся к текущим событиям войны. Бой отгремел, чтобы несколько часов спустя вспыхнуть с новой силой. А пока десантники торопливо расчищали ходы сообщения, траншеи, поправляли брустверы, командиры

хлопотали о пополнении, боеприпасах... Окопы погибших «петезровцев» занял только что прибывший взвод младшего лейтенанта М. Г. Козуба. Сразу было видно: бойцы понюхали пороху. Со знанием дела стали дооборудовать окопы, установили контакты с соседями. В бою без надежной связи солдату трудно. А так знаешь, кто рядом с тобой. Личное отношение как бы поднимает моральный дух людей.

Познакомился с Михаилом Гавриловичем и я. Узнал, что воевал он немало, защищал Кавказ. На Малой земле — с февраля. Теперь его родной полк расформирован. Взвод Козуба передан в роту противотанковых ружей нашей бригады. Как любой солдат, Михаил Гаврилович крепко тосковал о части, в которой служил. Утешало его лишь то, что новый командир, старший лейтенант П. Ф. Горюнов — изумительной храбрости кадровый моряк, у которого можно было многое перенять.

В бою, о котором мы только что рассказывали, коммунист П. Ф. Горюнов сам вынужден был лечь за пулемет. Он повел такой губительный огонь, что гитлеровцы открыли по нему стрельбу из орудий. Один из снарядов, взметнув вверх оранжево-черный султан, отшвырнул в сторону разбитый «максим». Взрывной волной отбросило на несколько метров и самого ротного. Только чудом он остался жив.

— С такого человека только и брать пример, — отзывался о П. Горюнове М. Г. Козуб. — Одно слово: коммунист.

Коммунисты-фронтовики являлись своеобразным эталоном величайшего героизма, патриотизма, отваги, нравственной чистоты. Мы, комсомольцы и беспартийные, гордились ими, подражали им. И что примечательно, в самые трудные дни люди думали не о том, чтобы как-нибудь избежать опасности, излишних тягот. Назло всему, словно бросая вызов и врагу, и смерти, и лишениям, бойцы стремились стать в партийный строй. Каждый добивался единственной привилегии: быть там, где труднее, воевать там, где решается успех.

В роте морских пехотинцев, которой командовал капитан Яков Поликарпович Короткий и которая действовала по соседству с нашей, прославились своей отвагой пулеметчики — посланец Армении Альберт Оганесян и узбекистанец Нуртали Карджаулов. В критической ситуации апрельских боев, когда враг особенно упорно бомбил, обстреливал, теснил десантников, моряки подали

заявления о приеме в партию. Своеобразным импульсом к этому для них был героический поступок коммуниста старшины Михаила Балурского. В черном дыму моряк разглядел два танка, приблизившиеся к переднему краю роты. И не было противотанковых средств, чтобы остановить их. Коммунист Балурский, схватив гранаты, укрывшись среди груд щебня. Один вступил в схватку с танками и подбил оба. Пехоту же отсекали кинжальным огнем Карджаулов и Оганесян.

...Несколько дней спустя замполит бригады подполковник М. Видов вручил пулеметчикам кандидатские карточки.

По-хорошему я позавидовал тогда Н. Карджаулову: стать коммунистом было и моей заветной мечтой. Но мне мешала... молодость. А у Нуртали Байназаровича за плечами была и действительная служба в предвоенные годы, и учеба в Тбилисском пехотном училище, которое он, к сожалению, не успел окончить — помешало фашистское нашествие. Курсантов бросили на опасный участок фронта. Красноармейцу Карджаулову довелось сражаться на Марухском перевале, участвовать в других боях. Не раз он отличался в схватках. Его наградили медалью «За отвагу».

На Малой земле Нуртали был ранен.

После излечения в одном из геленджикских госпиталей вновь попал на плацдарм в ротную бригаду, в свой взвод. Даже второго номера ему, пулеметчику, дали прежнего — краснофлотца А. Абдурахманова, призванного со станции Келес, что близ столицы Узбекистана.

Вскоре молодой коммунист Нуртали Байназарович Карджаулов совершил подвиг, за который получил орден Красной Звезды.

Столь подробно рассказываю о войне лишь для того, чтобы показать, какими людьми пополнялись партийные ряды — глубоко преданными идеям марксизма-ленинизма, Родине, смелыми, самоотверженными.

Сила примера, сила духа коммунистов были поистине притягательны. Они знали об этом и старались оправдать доверие, надежды. Парторг роты главный старшина Григорий Тихонович Кучменко подготовил из матроса Н. И. Малого хорошего снайпера, уничтожившего только в июне 17 гитлеровцев.

Коммунист младший лейтенант Н. Ф. Панов требовал от десантников глубокого знания трофейного оружия. Как пригодились это в одном из боев краснофлотцу Во-

лоде. Мартынову! Кончились боеприпасы. Тогда матрос схватил немецкий ручной пулемет и огнем из него уничтожил около десятка врагов.

Ловлю себя на мысли: утверждением о том, что коммунисты использовали только одну привилегию — быть там, где труднее, ничего нового читателю не открою. Но просто не мог я обойти молчанием то, чем вправе гордится советский народ — самоотверженностью коммунистов, притягательной силой партии Ленина. И таким массовым был поток заявлений, что газета «Полундра» сочла своим долгом рассказать о нем и о тех, кто идет в ВКП (б).

Доставила ее нам в роту Мария Педенко. Появились они со старшим лейтенантом И. Проценко поздним вечером. Проценко и его помощники стали готовиться к радиопередаче, чтобы сообщить вражеским солдатам очередную сводку Совинформбюро. Мария, протянув свернутую в трубочку газету нашему взводному, посоветовала:

— Пока тихо, можете послать бойцов в укрытие. Пусть почитают. Подполковнику Видову газета понравилась.

— Ахтунг! Ахтунг! — прозвучало из динамика, когда подошла и моя очередь почитать «Полундру». Матрос-переводчик начал передавать сводку от Советского Информбюро. На миг в душе родилось чувство сомнения — зачем эти «просветительские беседы»? Разве проймут они фашистского зверя?!

В узкой щели, тщательно занавешенной снаружи плащ-палаткой, было тесно. Кто-то при свете фонарика читал вслух:

— Лучшие люди вступают в партию. Так... «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). Пока бьет мое черноморское сердце, буду беспощадно истреблять фашистскую гадину. За Родину не пожалею жизни... Кого же приняли в партию?..

Рассматриваем портреты молодых коммунистов, читаем, что написано:

— Найденов И. П., краснофлотец, уничтожил дзот, двух фашистских офицеров... Капустин П. Ф., санинструктор. Вынес с поля боя семнадцать краснофлотцев с оружием... Мякишев В. А., уничтожил дзот, пулеметную точку, семнадцать фрицев... Балабанова А. Т., санинструктор. Вынесла с поля боя тридцать девять раненых с оружием...

Важным резервом пополнения партийных рядов был комсомол. Мне почему-то в те минуты вспомнился Павел Куделин. Он совсем недавно, в феврале сорок третьего, окончил курсы, получил звание лейтенанта и назначен в 255-ю бригаду.

Майор И. Дорофеев, человек наблюдательный, решил, что П. Куделин со временем может стать хорошим политработником. Для начала направил Павла комсоргом 322-го батальона. Здесь лейтенант встретил нескольких товарищей из тех, с кем бок о бок сражался в горах Кавказа. Но самое удивительное ждало его впереди. Перебирая учетные карточки комсомольцев, вдруг увидел знакомые фотографии: «Женя Овчинникова! И ты здесь воюешь?! И ты, Мартирос Назарян?»

Ребята вместе учились в школе. Вместе и Родину довелось им защищать. Тесен мир! П. Куделин закрыл в сейф документы, отправился в первую роту.

— Третий взвод? — уточнил он у моряка, который вел наблюдение, стоя у амбразуры.

— Третий, — ответил боец.

— Мартирос, не узнаешь?

Друзья обнялись.

В апрельских боях П. Куделин и М. Назарян отличились. Получили награды: медали «За отвагу». Об этом также сообщалось в «Полундре».

Под впечатлением увиденного и услышанного я выбрался из «кубрика», осмотрелся.

Над Азовской уллицей все еще гремело радио. Теперь уже на румынском языке вражеским солдатам сообщалось об успехах Советских войск на всем огненном меридиане войны. Вновь подумалось: «Разве этим проймешь оккупантов?»

Но несколько дней спустя десантники задержали немецкого солдата. Полз к нашим окопам. Боясь привлечь к себе внимание своих же, он не кричал, лишь пилоткой, зажатой в руке, подавал морякам какие-то знаки. В траншее поднял руки. Назвал себя. Матрос Исайченко, сносно говоривший по-немецки, объяснил нам:

— В плен сдался. Утверждает, что Советское радио помогло ему принять такое решение.

Тепло стало от мысли: значит каждый из нас воюет по-своему, как этого требует Родина. Один подрывает дзоты, другой выносит раненых, третий печет хлеб. А вот инструктор политотдела старший лейтенант И. Проценко воюет и автоматом, и словом. Правдивым партийным

словом деморализует врага, заставляет его увидеть пропасть, перед которой он стоит, злодеяния, которые он, оккупант, совершает. И пусть один из тысячи врагов осознает это. Его поступок заставит задуматься и других. Сомнения, одолевающие солдата, делают его значительно слабее.

Говорю об этом Б. Бетиеву. Он соглашается.

— Правильно, командир. У нас, у казахов, есть половица: у тихого коня и хвост общипан. Нельзя нам быть тихими. Сейчас только здесь была Мария Педенко. Умные слова сказала.

— Где она?

— Не знаю. Туда, по траншее пошла.

— Беседовать с народом не будет?

Бетиев пожал плечами.

— Отдохнуть хочешь? — предложил я подчиненному. — Тогда я подремлю. В случае чего — буди.

Только уснул, Бетиев растолкал:

— Вставай. Там Мария Педенко с моряками беседует.

— Где?

— В кубрике.

Кубрик — сырая, мрачная землянка, выдолбленная в камне. Спустившись в нее, замечаю возле коптилки Марию Педенко. Красавицей ее не назвать. Круглолицая, немного скуластая, невысокого роста девушка. Говорит негромко, чуть нараспев. На ее коленях чей-то бушлат. Проворная игла нанизывает на него стежки.

— Ну что вы за народ, мужики! — то ли удивляется, то ли беззлобно отчитывает Мария. — Увидел, отрывается рукав — пришей сразу. Все ждете, чтоб за вас кто-то сделал. Жигула вон, когда минометный обстрел начался, в окоп убежал. И Тивадзе не лучше. Задремал... Ну и что, колы устал?! Кто за тебя должен наблюдать за противником? Краснофлотцу Некрасову и вовсе должно быть совестно: пулемет целую вечность не чистил! стыдно!

— Да-к, это... Сколько раз немец бомбил. Кругом пыль. Чисть его не чисть...

— Брось, Некрасов, не оправдывайся. Правильно Мария говорит. Не любишь ты за оружием ухаживать.

Матрос смущенно глядит в землю.

В землянке чад, копоть, махорочный дым. Рыжая Полундра, пришив рукав, передает бушлат молодому моряку.

— Носи на здоровье...

И тут же:

— Ладно, «Полундру» вы посмотрели, беседа у нас состоялась. Прочитаю вам еще только письмо. Секретарь Апшеронского райкома партии, он же командир партизанского отряда Сергей Жуков прислал мне. Послушайте весточку с освобожденной от врага земли.

Девушка стала читать негромко и медленно, будто через силу. Но сколько взволнованности и гнева было в ее голосе:

«Немцы... оккупировали наш район. Сразу начались поголовные аресты, обыски, избиения, расстрелы. Сейчас мы вскрыли несколько могил. Нашли в них около двухсот женщин и детей. Некоторых и ты знаешь: Березовская, Галкина, Галицкая... Повешены председатели колхозов Конотопченко, Матвиенко. Расстрелян председатель сельсовета Богомоллов. На трупах следы пыток. Уши, губы отрезаны, глаза выколоты, многие, возможно, были закопаны живыми...»

В землянке повисла тяжелая тишина. Мария аккуратно сложила письмо. Печальным взглядом обвела бойцов. Во взорах моряков — боль, жгучая ненависть к врагу.

Утром я спросил нашего комсорга:

— А где Мария Педенко?

— На рассвете сержант Мизерный и краснофлотец Грибаров в засаду отправились. Педенко с ними ушла.

— Зачем?

— Ты что, не знаешь, зачем засады устраивают?

Я, конечно, знал, с какой целью устраивают засады. Но дело это мужское, не девичье. Вот ведь неукротимая сила духа!

Моральный дух наших воинов всегда был высок. Тысячи доказательств этому оставила Малая земля. Сошлюсь только на одно из них. В конце мая или в начале июня началась подписка на Государственный заем. Помню, в тот день в нашу роту по заданию политотдела бригады пришел фотограф Иван Кушнарченко. Принес карточки тем, кого снимал на партийные документы, и подписные листы. Объявил о начале подписки на Заем и готов был приступить к работе, как прозвучала команда:

— Воздух!

Пятьдесят «юнkersов» вынырнули из-за горы Колдун Пикируя, затем круто взмывая вверх, они начали бом-

бить позиции бригады. Десятки взрывов слились в страшной силы грохот, потрясающий землю. Черная туча дыма и пыли окутала все вокруг. Ветер с моря гнал ее вдоль по фронту, словно для того, чтобы посеять страх среди малоземельцев, показать им, что ничего живого не оставляет бомбежка. Но эффект получился обратный: один из стервятников вдруг клюнул носом, задымился и упал в городе. Потом стало известно: бронебойщики краснофлотцы Бурейко и Велигура подбили его огнем из ПТР. Покончив с «делами», отважные воины подписались на двухмесячное денежное содержание.

Стремление сделать как можно больше для разгрома врага было единодушным. Каждый сознавал: воюешь хорошо — приближаешь день Победы, помогаешь рублем — также куешь ее, долгожданную Победу. Главстаршина Лунев подписался на 800 рублей и сразу внес их наличными. Главстаршина Егоров — на тысячу и тоже отдал их сразу.

Нельзя было собрать людей. Иван Кушнарченко ходил из окопа в окоп, переползал от укрытия к укрытию. И все охотно вносили средства в долг государству.

Так, в боях «местного значения», в событиях, которые навсегда оставались в памяти, проходила малоземельская весна. Мы почти не видели ее, почти не любовались ею. Мы защищали ее. Томились в ожидании крупных операций. Пока же, приостановив наступательные действия, перешли к упорной обороне, потому что было известно: враг стягивал к Новоросийску новые силы. Испытывая прочность наших войск, предпринимал атаки и контратаки, обстреливал и бомбил плацдарм.

Малая земля жила духовно богатой, нравственно возвышенной жизнью.

ПЕСНИ ЖИЗНИ

Прощаясь с весной, природа загрустила, всплакнула, окропив Малую землю мелким, почти невидимым дождем. Окопы, земля, одежда, сам воздух пропитались влагой. Иссеченные осколками и пулями деревья тоже стояли мокрые. Казалось, страдали от боли и потаенно роняли с ветвей бесчисленные капли слез.

Только люди не поддавались грусти. Во все глаза следили за противником с надежно оборудованных наблюдательных пунктов, совершенствовали оборону, выдалбли-

вая в камне стрелковые ячейки, окопы, щели, ходы сообщения.

Тех, кто валился от усталости, начинал брюзжать, зачем, дескать, адская эта работа, подбадривали афоризмом, сотворенным здесь же, на Малой земле:

— Бомба, снаряд — вбок, если твой окоп глубокий.

Пессимисты были явлением чрезвычайно редким. Глядишь: тяжело человеку, так нет, находит в себе силы на шутку, юмор. Этим выгодно отличался, мне кажется, матрос Александр Никитович Еремкин. Боец он закаленный. С сорок первого на фронте, из Ташкента призывался. О том, как воевал, свидетельствовали награды. Я спросил его, за что получил орден и медали. Он усмехнулся:

— За то, что роль фрица исполнил.

— На сцене?

— Зачем же? В самом деле...

Оказалось, вез Еремкин снаряды на передовую, напоролся на мину. Хорошо еще, задним колесом машина попала на нее. Так что взрывом только то колесо и отхватило. А тут немцы поднажали. Группа наших бойцов оказалась в окружении. А Еремкин возглавил ее. Скрытно вышли к деревне, занятой немцами, наблюдали за ней. Тихо прикончили нескольких фрицев, переоделись в их форму, и, захватив гитлеровскую машину, приехали на ней к своим. В машине той оказалась важная груз, а главное — документы. Вот за то и наградили туркестанца.

В минуты отдыха моряки пускали по кругу самокрутку — одна на всех: курева не хватало. Несколько экономных затыжек обогревали, а кое-кого настраивали на философский лад.

Матрос Г. А. Хачатуров, упрямо маскируя бинты, точно стыдясь их, бросал взгляды на гору Колдун и раздумчиво говорил:

— Вот загадка для человека. Мы, кавказцы, без гор жизни не представляем. А поразмыслишь — это же символ индивидуализма. Горы живут в одиночку.

— Как же в одиночку? Есть горные хребты...

— Все равно. Гора не прильнет к горе, как береза к березе, как... птица к птице. Каждая стоит в отдельности...

Такие беседы отвлекали от горестных дум, от боли. Но сейчас их прервало приказание — матросам Г. Хачатурову, И. Басенко и Г. Гусько прибыть к командиру.

Вызовы к ротному — дело обычное. Этот тогда мог остаться незамеченным. Мог, но не стал: бойцы возвратились в окоп смущенные и озадаченные:

— Вот... Приказано идти в Дом отдыха.

— В разведку?

— Да нет же, в тыл, в Дом отдыха. Говорят, открылся свой, батальонный.

Какой тыл на простреливаемом пятачке?! Ведь плацдарм имел в глубину всего навсего пять километров! Да и с передовой малоземельцы убывали, в основном, по причине тяжелых ранений. Те, кого «слегка зацепило», наотрез отказывались отправляться в тыл. В общем, новость была ошеломляющая. Матросы Г. Хачатуров, И. Басенко и Г. Гусько — отважные воины. У них по несколько боевых наград и столько же ранений. Лечиться им необходимо. А они расстроены:

— Отказывались... Да в приказном порядке посылают. Сказано: немедленно — в баню, оттуда — в Дом отдыха.

— На месяц?

— На четверо суток.

— Ничего, отдохнете. Доберетесь до места — телеграмму отбейте: мол, в море купаемся, на пляже загораем... — шутникам лишь бы повод был для острога.

Товарищи ушли, а мы все еще не могли поверить, что и такие бывают приказы. Несколько дней спустя удивились еще больше. Поступило распоряжение создать в подразделениях коллективы художественной самодеятельности. Когда этим занимались энтузиасты, страстные любители искусства, такие, как старшина лейтенант Гайдобуро, мы поражаемся их неугомонности, но не считали самодеятельность обязательной. А тут директива политотдела 18-й армии. Она как бы ставила точку в споре, целиком поддерживала спрашивавших и утверждавших:

Кто сказал, что надо бросить

Песни на войне?

После боя сердце просит

Радости вдвойне...

Песенка была популярная, исполняли ее профессиональные артисты. Теперь перед политработниками ставилась задача «выявить художественные силы», «создать им благоприятную обстановку для работы и твор-

ческого роста», «улучшить культурное обслуживание личного состава».

«Выявляли самодеятельных артистов прямо в траншеях. Многие скрывали свои способности петь, плясать, декламировать. Иные прямо заявляли, мол, воевать надо, а не развлекаться. В окопах разгорались горячие споры. Бойцы постарше возрастом усмехались:

— Опять комсомол шумит, а песен не слышно!

Вероятно, не только в нашем батальоне поначалу вышла такая заминка. Потому что комсоргов из всех частей пригласили в 404-й стрелковый полк на смотр художественной самодеятельности. Акмаль Газиев, наш комсорг, вернулся оттуда словно пристыженный:

— Послушали бы вы этот хор! Все девушки полка в нем...

В батальоне появился и помощник начальника политотдела бригады по комсомолу старший лейтенант К. А. Милютин. Собрал комсомольских активистов. Рассказал об итогах боев. Поручил И. Панову, А. Крулю, сержанту Нине Губиной провести об этом беседы в подразделениях. Повел речь о художественной самодеятельности.

— Стесняются бойцы,— пытался объяснить нам комсорг нежелание многих участвовать в ней.

— Да что в этом зазорного,— возмутился К. Милютин.— В 142-м батальоне все гордятся бронбойщиками Догунничевым и Ткачевым. Оба выступают, исполняют лирические песни.

Пассивные начали сетовать: что за самодеятельность, если нет музыкальных инструментов. Но все нашлось. Кто-то и в огненном аду сумел уберечь гармошку, гитару. Пошли в ход ложки, расчески, разнокалиберные гильзы.

Начались репетиции. В нашем батальоне их проводил старший лейтенант Гайдобуро. Несколько дней спустя в битком набитой землянке состоялся первый концерт. Под аккомпанемент баяна самодеятельные артисты исполняли «Землянку», «Синий платочек», а также свою «родную» песню «Потаповцы». Звучали сатирические куплеты, разыгрывались юмористические сценки. Все это было по душе морякам.

Музыка, песни раздражали гитлеровцев. Бывало, сабедутся в траншее участники самодеятельности на репетицию, а тут артиллерийский и минометный обстрел. Поступала команда усилить бдительность. Но репетиции

продолжались. Разве что в минуты крайней опасности артисты уходили в щели.

Певцы, танцоры нашего батальона не смогли занять призовых мест в армейском смотре художественной самодеятельности. А мы им все-таки были благодарны за то, что своими выступлениями они поднимали настроение, боевой дух, скрашивали однообразие окопной жизни. Самое же ценное — укрепляли веру в победу над врагом. Словом, это были песни жизни, песни борьбы.

Политотдел армии, конечно, учел это. Лучших исполнителей включили в состав концертных бригад, которые выступали во всех частях Малой земли, в госпиталях. Всюду их встречали тепло, аплодисментами. Люди, истосковавшиеся по дому, мирной жизни, тишине, затив дыхание, следили за тем, что происходило на примитивной сцене, слушали артистов. Исчезала суровость на лицах. И это казалось чудом: столько пережито, а сердца не зачерствели, жаждали прекрасного.

...Я и сейчас слышу народную песню «Вдоль по Питерской», которой тесна была землянка. Вижу автоматчика Николая Яворского, исполнявшего ее. Потом повлажившими глазами мы провожали со «сцены» младшего лейтенанта Ольгу Шматову, мысленно повторяя слова из лирической песни «В тихой избушке», которой она одарила нас.

Как признательны мы были воннам 83-й Краснознаменной бригады морской пехоты и за выручку в боях, и за эти песни! Благодарили и тех, кто организовал художественную самодеятельность, вообще заботился о духовной жизни защитников плацдарма. Политработники были нестоимы на выдумки.

Однажды в траншее появилось объявление: «В с. Станичка открывается выставка работ художника-малоземельца П. Я. Кирпичева».

Не шутка ли? Станичка все время под огнем противника. Найдешь ли тут уголок для «картинной галереи»? Да и какой художник согласится рисковать полотнами!

Младший лейтенант Газиев старался развеять эти сомнения:

— В 591-м стрелковом полку тоже открылась выставка.

Мы слышали о ней. Лейтенант М. Козловский, художник-профессионал, получавший теперь военную специальность, не прекращал занятий любимым делом на

фронте. Пока полк стоял в обороне, он успел создать целую галерею портретов, зарисовок с натуры.

Художник П. Кирпичев из студии Грекова высоко оценил их и предложил организовать совместную выставку. Слух о ней быстро распространился по всему плацдарму. Любители живописи мечтали увидеть рисунки, но вот появилось объявление — засомневались: выставка на передовой?!

Выставка П. Кирпичева и М. Козловского все-таки действовала. Разместили ее авторы в нашем «кубрике» — землянке. Портреты, рисунки прикрепили к телефонным кабелям, которые связисты натянули по стенке. Десантники группами приходили сюда. Узнавали места, запечатленные художником. Узнавали товарищей, а то и себя.

П. Я. Кирпичев прибыл на Малую землю добровольцем, в разгар боев. Он попросил начальника политотдела 18-й армии полковника Л. И. Брежнева направить его к морякам. Так оказался в 255-й Краснознаменной бригаде морской пехоты. И то, что он делал, было подвигом. Ведь все рисовал с натуры. Работал даже под огнем. В одном, пожалуй, Павлу Яковлевичу было легко: героев искать не надо, пиши портрет с любого, никто не упрекает.

Впрочем, летописцев подвига малоземельцев было много. Журналист С. Борзенко, художники В. Е. Цигаль и И. Ф. Константинов... А однажды в расположении нашей роты, на улице Азовской, появилась обаятельная девушка в штатском. Представилась:

— Фотокорреспондент ТАСС Наталья Аснина. Командирована на Малую землю Центральным Комитетом ВЛКСМ.

Очень удивилась, когда увидела в укромных местах командиров и краснофлотцев, игравших в шахматы.

Увлеченные баталиями они, кажется, забыли о духоте, испарениях от прогретой солнцем влажной земли, не обращали внимания на трупный запах, который доносился с нейтральной полосы

— В бригаде турнир проходит, — объяснил Асниной политработник.

Нескольких участников этого турнира Наталья Михайловна тут же сняла «на память», точнее сказать, для истории.

Один из шахматистов проявил находчивость:

— А снимки будут?..

— В таком случае приглашаю вас в кино.

— После войны?

— Зачем же?... Сегодня. Я киномеханик.

Фильмы показывали часто. Жаль только, землянка не могла принять всех желающих. Да и не каждый мог уйти с позиций. Чаще всего крутили документальные ленты о подвигах наших воинов, о зверствах оккупантов на советской земле. Какую ненависть к врагу испытывали мы тогда, какое желание было избавить Родину от несчастий! Но люди понимали — до победы далеко, враг еще не сломлен. Вон какие удары наносит. Станичка утопала в дыму. На улице Азовской редкий час тишины казался необычным, таящим в себе какую-то новую опасность.

Наш кок матрос Фисенко умудрился устроить камбуз в щели, оборудованной среди развалин. Готовил пищу по ночам. Днем отсыпался, если было спокойно. Случалось ему и атаки отбивать. Как заправская хозяйка ухаживал он за козой: кормил, чистил закуток в щели, часто менял подстилку. Моряки нашли ее в лесу, привели, чтоб зарезать: с питанием было неважно. Фисенко уберег ее, мотивируя тем, что козье молоко полезно, особенно для раненых. Он и доил ее сам.

Так вот, противник в конце концов выследил, где находился камбуз. Последовал мощный артолет. Можно подумать, не по кухне вел враг огонь, а по бастиону стратегической важности. Кухонному наряду Фисенко приказал бежать в укрытия. Сам же остался у котлов, на своем посту. Его ранило осколком. А он, сделав перевязку, продолжал готовить ужин. Пищу мы получили вовремя.

Опасность подстерегала любого и каждого малоземельца, где бы он ни находился. В двадцатых числах июня прибыл караван судов, доставивших боеприпасы, технику, снаряжение. Нужно было поскорее разгрузить мотоботы. Поскольку портовая команда не могла управиться с работой, в помощь ей из каждой части направили бойцов.

Пошли и мы с матросом Хорунжим. Только покинули «родную» траншею — началась бомбежка. Мы оба прыгнули в воронку. В ней — вода, грязь, что-то громоздкое посередине. Да разве обращали внимание на это!

Наконец фашистские стервятники улетели. Мы осмотрелись, выползли из своего укрытия. И вдруг окрик Фисенко:

— Ложись!

Ничего не понимая, бросаюсь в какую-то яму, Фисенко — тоже.

Оказалось, в старую воронку попала бомба крупного калибра. Почему-то не взорвалась, даже не сдетонировала от взрывов. А мы лежали с ней рядом, в той самой воронке.

Подошла группа моряков из соседних рот.

— Чего это вы все прячетесь?

В это время и взметнула султан земли наша «соседка». Видно, решила доказать, что была все-таки настоящей бомбой.

Сюрприз, жестокий оскал войны?... Наверное. Но слишком много было тогда подобных оскалов. Земля, трава, вода, хлеб, воздух — все казалось нам пропахшим порохом. И потому ликовала душа при соприкосновении с тем, что дано природой.

С. Борзенко, частый гость на улице Азовской, человек уравновешенный, спокойный, однажды появился после бомбежки, как говорится, сам не свой. Возбужденно стал рассказывать:

— Бомбы рвутся, а матрос в окопе лежит, руками голову прикрывает. «Где твоя каска?» — спрашиваю. Он на бруствер показывает. Так возьми... «Нельзя», — говорит. После налета встал, приподнял каску, а под ней... мак. Да, да! Обыкновенный мак...

Легкомысленный поступок? Пожалуй. Только дорого было солдатскому сердцу все живое.

Транспорта на Малой земле не было. Сюда доставили осликов. На них перевозили значительную часть грузов. Малоземельцы очень берегли животных. Начались, бывало, бомбежка, обстрел — погонщик прежде всего спешил найти укрытие для ослика. Матросы восхищались выносливостью, неприхотливостью животных.

Одним словом, суровые, беспощадные к врагу, бойцы оказывались нежными (по-другому не назовешь!), если дело касалось спасения кого-то или чего-то, имело какую-то связь с мирной жизнью. Нетрудно понять поэту, какое чувство охватило десантников, когда в расположении 142- и 322-го батальонов и на нейтральной полосе обнаружили небольшие поля озимой пшеницы. «Пшеничка» — ласково называли ее бойцы. Зеленое мирное поле!

Матросы нашего батальона пробирались к нему, чтобы взглянуть, погладить сочные стебли, полюбоваться

колосками. У истинных хлеборобов глаза влажнели: «Пшеничка»!

Командир 142-го батальона майор С. Т. Григорьев и замполит 322-го батальона майор В. Г. Третьяченко не скрывали гордости:

— Скоро хлеб убирать начнем.

Действительно, в теплую летнюю ночь началась «малая страда» Малой земли. Иной такой страды на планете, вероятно, и не было, чтоб под огнем убирать. Добровольцев участвовать в страде оказалось более чем достаточно. Тем, кто уходил по ночам срезать колосья, завидовали, хотя и знали, что каждый из них рисковал жизнью. Поле-то — не окоп. Укрыться от огня там негде.

«Хлеборобы» работали, кто чем мог: саперными ножницами, ножами, а когда разведчики нашли в разрушенных домах несколько серпов, темпы уборочной кампании резко возросли.

Ежедневная норма добровольцам была установлена конкретная: мешок колосков. С каждого батальона почетный вклад — не менее двух центнеров зерна. Победителем в негласном соревновании оказался 142-й батальон. Его бойцы намолотили свыше тонны пшеницы. Ударником же все единогласно призвали разведчика Ладо Давыдова. Этому парня хорошо знали в бригаде, любили за смелость. Когда в одном из боев пуля смертельно ранила командира роты, повел воинов в контратаку он, Ладо Давыдов. Его ранило, а он все-таки не покинул поля боя.

На плацдарм старший сержант Ладо высаживался в составе первой группы десанта. Участвовал в захвате фашистского аэродрома. Позже, когда стабилизировалась оборона, кажется, никто чаще разведчика Давыдова не бывал в тылу врага. Действовал дерзко. Товарищи восхищались им, учились у него.

И вот этот мужественный краснофлотец вдруг стал лучшим «хлеборобом». С увлечением, на какое способен лишь потомственный крестьянин, он убирал пшеницу, молотил ее. Он же раздобыл в Станичке жернова, устроил «мельницу». Малоземельский хлеб словно прибавил сил патриоту, храбрости. За многочисленные подвиги ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но это потом. А вначале... первый сноп матросы принесли замполиту М. К. Видову. Михаил Капитоно-

Грохот канонады не мог оборвать ни одной мелодии, заглушить ее. Песня оставалась в строю бойцов, патриотов.

Мы глубоко верили: скоро наступит день, когда Малая земля воссоединится с Большой. Но Мысхако навсегда останется Малой землей в памяти людей, стоявших здесь насмерть, не отдавших ее врагу.

ПРОСТРЕЛЯННЫЙ ЛИСТОПАД

Позади нашего окопа, как раз там, где, оборвав траншею, уползает в глубину обороны ход сообщения, чудом убереглась от огня яблонька. Дом, от которого остались одни развалины, сохранил ее. Несколько дней назад и развалины эти разметала бомба. Яблонька стоит беззащитная. Надломленными ветвями шепчет проклятия врагу. Капелька потемневшего сока, будто слезинка, застыла на косом срезе — пулевом ранении.

Когда начинается артиллерийский обстрел, летят с дерева пылью припорошенные, взрывом опаленные листья. По времени до настоящего листопада еще далеко. А этот, свинцом прострелянный, удручает моряков. Вероятно, все, что противоречит законам природы, отрицательно действует на людей, вызывая у них чувство досады, гнева. В такой момент и появился в нашей роте старший лейтенант К. Милютин.

— Чего это вы хмурые? Не позавтракали?.. А я вам новости принес. Давайте-ка сюда, поближе.

Помощник начальника политотдела бригады по комсомолу рассказал о боевом распоряжении: отныне все подбитые танки врага либо расстреливать, либо сжигать, чтоб гитлеровцы не могли их отбуксировать. Распоряжение касалось прежде всего артиллеристов. Но распространялось на всех.

В этот день мы узнали, что под Курском и Орлом немцы ввели новую технику — танк «тигр». Теперь жди, здесь, под Новороссийском, тоже появится проклятая новинка, которую не всякий снаряд останавливает. Старший лейтенант усмехнулся:

— Попугал я вас и хватит. Наши бойцы уже научились громить эти самые «тигры». Так что нам будет легче: известны тактико-технические данные, вооружение, уязвимые места машины...

Л. И. Брежнев с группой участников партийного актива.
Малая земля, 1943 г.

В минуту затишья.
Комсорг 255-й бригады
морской пехоты старший
лейтенант К. Милютин
проводит политзанятия.

Командир отряда
Ц. Л. Куников.

Трудно добраться до воды на Малой земле,
а водой нужно снабжать воинов бесперебойно...

Прием в партию в трудные дни испытаний.

Хлебопекарня 255-й бригады морской пехоты
1-й караван хлеба.

Первый сноп малоземельского урожая.

Подполковник А. А. Хлябич проводит беседу.

Петр Пропастин читает газету «Полундра».

Фотограф бригады И. А. Кушниренко (справа) и старший лейтенант А. Мамаев.

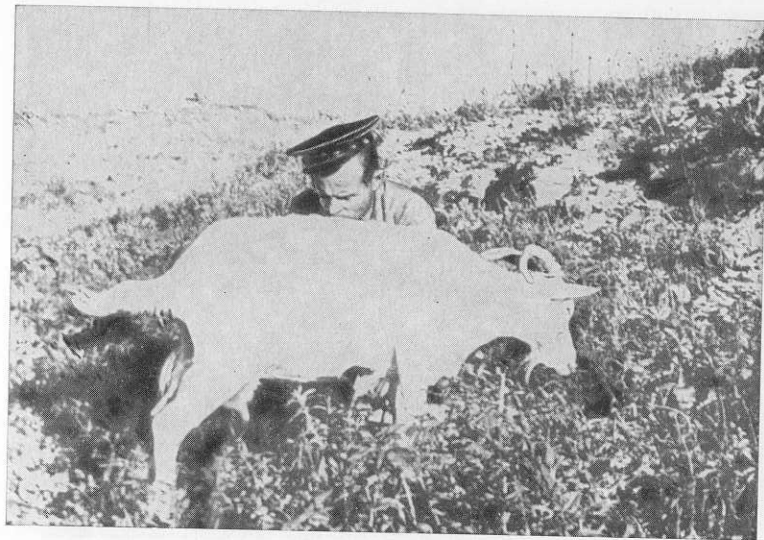
Расчет 45-миллиметровой пушки. Командир орудия А. Грек ведет огонь по противнику прямой наводкой.

Комсорг 22-го батальона лейтенант П. Куделин проводит семинар с комсоргами рот.

Командир бригады полковник А. С. Потапов вручает награду старшему лейтенанту И. Ф. Журухину.

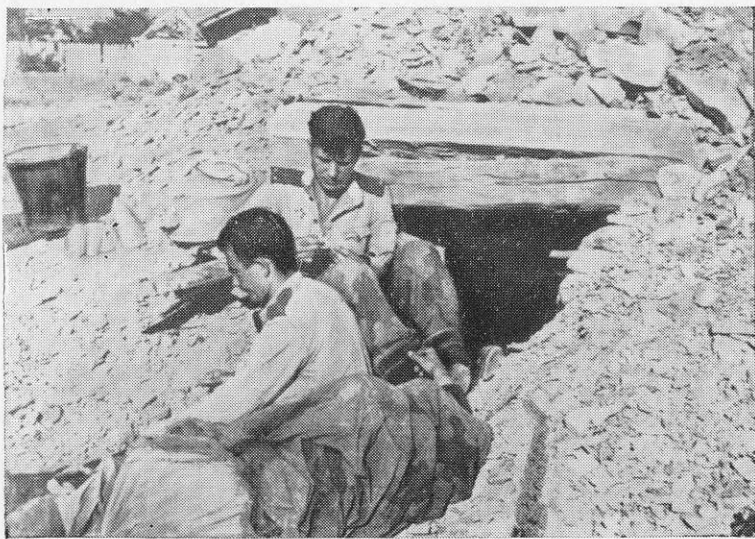
Будет раненым молоко!

Разведчики 14-го батальона перед выходом на задание.

Разведчики отражают атаку врага.

Разведчики на отдыхе.

Младший лейтенант Г. Онипко обучает рядового Г. Гордеева.

Скульптор В. Е. Цигаль.

Военврач Л. Ф. Симагова.

Комиссар 255-й бригады
М. К. Видов.

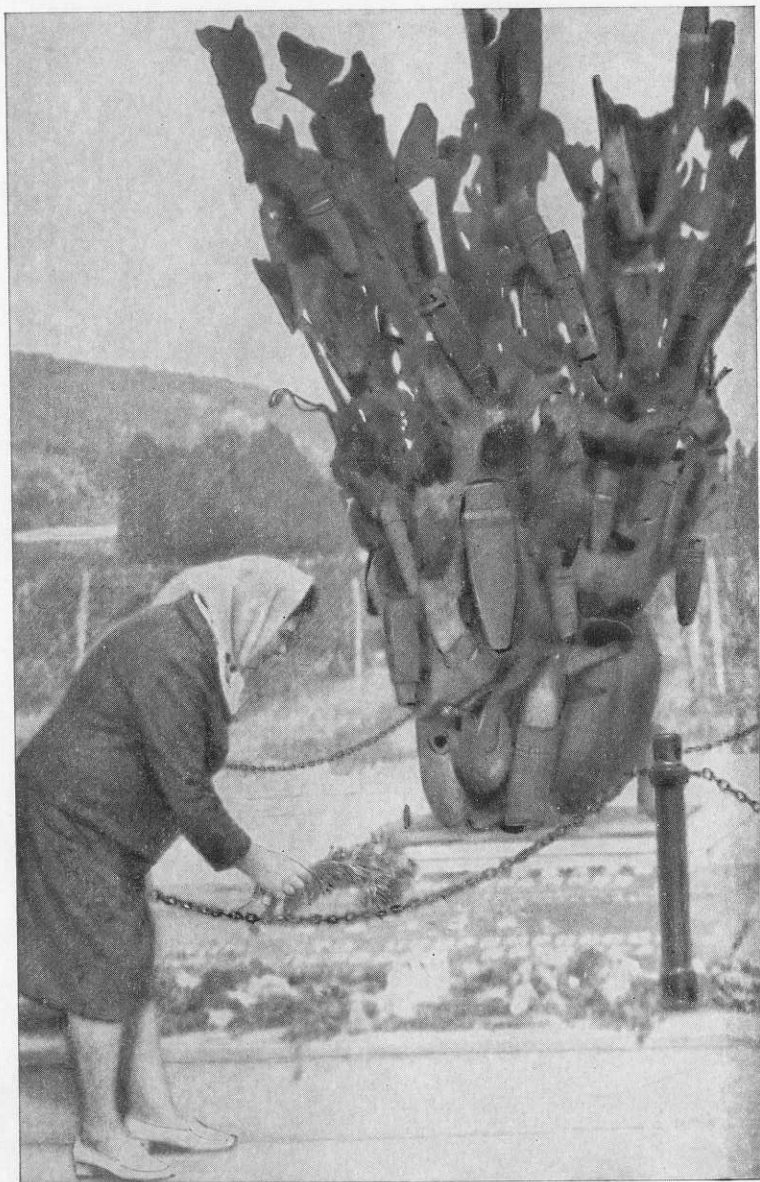
Младший лейтенант
А. И. Водовозов.

Редактор газеты «Полундра»
Мария Педенко.

Помощь пришла вовремя.

Мемориальный комплекс в Долине смерти на Малой земле.
Памятник «Взрыв».

Колодец — один из источников питьевой воды на Малой земле.

Туркестанцы-малоземельцы у Боевого Знамени 255-й бригады морской пехоты. Слева направо: Н. Б. Каджаулов, Н. Н. Небоялов, Л. С. Брагиловская, И. Ф. Журухин, А. И. Водовозов, А. Газиев, К. Милютин, А. Н. Еремкин, Новороссийск, 1978 год.

Ташкентцы-малоземельцы 9 Мая 1982 г.
 Слева направо: А. И. Водовозов, С. Насруллаев, Б. П. Зайцев,
 М. И. Мурадов.

Фотографии взяты из архивов фотографа 255-й бригады
 И. А. Кушниренко и корреспондента «Комсомольской правды»
 Н. М. Асьминой.

Мы слушали политработника, и спокойнее становилось на душе. Гордость появлялась оттого, что воля советских воинов оказалась крепче крупковской стали. Хотелось сказать теплое слово благодарности артиллеристам, которые нашли слабые места в броне нового танка, пехотинцам, которые научились гранатами подрывать его. Теперь нам известны способы борьбы с «шедевром» агрессии.

— Как, братьцы, выстоим?— подзадоривает К. Милютин.

— Выстоим. Всякое уж повидали...

К середине июля поступил приказ тщательно замаскировать огневые позиции, боевую технику, строго соблюдать маскировочную дисциплину. Фронтовику не надо объяснять, чем вызвано такое требование, значит враг намерен предпринять что-то серьезное. Нужно ввести его в заблуждение.

Мы работали, в основном, ночью. Рыли ложные окопы, размещали в них макеты пулеметов, орудий. В расположении 107-й стрелковой бригады и 83-й Краснознаменной бригады морской пехоты заметно усилилось передвижение подразделений, которого не мог не заметить противник. Позже мы поняли: ложным было это передвижение войск. Но враг, что называется, клюнул на удочку, стал перегруппировывать свои силы. Советским разведчикам удалось выявить тщательно скрываемые огневые средства гитлеровцев.

22 июля все загрохотало в районе пятой сопки горы Мысхако. Наша артиллерия в течение двадцати минут громила позиции фашистов. Затем в атаку пошла 107-я стрелковая бригада и батальон 83-й Краснознаменной бригады морской пехоты.

Предприняв разведку боем, советское командование преследовало цель — вскрыть систему обороны противника и овладеть выгодной в тактическом отношении пятой сопкой. Эта задача была выполнена. Ломая сопротивление врага, десантники пробивались к высоте. Старшина Мельников и сержант Замятин водрузили на ней Красное знамя. И оно, простреливаемое злобными очередями, подняло дух бойцов. Поредевшие батальоны закрепились на сопке.

Гитлеровцы не могли смириться с потерей выгодной позиции. Жестокие бои за сопку продолжались до 25 июля. Враг предпринимал попытки вернуть утраченную высоту и в последующие дни.

вич очень гордился этим подарком. У народа к хлебу издавна почтительное отношение. А этот хлеб был особенный — с Малой земли!

Потомственные наши землепашцы не устояли. Обратились к М. К. Видову с просьбой:

— Разрешите взять по щепотке зерна и по колоску.

Им разрешили. Они бережно хранили крохотные узелки с пшеницей. Как завещание повторяли:

— Если вернусь домой, посею на родине.

Урожай собрали без потерь. Сложили его во дворе, за двухэтажным зданием, где находился командный пункт бригады — этот уголок не простреливался противником. Стали сушить колосья. Начали молотить. В ход пошли палки, доски. Веяли по старинке, на ветру. О количестве полученного зерна ежедневно докладывали по команде. Наконец, как трудовой рапорт, ушло из политотдела бригады донесение в политотдел армии: урожай собран. Часть его отправлена на Большую землю. Просьба малоземельцев — переправить хлеб детям блокадного Ленинграда.

Мельницы на Малой земле не было. Как же перемолоть зерно? По примеру Ладо Давыдова бойцы отправились в поселок. Нашли там каменные жернова, которыми рыбаки измельчали соль. Эти примитивные средства и были использованы. В иные дни, когда тыловикам не удавалось доставить продукты, наш кок готовил из муки нового урожая похлебку.

Но похлебка — не хлеб. А как хотелось отведать его, свежего, настоящего! Лепешки, которые пекли на углях, утоляли голод и только. Нужен был хлеб. Матрос Фисенко пообещал:

— Сделайте печь — испеку.

Нашлись печники. Соорудили простую крестьянскую печь. Караван удался на славу. Свежие, душистые, с румяной корочкой. Хлеб Малой земли! Наверное, никто из десантников не едал более вкусного, чем этот.

Потом нас побаловали им еще раз. Моряки, которым доверено было отправить пшеницу на Большую землю, уговорили работников базы часть зерна смолоть, испечь хлеб.

Печь малоземельский хлеб доверили лучшей труженице Геленджикского хлебзавода Раисе Ивановне Никольской. О ней говорили: «золотые руки», «смелая, отчаянная». Верными были эти слова. Хлебзавод в городе стоял на видном месте. Его труба служила ориентиром

для гитлеровских артиллеристов и летчиков. Начинаясь обстрел, шла бомбежка — Раиса Ивановна по праву старшей отправляла всех в убежище, а сама оставалась. Объясняла коротко: «Не могла хлеб бросить. В печи сидел. Подгореть мог...»

Вот этой женщине и поручили выполнить почетное задание. Она его выполнила от души. В мешках, туго завязанных, отправили духмяные караваны на плацдарм. Потом, получив мешки назад, обрадовались: значит дошел хлебушек по назначению, испробовали его бойцы.

Помню те замечательные минуты. Привезли на плацдарм тридцать караванов. Раздали их по батальонам. Бойцам досталось по крохотному ломтику. Но это был хлеб особенный, свой! Он не просто утолял голод. Он усиливал чувство патриотизма, потребность быстрее разгромить врага, освободить от оккупантов родную землю. Подчеркивая это всеобщее стремление, армейская газета «Знамя Родины» в подборке «Сегодня на Малой земле» писала: «...здесь будут цвести сады, здесь будет колоситься хлеб и снова на палубах сейнеров заплещется серебристая кефаль».

...Здесь мне хочется забежать вперед. После войны, приехав в Новороссийск, я поинтересовался, жива ли та прекрасная женщина — пекарь. И обрадовался, узнав, что жива, здорова, работает директором совхоза-миллионера «Геленджик», Герой Социалистического Труда.

Низкий поклон тебе от малоземельцев, славная советская патриотка, отважный солдат героического тыла!

Признаться, понятие «тыл» здесь чисто условное. Ведь в ту пору до передовой от Геленджика было рукой подать. Город подвергался бомбежкам. Так что люди мирных профессий тоже являлись солдатами, поскольку делали все от них зависящее во имя разгрома врага. Нам приятно было встречаться с ними, ощущать рядом их надежное плечо, зная, что они не подведут.

Такой «опорой» для воинов являлись люди искусства. Они помогали нам песнями, художественным словом, юмором.

Оптимизм, глубокая вера в светлое завтра передавались каждому малоземельцу, поднимали дух бойцов. В те дни героической эпопеи нас порадовали концертами артисты ансамбля 18-й армии, которым руководил майор Г. И. Рисман. Над Малой землей звучали песни о знакомых нам истребителях танков, о лейтенанте Мамаеве, о сержанте Замятине. Песни славили героев.

Наш батальон не участвовал в схватках. Но мы жили теми событиями, восхищались подвигами красноармейцев, моряков, пресекали коварные попытки фашистов потеснить нас на улице Азовской, сами предпринимали короткие, но решительные вылазки. В одной из них моряков нашей бригады поддержали пехотинцы 613-й штурмовой роты. 90 добровольцев этой роты во главе с лейтенантом А. Воропаевым, как и бойцы 255-й бригады, бесшумно двинулись вдоль стен разрушенных домов по Азовской улице. Выждали, пока закончится артподготовка, и по сигналу, вслед за разрывами снарядов, устремились к школе и дому, где засели гитлеровцы. Атака была неожиданной для фашистов. И все-таки они встретили наступавших сильным огнем. Кое-где бой перешел в рукопашные схватки. Морякам и пехотинцам удалось захватить школу и соседний дом, и тотчас они вынуждены были отражать натиск превосходящих сил противника.

Погиб лейтенант А. Воропаев. Группой стал командовать лейтенант Р. Ясов. Она выполнила поставленную задачу.

Подобные боевые акции вынуждали противника проявлять настороженность. Все заметнее ощущалась его нервозность. Участились артиллерийские обстрелы. Доставалось нашим ложным позициям. Снаряды в пух и прах разметывали деревянные пушки, танки. Приходилось делать новые макеты. В отместку моряки изматывали гитлеровцев проказами, на какие только были способны. Изготовили металлические крючки — «кошки». Забрасывали их на проволочные заграждения, дергали за шнур, создавали шум. Гитлеровцы злились, строчили из автоматов и пулеметов. В конце концов это притупляло их бдительность, облегчало действия наших разведчиков.

Однако проникнуть в расположение противника было трудно. А позарез требовалось разведать паутину его траншей, ходов сообщения, окопов с перекрытиями. Пулеметные огневые точки, расположенные друг от друга в каких-то 50—100 метрах, доты и дзоты, минные поля перед позициями — все составляло грозную мощь глухой, настороженной немецкой обороны. Чуть что — начинала мети свинцовая метель.

В такой обстановке 322-й батальон 255-й Краснознаменной бригады морской пехоты и предпринял попытку нанести врагу удар в районе кладбища. К сожалению,

атака не увенчалась успехом. Десантники вынуждены были под огнем перейти к обороне. Был момент, когда враг едва не смял десантников. Видя это, матрос П. Бачек поднял в контратаку раненых. И все, кто мог стоять, ходить, держать оружие, сражались до конца, до последнего дыхания. Самое горестное известие — второго августа 1943 г. погиб общий любимец моряков подполковник М. К. Видов. Пуля фашистского снайпера сразила его.

«Отомстим за комиссара!» — клялись бойцы. Все мы называли Михаила Капитоновича именно так — комиссаром. А гитлеровцам пришлось вести счет возросшим потерям. Дорого заплатили фашисты за жизнь М. Видова!

Какой же будет общая расплата гитлеровского рейха за все преступления перед человечеством! Мы были уверены: час возмездия наступит.

У малоземельцев интерес к событиям возрастал день ото дня. Выдавалось относительное затишье — краснофлотцы шли к командирам:

— Разрешите сбегать к витрине.

— Да ведь ты уже читал последнюю сводку!

Боец чуточку смущен:

— Может, еще новости есть...

— Ну, иди!

Политработники понимали, чем живут люди. Поэтому в укромном уголке траншеи ежедневно вывешивали стенд. На нем — очередное сообщение Советского Информбюро, краткая сводка о положении на плацдарме, лаконичные информации о боевых успехах десантников, о подвигах. Всегда в траншее было тесно. Моряки оживленно комментировали события.

— Скоро и у нас будет повеселее! — выражал кто-нибудь затаенную мысль каждого. — Устроим для гансов в Новороссийске второй Сталинград.

— Устроим...

Воображение воссоздавало разные варианты предстоящей операции по разгрому врага здесь, на левом фланге фронта Великой Отечественной, на самом юге огненного меридиана войны. Реальность отвергла эти варианты, предложила свой, совершенно неожиданный: к вечеру 25 августа 255-я Краснознаменная бригада морской пехоты получила приказ оставить плацдарм.

Солдату собраться недолго. Шинельную скатку через плечо, ремень потуже — и готов. А вот оставить

обжитый окоп, позицию, которую защищал, землю, где столько выстрадал, терял боевых друзей — тяжело.

Со смутным чувством уходили мы с позиций, передавая морякам 83-й Краснознаменной бригады морской пехоты и пехотинцам 613-й штурмовой роты. Уходили скрытно, соблюдая жесткие требования маскировки. Сполохи взрывов выхватывали из темноты силуэты кораблей, на которых нам предстояло убыть в Геленджик. Море слегка штормило, заглушая шум работавших двигателей. Волны ловили вспышки ракет, огненные султаны взрывов снарядов и спокойное мерцание звезд, билась о крутой берег, о шаткий причал, наспех сооруженный матросами.

Мы прощались с плацдармом, где провели более полугода. Почти семь месяцев непрерывных боев слились в сознании в сплошной кошмарный сон, светлыми, вдохновляющими проблесками в котором были подвиги, мужество тысяч советских патриотов. Казалось, все силы, какие только придумала природа, всю благородную ненависть к врагу вобрал в себя гарнизон крохотного плацдарма. И потому, несмотря на потуги фашистов сбросить десант в море, Малая земля по-прежнему была и неприступной крепостью, и прочной занозой, брешью в мощной гитлеровской оборонительной системе с игривым названием Голубая линия.

Вернемся ли мы сюда — кто знает. Должны вернуться!... С борта баркаса я вглядывался в знакомые до мелочей очертания Станички, высот мыса Мысхако. Ветер доносил оттуда дробь пулеметных очередей, взрывы мин и снарядов. Малая земля продолжала сражаться. Над ней будто застыло негасимое зарево.

Бегельды Бетиев, второй номер в моем расчете, вероятно, тоже был потрясен впечатляющей панорамой и событиями последних часов. Наклонившись ко мне, прошептал доверительно:

— Вот... Земли взял с плацдарма. На память.

Узелок невелик. Но видно, сколь дорога матросу эта шепотка земли, кровью окропленная, металлом нашпигованная. Верно, не зря утверждает народная мудрость, что родная земля и в горести мила.

А пулеметчик мой вдруг заговорил возбужденно:

— Всех, кто здесь сражался, и после войны надо называть малоземельцами. Специальный значок надо придумать. Увидел человека с таким значком, приглашай в гости: «Заходи, брат, знаю тебя!»

Молча пожимаю локоть земляка. Спасибо, друг! Сам как раз думал об этом и в те минуты, и потом, много лет спустя.

... Рассвет мы встретили в Геленджике. Город спал. Тишина, покой казались нам нереальными, сказочными. На Малой земле мы отвыкли ходить в полный рост, да еще так вот, строим, не остерегаясь пуль. А здесь, в тылу, все было иначе.

— Р-раз, р-раз! — тихо подавал команду ротный. И не было для нас звуков, приятнее этого размеренного топота ног по мостовой. Мы шли по городу, испытавшему ожесточенные бомбежки, все тяготы войны. Но не простреливался он вдоль и поперек, как плацдарм на Мысхако. Мы шагали навстречу новому дню, жадно вдыхали чистый воздух, наслаждались покоем, любовались деревьями — зелеными, сочными, не тронутыми осенней позолотой.

Место для бригады отвели на окраине Геленджика. Моряки разбили палатки. Началась лагерная жизнь. Только была она особенной, со всеми характеристиками военного лихолетья. Несколько дней подряд поступало пополнение. У командиров голова кругом шла: люди необученные, не понюхавшие пороху, а по всем признакам скоро в бой идти.

Полиработники собирали малоземельцев. Просили побольше внимания уделять новичкам, передавать им боевой опыт. Необстрелянные матросы и сами тянулись к бывалым воинам. Мы как-то быстро сдружились с Мазитовым. Старший сержант, командир отделения, он еще не прошел фронтовое горнило.

— Неужели в десант возьмут? — обеспокоенно спрашивал он.

— Что, боишься?

— Не то, что боюсь... Плавать не умею.

— Держись ближе к морякам. В беде не оставят. А в десант, судя по всему, пойдем скоро...

Учеба была напряженной. Нагрузки росли. Каждую ночь по несколько раз штурмовали позиции «противника». Мы бросались в море с баркасов, подавляли огневые точки, уничтожали гранатами «живую силу» в окопах и дзотах, отражали «атаки» танков и пехоты. Все — как в настоящем бою.

Несколько часов на то, чтобы высушить, привести в порядок обмундирование, отдохнуть и опять — за книги, на занятия.

Младший лейтенант Н. Карджаулов интересовался:
— У тебя молодые бойцы не жалуются на трудности?

— Стонут!

— И мои пулеметчики тоже. Но побеседуешь с ними, расскажешь о Малой земле — вроде и об усталости забывают. А прочитают сводку Совинформбюро, так вопросами начинают терзать. Когда, мол, в бой? Успеете, — отвечаю.

— Пусть учатся, пока обстановка позволяет, — поддерживал беседу младший сержант В. Костюков.

Наше знакомство с Виктором состоялось на Азовской. Тогда я прикрывал пулеметным огнем автоматчиков Костюкова и, кажется, удачно. Во всяком случае, он был доволен, сам сказал об этом после боя.

Готовясь к решающим схваткам, мы успевали понаблюдать и за тем, как жил, трудился Геленджик. Первые впечатления о городе с его безмятежной тишиной сменились другими. Враг жестоко бомбил город и порт, служившие базой формирования частей, отправляемых на Малую землю, обеспечения защитников плацдарма всем необходимым. Сюда с Мысхако и других мест боев отправляли тысячи раненых. Геленджик приютил эвакуированных новороссийцев.

Город-труженик, город-солдат, он сражался, стойко переносил боль и ужасы войны, залечивал раны. Жители самоотверженно работали на расчистке улиц, тушили пожары после бомбежки, спасали пострадавших. Не раз на это бросали подразделения и 255-й Краснознаменной бригады морской пехоты. Матросы возвращались с заданий хмурые, проклинали варваров:

— Видно же, что госпиталь — так нет, бомбят...

Чего еще ждать от фашистов! Мы-то, малоземельцы, видели подобные акты вандализма. У меня перед глазами на всю жизнь осталась жуткая сцена: медики готовили к отправлению раненых. Десятки беспомощных людей лежали на носилках и просто на берегу. Матросы носили их на мотоботы и баркасы. Вдруг вывалилась из-за горы Колдун группа вражеских самолетов. Стали обстреливать не суда, не позиции десантников, а раненых, не способных даже пошевелиться, отползти в укрытия.

Оказывается, и Геленджик знал подобные случаи. И здесь роскошные деревья раньше времени теряли свой зеленый наряд. Листопад, иссеченный металлом, вызы-

вал у людей печаль, гнев, желание поскорее отомстить врагу.

Мы чувствовали, знали наверняка: надвигаются решающие события.

ПАРОЛЬ — «ПОБЕДА!»

Майор М. Я. Михайлов молча ходил вдоль строя батальона. Всмотривался в лица подчиненных. Словно проверял, готовы ли они идти в бой. Наконец заговорил тихо, медленно, растягивая слова:

— Сейчас двадцать один ноль-ноль. Через тридцать минут выступаем...

Прислушался к размеренному шуму моря, к людскому топоту на причалах, поежился от свежего ветра, бросил взгляд вокруг. Над Геленджикской бухтой сложился неровный, тучами пришторенный звездный свет. И ни огонька вокруг. Лишь изредка взлетали в небо ракеты. Описывая дугу, гасли, не вызывая тревоги у противника. Во всяком случае, артиллерия его молчала.

На рукавах десантников белели повязки — отличительные знаки, чтоб легче в темноте опознавать своих. Бегельды Бетиев после митинга, состоявшегося часа два назад, вывел на своей повязке фиолетовым карандашом: «Победа!» Как пароль звучало это слово весь вечер и на митинге, и после него. Освободить Новороссийск, воссоединить с Большой землей Малую землю, над которой вот уже почти 220 суток бушевал огненный смерч, можно сказать, стало целью существования тысяч людей.

— Повторяю, — продолжал майор М. Михайлов, — наша Краснознаменная бригада — это морской десант номер один. Высаживаемся на юго-западном берегу Цемесской бухты. Овладаем участком от Холодильника до мыса Любви. Во взаимодействии с моряками 83-й Краснознаменной бригады наступаем через центр города, захватываем высоту... Задача нашего батальона...

Суворовское требование: каждый солдат — знай свой маневр — выполнялось на фронте неукоснительно. Поэтому командиры всех степеней довели до бойцов любую задачу. В данном же случае предстояло действовать крупными силами на довольно широком фронте — от мыса Любви до Электростанции.

Десант должен был высаживаться двумя эшелонами: первый — до рассвета, второй — на рассвете 10 сен-

тября 1943 г. Морской десант делился на три самостоятельных отряда. 255-я бригада морской пехоты должна была высаживаться с кораблей десантного отряда, которым командовал капитан-лейтенант П. И. Державин. Второму отряду под командованием капитан-лейтенанта В. А. Ботылева предстояло овладеть северным берегом от пристани Старо-Пассажирская до Лесной. Третий отряд под командованием подполковника С. Н. Каданчика получил задачу захватить плацдарм на восточном берегу порта от Восточного мола до пристани Старо-пассажирская.

Высадку личного состава осуществляли около 150 боевых кораблей и различных десантных судов, сведенных в три отряда. Кроме того, был сформирован отряд обеспечения высадки десанта. В него вошли 32 торпедных катера и несколько малых рейдовых катеров, разделенных на четыре группы — группу прорыва, группу атаки берега, группу атаки порта и группу прикрытия операции с моря¹...

В этом громадном сложном боевом организме каждый матрос призван был осознать свое место, свою роль в достижении успеха, проникнуться чувством высочайшей ответственности за исход боевой операции. А она, судя по всему, началась.

Буквально за день до описываемых событий нам сообщили о подвиге авиаторов и десантников. Разведка установила местонахождение вражеского аэродрома севернее Новороссийска. Наши летчики разбомбили его. В район аэродрома была выброшена небольшая группа моряков во главе с мичманом Соловьевым. Краснофлотцы Нащокин, Терещук, сержанты Чмыга и Фрумин двое суток наблюдали за тем, как гитлеровцы, ликвидировав последствия воздушного налета, решили, что опасность миновала. Едва на аэродроме появились новые самолеты, моряки предприняли атаку. Перебили охрану, тринадцать самолетов сожгли, многие вывели из строя. Несколько дней спустя группа благополучно возвратилась к своим.

Мысленно сопоставив такие эпизоды, можно было сделать вывод: предпринимаются энергичные меры по расшатыванию обороны противника, деморализации его

войск. Назрела необходимость решающего удара. И он состоится. Вон какой кулак занесен над врагом! В темноте угадывались десятки катеров, мотоботов, баркасов. А Цемесская бухта по-прежнему настороженно молчала. Значит, не разгадал противник замысла советского командования предпринять крупную боевую операцию. Иначе подверг бы бомбовым ударам скопление войск.

Накануне операции в подразделениях побывали политработники, провели беседы агитаторы. Мы знали: бои предстояли тяжелые. Враг сосредоточил в районе Новороссийска 73-ю пехотную, 4-ю горнострелковую, 101-ю легкопехотную дивизии и 1-ю горнострелковую румынскую дивизию. В резерве находилась 125-я немецкая пехотная дивизия. Подступы к городу и сам он в районе Мысхако были сильно укреплены. В порту и на склонах гор противник построил более 500 оборонительных сооружений, создал мощную систему артиллерийского, минометного и пулеметного огня, выставил более 30 тысяч мин и фугасов. Дома и целые кварталы гитлеровцы превратили в опорные пункты. Вход в бухту был закрыт боно-сетевым заграждением.¹

Мощный шквал огня восьмисот орудий с Большой и Малой земли, 227 «катюш»², внезапный бомбовый удар авиации оборвали тишину, рассеяли мрак южной ночи. Гигантские сполохи озарили город. Кажется, морякам самое время атаковать обороняющихся. Но до берега еще далеко. И отряд обеспечения высадки десанта, которым командует капитан 2 ранга В. Т. Проценко, не завершил своего дела, не уничтожил боно-сетевые заграждения, установленные противником.

Но вот мимо наших баркасов стремительно пронеслись торпедные катера. Они искусно развернулись, торпедировали невидимые издалека укрепления, дзоты, молы. Близ мыса Любви, казалось, и небо рухнуло на землю — столь мощными были взрывы.

Все пылало — дома, набережная, пристани. Однако берег продолжал отстреливаться. Десантные суда не могли приблизиться к нему из-за мощного многослойного огня артиллерии и минометов. Они стали маневрировать, выбирать уголок побезопаснее и не находили его. Вместо организованного десантирования у Холодильника 14-й батальон наконец высадился у Элеватора. Да и то не

¹ Краснознаменный Черноморский флот, М., Воениздат, 1979, с. 220.

¹ Краснознаменный Черноморский флот, М., Воениздат, с. 221.

² Л. И. Брежнев. Малая земля, М., Политиздат, 1979, с. 33.

все роты одновременно смогли выбраться на берег, захватить плацдарм. Наша рота оказалась расчлененной. Собрать ее в кулак в тех условиях было невозможно. Моряки вели бои разрозненными группами, порой не имея связи между собой. Враг бросал против таких групп пехоту и танки. Десантники решительно отбивали атаки.

И все-таки натиск морских пехотинцев нарастал. При свете ракет, в сполохах взрывов было видно, как в бухту входили суда. С них, словно могучие волны, обрушивались на врага бойцы, неукротимой лавиной растекались по берегу, очищали от солдат противника разрушенные доты, постройки пристани Каботажной, мыса Любви, устремлялись к городским кварталам.

До десантирования на мотобаркасе находились два пулеметных отделения: мое и сержанта Савина. Мы должны были поддерживать моряков огнем. Но прыгнули с борта в воду — пришлось плыть, место глубокое. Потеряли друг друга из виду. В таком случае воюй и за себя, и за товарища.

Выскочили мы с Бетиевым на берег, залегли в хаотическом нагромождении бетона, открыли стрельбу. То справа, то слева слышались недружные возгласы «Ура» и тотчас угасали.

Гитлеровцы вели огонь плотный, заставляя морских пехотинцев прижиматься к земле.

Ни команд, ни сигналов. Как действовать, что принимать? Всплыли в памяти простые и конкретные требования из памятки десантнику, подготовленной политуправлением Черноморского флота и полиотдела 18-й армии:

«На берегу двигаться только вперед!»

Как бы враг ни оборонялся, он должен быть уничтожен.

Помни — враг не выдерживает дружного и смелого удара. От такого удара враг, будучи ошеломленным, бежит...

Помогай товарищу! Лучшая помощь товарищу — это стремительный натиск на врага».

Мы с Бетиевым часто меняли позицию. Очереди «максима» гасили злые язычки пламени фашистских пулеметов, хлестали по черным проемам домов, по окнам, из которых враг мог вести огонь.

Вдруг Бетиев обернулся, закричал кому-то:

— Куда стреляете? Там немцы!

Он показал рукой в противоположную сторону.

Несколько матросов из молодого пополнения проворно шмыгнули в наш разрушенный дот. Один из них дал очередь назад.

Бетиев прикрикнул на него:

— Говорю тебе: там немцы, впереди.

— Сзади же бьет!

— Разрывные пули это. Ясно?

Впечатление было действительно такое, что противник прорвался с тыла и открыл огонь. На самом же деле он использовал много патронов с разрывными пулями.

Я успел дать несколько длинных очередей, но наш пулемет был уничтожен взрывом снаряда. Грохот, тяжелый удар, боль во всем теле... Преодолевая навалившуюся вдруг усталость, переворачиваюсь на бок и в сумеречном дымном тумане вижу неподвижное тело Бетиева.

— Бегельды... Бегельды!

Боец был мертв. «Эх, друг, земляк! Ты так мечтал увидеть родной край...»

Схватив автомат, я побежал к проему в стене, из которого строчил чей-то «максим».

— Савин...

Ком в горле помешал поделиться с товарищем горем. Савин на секунду оторвался от пулемета, выкрикнул с болью;

— Михайлова убило, как высаживались...

Весть — печальнее не придумать.

— Кто батальоном командует?

— Замполит, майор Ромашков... Ты беги к Пашутину. Он справа от нас. Кучу щебня видишь? Там...

— А что Пашутин?

— Второй номер у него погиб.

Матрос Сергеев погиб... Сергеева я знал с прошлого десанта. На Малой земле воевали вместе. Парень был отчаянный, отменно владел оружием и стрелковым, и холодным. И вот его не стало. Не хотелось верить в это. Подполз к Пашутину, стал помогать ему.

Гитлеровцы усилили огонь — головы не поднять. С нашей стороны тоже — свинцовый рой. Артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника. Несколько минут были просто критические, хоть отступай. Потом что-то произошло. Краснофлотцы стремительно преодолели участок открытой местности, оказались на широкой улице, точнее, среди груд развалин.

— Вперед! — подал команду сержант Пашутин.

Пробежали несколько десятков метров и мы. Пашутин дал очередь вдоль улицы. Приказал мне:

— Посмотри, за углом не засели фрицы?

Только шагнул я за дом — за спиной взрыв. Опять мина. Пашутин убит. Оставшись у пулемета один, я сменил позицию и окликнул пробежавшего мимо матроса:

— Будешь у меня вторым номером.

Глядь, моряк знакомый. Встречал его во взводе своего земляка младшего лейтенанта Нуртали Карджаулова.

— Ранило командира, — сообщил боец. — Только что я его оставил в укрытии.

— Карджаулов ранен? Тяжело?

— Пока без сознания.

Накануне операции мы встречались с Нуртали. Он мечтал:

— После войны агрономом стану. Сад в колхозе разведу, хлопок буду выращивать, хлеб. Соскучился я по земле...

И вот мой друг ранен.

Сколько же утрат?! Вдали промелькнула группа вражеских солдат. Послал я туда очередь. И вскрикнул вдруг непроизвольно, когда град осколков впился в голову, руку, плечо.

— Иди в тыл, — настаивал матрос, перевязывая раны.

— Еще повоюю, — возразил я. — Вперед!

Фигуры бойцов уже виднелись далеко от нас. Разрозненные после десантирования группы моряков теперь собралась чья-то воля в подразделение, которое успешно решало поставленную задачу.

Рота с боями пробилась на улицу Советов. Тут — новая контратака. Гитлеровцы бросили против десантников танки, пехоту. Спасибо бронбойщикам младшего лейтенанта М. Козуба. Подбили из ПТР два танка и бронетранспортер. Всего же за время штурма Новороссийска М. Козуб и его подчиненные уничтожили пять танков. К сожалению, не все герои-бронбойщики остались живы. Погибли краснофлотцы Глушков, Ненахов, еще несколько бойцов. Погибли, глубоко веря в успех операции, до конца выполнив свой долг.

Да, мы несли потери. Однако сомневающихся в успехе операции не было. Уверенность в победе люди доказывали конкретными делами. Подчиненные капитан-лейтенанта А. Райкунова — всего шестьдесят пять че-

ловек — штурмовали железнодорожный вокзал и заняли его. Тринадцать атак отбили моряки. А затем в течение пяти суток сражались в окружении. Выстояли, с честью перенесли все тяготы.

Матрос Иван Прохоров ценой своей жизни обеспечил продвижение вперед, через минное поле, группы моряков. Знал патриот: участок местности, который надлежало преодолеть, заминирован. И решительно шагнул навстречу смерти. Раздался взрыв. Герой-моряк погиб. Но друзья прошли по его следу, по тропе бессмертия, которую он проложил.

Их оказалось много, тропинок бессмертия, которых никакая сила не сотрет с лица земли. Останется навечно и та, проложенная парторгом роты С. Валиулиным. В бою за элеватор он, уже истекающий кровью, бросился на вражеский пулемет. И того мгновения, которое гитлеровцы потратили, чтобы убить героя, оказалось достаточно: моряки сумели проскочить опасный участок местности, отбросить противника.

Трудно, чрезвычайно трудно было взломать, разрушить, пробить брешь в обороне врага. И тем не менее мы продвигались вперед, к центру города. Но вдруг это тяжкое продвижение застопорилось. Почти полдня мы не могли сломить сопротивление гитлеровцев, засевших в двухэтажном доме. Прочные каменные стены надежно оберегали гитлеровцев от пуль и даже снарядов. Только ночью несколько смельчаков скрытно подобралось к зданию, забросали его гранатами.

С фланга роту поддержали моряки батальона майора С. Григорьева. И опять наступление было непродолжительным. Метров четыреста отвоевали у врага и вынужденно перешли к обороне.

В тот момент и проползло по рядам моряков предательское слово «окружение». Откуда-то стало известно, что командир бригады полковник А. С. Потапов с группой офицеров оказался отрезанным от основных сил. Группа оказалась в таком тяжелом положении, что А. С. Потапов даже вызвал огонь нашей артиллерии на себя. Вражеские цели удалось рассеять, обратить в бегство. Командир бригады собрал разрозненные группы бойцов, и этот отряд численностью около трехсот человек сумел пробиться на Малую землю в район боевых действий 83-й Краснознаменной бригады морской пехоты.

Только начиная с тринадцатого сентября, на четвертые сутки боев, сопротивление противника стало менее

упорным и организованным. Он не в силах был сдерживать нарастающие удары с разных направлений, в том числе с Малой земли. Как нам, участникам штурма, стало позже известно, оттуда, с героического плацдарма 83-й Краснознаменной бригады морской пехоты, наступали 8-я гвардейская стрелковая бригада, два полка 176-й Краснознаменной стрелковой дивизии, 132-го Отдельного танкового батальона. Они прорвали прочную оборону противника на участке Станичка — кладбище и соединились с подразделениями нашей бригады, с другими частями, входившими в десантный отряд № 1.

Прорыв вражеской обороны был трудный, но стремительный. Бойцы сражались самоотверженно. Морские пехотинцы во главе со старшим лейтенантом А. П. Лысенко пробились первыми к зданию горсовета и водрузили над ним красный флаг. Это был волнующий, радостный момент освобождения Новороссийска от оккупантов, воссоединения Большой земли и Малой.

Вместе с другими малоземельцами в числе первых ворвался в центр города и ташкентец, в ту пору старший лейтенант Б. Зайцев. Уроженец Новороссийска, он побывал в родном доме, разрушенном, разграбленном фашистами. Нацарапал на уцелевшей стене: «Был дома. Вас не нашел. Пошел искать дальше. Борис».

И ушел по дорогам войны...

К десяти часам утра 16 сентября Новороссийск был полностью очищен от врага. Я досадовал, что этот радостный миг вынужден был встретить в санчасти. Раны мои воспалились, требовали лечения. Нарушив запрет медиков, я вышел на улицу. Город дымился, утопал в цементной пыли. Весь израненный, полуразрушенный — сплошное пепелище — он как бы взывал к отмщению, требовал скорейшего восстановления.

В тот вечер, 16 сентября 1943-го, столица нашей Родины салютовала войскам Северо-Кавказского фронта и морякам Черноморского флота, освободившим Новороссийск. Двадцать залпов из ста двадцати орудий прозвучали в честь героев.

А борьба за город еще продолжалась. На улицах и в домах работали саперы. Отыскивали мины, снаряды, бомбы, вывозили их подальше, взрывали, чтоб не сеяли они смерть. Группы бойцов разбирали завалы...

Врачи «заштопывали» мои раны. Уверяли: «Еще повоюешь. До Берлина дойдешь». Я готов был шагать,

куда угодно, — только с родной частью. Но фронтовая судьба распорядилась по-своему: пока находился на лечении, 255-я Краснознаменная бригада морской пехоты уже штурмовала Тамань, освобождала Крымскую землю. Меня же направили в 31-ю стрелковую дивизию 18-й армии, а затем — на курсы младшего офицерского состава. Через три месяца я, младший лейтенант, девятнадцатилетний юноша, принял под свое командование пулеметный взвод.

— Не горюй, — иронизировали товарищи. — До конца войны еще и усы отрастить успеешь, и не одну пару сапог истопчешь.

Дороги войны, действительно, оказались бесконечно долгими, трудными. В рядах 93-й стрелковой дивизии 57-й армии мне довелось прошагать Украину и Молдавию, сражаться за свободу и независимость народов Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии. Весть о Победе наш полк встретил в живописном австрийском городке Мариацель... Нежились под солнцем белоснежные шапки альпийских гор. Буйная зелень лесов ласкала взор. Благоухала сирень во дворах и на улицах. Жители городка приветствовали советских воинов, рукоплескали им, их подвигу, равному которому не знало человечество.

...Вот и подошел к концу наш рассказ о легендарной 225-суточной малоземельской эпопее, вобравшей в себя столько подвигов и героических людских судеб, что воссоздать все их невозможно. На Малой земле звучала разноязыкая речь: посланцы всех народов Страны Советов сражались здесь. И на каждого из них одинаковую меру зла отпустил враг, равную норму смертоносного груза обрушил — 1250 килограммов металла! Но крепче свинца и стали оказались герои. Их имена остались в благодарной памяти поколений. Они живут в названиях улиц, кораблей, пионерских дружин и отрядов. О них собирают материалы красные следопыты. А мы, все те участники десанта на Мысхако, которым посчастливилось встретить светлый час Победы, работать, растить детей, помним боевых побратимов, как клятву повтораем проникновенные строки армейского поэта:

Чтоб ты рядом в строю
Находился с живыми,
Ненавидя врагов
И Отчизну любя,
Я по праву беру

Твое светлое имя —
Буду жить: как солдат,
За тебя,
За тебя.

Нас называют вдохновенно выразительным словом «малоземелец». В большом ходу оно и в Узбекистане. Потому что многие посланцы солнечного края сражались на легендарном плацдарме и путь их отмечен высокими наградами Родины. С некоторыми из них мы подружились там, на огненном пятачке, с другими — в послевоенные годы.

Считаю своим долгом рассказать о них подробнее посвятив каждому отдельный очерк. Пусть это будет и скромная попытка через судьбы людей, через призму их воспоминаний обогатить малоземельскую эпопею новыми героическими эпизодами, именами патриотов. А названием и эпиграфом этого раздела книги могли бы стать слова из стихотворения поэта-малоземельца Станислава Штрауса-Федорова «Трижды коммунисты».

Им не надо говорить о славе.
Их войной никак не удивишь.
Им бы стелу каждому поставить,
Начертав одно лишь слово: «Жизнь».

...ИМ БЫ СТЕЛУ
КАЖДОМУ
ПОСТАВИТЬ

ВРЕМЕНИ НЕПОДВЛАСТНО

Армейские привычки устойчивы. Полковник в отставке Сыроч Насруллаев не отступает от них. Любит конкретность, ясность, точность. Рассказывая на одной из встреч с молодежью о героической малоземельской эпопее, подошел к карте:

— Вот Новороссийск. Здесь полуостров Мысхако. Сюда, на огненный плацдарм, в феврале 1943-го и прибыла наша 176-я Краснознаменная стрелковая дивизия. В марте ей передала свой участок обороны 83-я Краснознаменная бригада морской пехоты, а затем и 165-я стрелковая бригада. Нашим соседом справа была 255-я Краснознаменная бригада морской пехоты. Левее действовали 8-я гвардейская и 51-я бригады. На самом левом фланге находилась 107-я Краснознаменная бригада... В составе 176-й Краснознаменной стрелковой дивизии был 591-й стрелковый полк...

Последовала пауза. Несколько затянулась она, секунд на двадцать. И все-таки насторожила слушателей: не забыл ли чего фронтовик, не выветрило ли время подробностей из памяти, ведь события-то когда происходили?! Откуда знать им, совсем юным, жаждущим сердцем прикоснуться к подвигам отцов и дедов, что пережитое в войну неподвластно забвению, времени.

Дрогнул слегка голос ветерана, когда назвал он 591-й стрелковый полк. А была у офицера в отставке причина для волнения. Командовал-то этим полком он сам, Сыроч Насруллаев, питомец Ташкентского пехотного училища имени В. И. Ленина, участник войны с первого дня. Однако вступил в нее туркестанец, уже имея за плечами боевой опыт. В 1938 году довелось ему воевать против японских самураев у высоты Заозерной. Там и ранен был молодой командир стрелковой роты. Оттуда после излечения в госпитале поехал служить к западной границе Родины, под Раву-Русскую, где и застал его трагический рассвет. Командир передового

отряда 102-го стрелкового полка, выполняя приказ командования, он выдвинул своих бойцов к самой границе. Смелой контратакой его отряд, придя на выручку пограничникам, вынудил фашистов отступить. Были захвачены трое пленных. Вполне возможно, что пленные эти — первые в начавшейся войне.

Маленький успех в огромной схватке с нашествием? Пожалуй. Но им тогда воспользовался полк, закрепившись на рубеже недостроенных дотов. Растерянность врага использовали соседние части дивизии. И пятеро суток сражались наши войска, ни на шаг не отступив от государственной границы.

Позже, находясь на излечении в госпитале, С. Насруллаев (25 июня он был ранен) прочитал в сводке от Советского Информбюро строки, от которых стало легко и радостно: «На шяуляйском и рава-русском направлениях противник, вклинившийся с утра в нашу территорию, во второй половине дня контратаками наших войск был разбит и отброшен за госграницу».¹

Насруллаев словно назад оглянулся и увидел в огне и дыму командира полка подполковника Г. Чумарина, батальонного комиссара В. Кацаева, командира пулеметной роты лейтенанта Г. Папа, командира взвода лейтенанта М. Таласова, сержанта И. Берикова, красноармейца Курвинидзе, многих других. Отважно сражались, неописуемо храбро.

После госпиталя — снова фронт. Командир батальона С. Насруллаев блестяще выполнил поставленную задачу. Ордена Красного Знамени удостоен был за освобождение от врага населенных пунктов Дубровка и Морозовка. Поселки небольшие. Но через них удалось ввести в прорыв кавалерийский корпус, доставивший противнику немало хлопот.

Это лишь часть фронтовой биографии воина из Ташкента. Самая малость пройденного им пути. Но не о ней были думы полковника, когда умолк он, вдруг прервав свой рассказ. Другая страница войны открылась взору его.

...Февральская ночь. Быстроходный тральщик «Груз», с трудом прорвавшийся в Цемесскую бухту сквозь огненный вал, создавший вражеской артиллерией. На судне — пополнение. Большинство — необстрелянные бойцы. Среди немногих, кто успел повоевать, он, Сыроч Нас-

¹ А. Гречко. Годы войны, М., Воениздат, 1974, с. 97.

руллаев, заместитель командира 591-го стрелкового полка 176-й стрелковой дивизии. Изуродованная взрывами ночь, море, исполосованное трассерами снарядов, залитое ярким светом ракет, вдруг озарилось ослепительной вспышкой. Страшной силы взрыв швырнул на мель следовавшую впереди канонерскую лодку «Красная Грузия». И еще волны не схлынули с берега от этого торпедного удара, как чудовищная сила приподняла тральщик «Груз», и, потеряв управление, он лег на правый борт. Взрывной волной Насруллаева сбросило в воду. Придя в себя, он поплыл было к берегу. Но тут же увидел: метров семьсот, а то и больше до земли, не хватит сил добраться. Вцепился рукой в борт торпедированного тральщика. Вторая рука висела плетью.

Подошли спасательные катера. Собрали десантников. Здоровых на плацдарм доставили. Раненых — на Большую землю. В госпиталь попал и Насруллаев.

Вернулся Сыроч в строй в начале марта и, тяжело переживая гибель командира, принял полк, находившийся на плацдарме, где все тонуло в грохоте разрывов, дыму, копоти, боли человеческой.

«Вот так второй эшелон! — горестно подумал тогда Насруллаев. — В иных местах и на передовой спокойнее».

Спасение для людей было лишь в том, чтобы умнее использовать складки местности, получше оборудовать позиции в инженерном отношении. Траншеи красноармейцы рыли полного профиля, чтоб в рост в них можно было ходить, не опасаясь снайперской пули. Командир полка сам осматривал многие блиндажи, землянки. Требовал, чтобы они были как следует замаскированы и надежно защищали от артиллерийско-минометного огня. Фантазии у саперов хватало. По их «проектам» бойцы пробивали штольни в скальном грунте, оборудовали в них склады. Здесь и медики развернули свое хозяйство. Штаб располагался в подвалах двухэтажного здания, полуразрушенного, обгоревшего. По всей вероятности, противник не предполагал даже, что здесь, под грудами щебня, била ключом жизнь. Начальник штаба майор В. Уланов, отважный солдат, отличался педантичной исполнительностью, умением предвидеть развитие событий и с учетом этого обеспечить действия полка.

Только раз, помнится, был он удручен. Требовалось добыть «языка». В ночь на 17 апреля ушли разведчики в

расположение противника. Несколько часов спустя возвратились. Трое из них были ранены, в том числе командир группы лейтенант Кравцов.

— В первой траншее полно гитлеровцев, — доложил он.

Досада на то, что не удалось захватить пленного, сразу отступила. «Не готовит ли противник атаку?» — мелькнула мысль. Доложил подполковник Насруллаев о своих подозрениях в штаб дивизии. Оттуда приказ: усилить наблюдение, быть в готовности к бою.

А утром 17 апреля мощный огонь вражеской артиллерии, авиационные бомбежки «подтвердили» данные разведки. 591-му стрелковому полку было приказано нанести удар по левому флангу противника, вклинившегося на стыке 8-й гвардейской и 51-й стрелковой бригад. Согласно боевому приказу, отданному подполковником С. Насруллаевым, на правом фланге действовал батальон майора П. Бганка, рядом с ним — батальон майора В. Жуйко. Приняв на себя основную силу ударов, они дали возможность командиру полка маневрировать подразделениями, огнем артиллерии, и это обеспечило успех в разгроме врага.

Было жарко. До рукопашных доходило. Сыроч Насруллаев, как мог, «делил» свой резерв — стрелковую роту: командиры батальонов требовали помощи. Выручали артиллеристы подполковника Н. К. Остапенко. Сколько атак сорвали они, накрывая меткими залпами сосредоточившиеся группы противника! Но и сами бойцы сражались на славу.

Подполковнику Насруллаеву доложили еще днем о подвиге пулеметного расчета, которым командовал старший сержант А. Шихорев. Шесть атак отбили комсомольцы.

— Представить к наградам! — распорядился командир полка.

Потом, в критический момент боя, ему самому довелось увидеть героев. Старший сержант Шихорев неутомимо строчил из пулемета по цепи вражеской пехоты. А гитлеровцы все шли в полный рост, переступали через трупы...

Обычная психическая атака. Зрелище не для слабонервных. Пулеметчики, казалось, не испытывали ни страха, ни сомнения в своей победе. Шихорев поторавливал товарищей:

— Ленту! Быстрее, ребятки!

По прокопченным лицам «ребятки» струился пот. Они торопливо набивали ленты патронами, по очереди брались за автоматы...

«Трое неразлучных друзей»,— вспомнил их Насруллаев. Еще до высадки десанта на Малую землю он обратил на них внимание. Хорошо действовали комсомольцы на занятии. Сегодня же пришлось поволноваться за них: гитлеровцам удалось отсечь группу наших бойцов. Шесть часов действовал расчет в окружении. Только ночью пробились пулеметчики к своим. Когда Шихорев докладывал, с темного рукава его капало.

— Ранен?— спросил подполковник.

— Задело,— ответил старший сержант.

Отважному командиру расчета был вручен орден Красного Знамени, его друзьям — медали «За отвагу».

Много неприятностей десантникам доставляла вражеская артиллерия, позиции которой находились на безымянной высоте возле кладбища. Предпринимались меры к тому, чтобы подавить эти батареи. Их бомбила с воздуха наша авиация. Но лишь на короткое время прекращал враг огонь. Потом вновь обрушивал его на защитников плацдарма.

Командование 18-й армии поставило задачу овладеть высотой. На штурм ее был брошен 591-й стрелковый полк. Действия пехотинцев поддерживали авиаторы и артиллеристы. После шестичасового боя высота была взята. Враг пытался вернуть ее, но так и не смог. До конца малоземельской эпопеи Безымянная оставалась нашей.

591-й стрелковый полк сражался бок о бок с 8-й гвардейской стрелковой бригадой и 83-й Краснознаменной бригадой морской пехоты восточнее поселка Федоровка. Моряки и красноармейцы уничтожили три танка, много огневых точек врага. Но дорогой ценой приходилось платить за успехи. С какой болью воспринимал Насруллаев весть о гибели подчиненных. Выбыли командир батальона Николайчук, ротные Проворов, Зайцев... Позже доведется Сырочу прочитать проникновенные строки, и он запомнит их, в душе благодаря поэту Михаила Давиташвили за искренность, доброту и чистоту человеческих отношений:

Неправда, друг не умирает.
Лишь рядом быть перестает.
Он кров с тобой не разделяет,
Из фляги из твоей не пьет...

Напряжение боев не спадало. Наоборот, к 20 апреля, когда гитлеровцы решили предпринять наступление, оно как бы достигло апогея. Не было конца артиллерийско-минометным огневым налетам, авиационным бомбежкам, атакам.

«Выстоять!»— призывало сердце. «Стоять на смерть!»— требовал от подчиненных Насруллаев.

И выстояли бойцы... Сыроч Насруллаев по-солдатски просто и скромно восхищается силой духа красноармейцев, командиров. Годы не выветрились из памяти тот момент, когда батальонный комиссар П. А. Сахно, заменив погибшего командира, повел батальон в контратаку, и враг отступил.

В те дни раненные отказывались покинуть передовую. Командир роты старший лейтенант Андрей Вдовин был одним из таких «нарушителей дисциплины». 20 апреля был ранен первый раз, но продолжал воевать. Через сутки — еще одно ранение, тяжелое...

На Малой земле стал комсомольцем совсем юный командир роты лейтенант Л. Сергеенко. Сражался отважно. Раны залечивал лишь между боями.

Забвенно неподвластны подвиги патриотов. Рассказывая о них молодежи, Сыроч Насруллаев по привычке не называет себя, оставляет в тени все, что связано с его именем. Но разве, повествуя о людях полка, обойдешь молчанием его командира, малоземельца, участника героического штурма Новороссийска! Через все испытания прошел туркестанец, кавалер многих орденов и медалей.

— А вы знаете,— говорит полковник в отставке юным своим слушателям,— в вашем возрасте я беспризорничал... Да, да. Родителей своих не помню, потерял их рано... Если стал полезным для Родины человеком, то благодаря Советской власти. Устроили меня в Ташкенте в приют. После — работал, в тридцать четвертом году, двадцатидвухлетнего, призвали в армию, по моей просьбе, направили в Ташкентское военное училище.

Умолк ветеран. Задумался, с любовью поглядывая на молодежь. Юноши и девушки благодарили его за беседу. Но были эти слова благодарности за все. За подвиги, проявленные при защите Родины, за беспредельную верность воинскому долгу.

Сыроч Насруллаев хотел уже сказать ребятам «До свидания», поднялся, чтоб уйти, как замаячила над головами чья-то упрямая рука:

— Скажите, пожалуйста: есть ли у вас ученики? Ну те, которыми... вы командовали?

Кого не заставит смутиться подобный вопрос? Смутился и С. Насруллаев.

— Думаю, что есть,— после некоторого колебания ответил он.

Поскромничал старый командир полка, не стал говорить, что лишь на днях получил теплое письмо от генерал-полковника М. И. Сорокина и портрет с надписью: «Сырочу Насруллаеву — моему учителю в период Великой Отечественной войны. С глубокой благодарностью. Генерал Сорокин».

Михаил Иванович Сорокин на Малой земле командовал батальоном в 591-м полку. Теперь он — командующий войсками ордена Ленина Ленинградского военного округа... Да, многие бывшие подчиненные Насруллаева выросли в званиях, занимают ответственные должности.

Но по-прежнему с почтением относятся к своему командиру, под началом которого прошли огненными дорогами войны.

ПОЛКОВНИК ИЗ ... 10-го «А»

С Борисом Прокофьевичем Зайцевым мы земляки, в одном городе живем. Встречаемся часто, еще чаще разговариваем по телефону. Так что о предстоящей поездке в Новороссийск он сообщил мне заблаговременно.

— Побываю на встрече,— торжественно произнес бывший минометчик.

— С однополчанами?

— С одноклассниками,— уточнил он.— Я ведь окончил новороссийскую среднюю школу № 21, что рядом с Азовской, в Станичке. Помнишь?

Еще бы не помнить четырехэтажное здание, которое наш батальон штурмовал, обстреливал и долго не мог сломить сопротивления гитлеровцев. Минометный взвод Зайцева тоже не раз вступал в огневые схватки с фашистами, засевшими в здании. Каждый залп болью отзывался в сердце младшего лейтенанта: считай, по родному дому бить приходилось, по дому, который питал знаниями, сеял доброе, мудрое, растил строителей социалистического общества. Теперь в здании находился враг. В том самом, где ученик 10 «А» класса Борис Зайцев слушал объяснение педагогов, дружил с ребятами, был секретарем комитета комсомола.

Война обошлась жестоко. В одночасье разбросало ребят и девчонок 10-го «А» класса. Собрать же их оказалось делом нелегким. Целых два года потратил Борис Прокофьевич на розыски товарищей. Пятнадцать человек нашел, менее половины класса. Об остальных узнать пока не удалось ничего.

Пятнадцать одноклассников и одноклассниц договорились о встрече. Назначили дату, памятную, юбилейную: 21 июня 1941 года получили свидетельства об окончании десятилетки, 21 июня 1981 года решили собраться в родной школе.

— Сорок лет минуло... И не узнаем друг друга.

Мне понятна счастливая грусть ветерана. Он так восторженно описывал друзей детства, что я зримо представлял их всех... Подполковника Бориса Петровича Качалина, который почти всю войну сражался на Ленинградском фронте и остался жить в городе на Неве... Лейтенанта в отставке Игоря Васильевича Бойко — под Керчью принял свой последний бой бывший ученик 10-го «А». Обе ступни оторвало юному лейтенанту. Но достало ему воли, силы духа, упорства. Окончил Игорь институт, трудится в одном из главков Москвы... Капитана медицинской службы в отставке Раису Валериановну Бочко. Тогда, в июне сорок первого, поступила Рая на курсы медсестер, все четыре года пробыла на фронте. Уже в мирное время окончила Краснодарский медицинский институт. И поныне работает врачом.

Слушая Бориса Прокофьевича, испытываешь чувство гордости. Подумать только: один класс обычной советской школы, а сколько патриотических дел. Что ни судьба, то поэма о прекрасном, о верности гражданскому долгу, об отваге. Биография самого Б. П. Зайцева — частица этой поэмы, долька общей судьбы поколения советских людей 20-х годов.

Вскоре после войны Бориса направили на краткосрочные курсы при артиллерийском училище. Окончив их, младший лейтенант прошагал по суровым меридианам войны. Западный фронт. Калининский. Северо-Западный. Малая земля...

Места на плацдарме знакомые. В детстве исхоженные. Огневые позиции дивизиона — между Азовской и кладбищем. Оборудовали их по ночам. Так прошел май: днем бои, ночью — за лом, кирку брались, чтоб поглубже «врасти в землю», понадежнее укрыть 120-миллиметровые минометы.

Гитлеровская авиация бомб не жалела. Плацдарм горел, дымился. Но «предпочтение» враг отдавал все-таки артиллеристам, минометчикам. На позиции дивизиона были сброшены многие тонны смертоносного груза. Командир батареи старший лейтенант Грицько горько шутил:

— Израсходует фашист боеприпасы здесь — нечем будет воевать на втором фронте.

Союзники с открытием второго фронта не спешили. Этим здорово помогали гитлеровцам. Мощь их ударов с воздуха и суши оставалась высокой. В иные дни группы по сотне и более самолетов заходили на плацдарм.

В таком аду и погиб заряжающий Пименов. Связь с командиром дивизии их батареи оборвалась. Младший лейтенант командовал взводом так, как считал целесообразным в той обстановке. Поддерживал огнем десантников 8-й стрелковой бригады, уничтожал огневые точки противника. Ордена Красной Звезды был удостоен Борис Прокофьевич за тот многочасовой бой.

Признаться, ему, Борису Зайцеву, было труднее, чем многим из его товарищей. Обстреливать город своего детства, томиться неизвестностью (успели эвакуироваться родные или нет) — тяжкая участь. По ночам он вглядывался в очертания Новороссийска. Мысленно проходил по его улицам. «Видел» домик свой, затерявшийся среди других, таких же, в гуще яблоневых и вишневых садов. Ждал с нетерпением наступления. Завидовал пехотинцам. Те ворвутся в город первыми.

Наконец начался легендарный штурм Новороссийска. Минометчики вели интенсивный огонь по обороне врага. Но команды «Вперед!» все не было. С высот, с огневых позиций Зайцев наблюдал за высадкой десанта со стороны Цемесской бухты, потом — за боем. А малоземельцы томилась в ожидании приказа. Понимали: план командования предусматривал эту задержку.

Поступило долгожданное: «Вперед». Взвод лейтенанта Зайцева поддерживал наступавшую пехоту. Бой шел за каждый квартал, а то и дом. Наконец вот оно, здание горсовета. На нем уже развевался красный флаг. Забежал Борис Прокофьевич в отчий дом и остановился пораженный: истерзанный, родной очаг словно молил, требовал отомстить врагу. От сада — одни пеньки. На дрова пошли яблони и вишни. С тяжелым чувством нацарапал лейтенант на уцелевшей стене несколько слов. О том, что был дома, номер полевой почты.

Он пошагал дальше, на запад. Участвовал в боях за Керчь и Севастополь. Штурмовал Берлин. Освобождал Прагу. В дни, когда мир торжествовал Победу, старший лейтенант Б. Зайцев, командуя минометной батареей, вел бой с озверевшими группами фашистов в Альпах. Здесь лишь одиннадцатого мая враг выбросил белые флаги. Да, еще одиннадцатого мая советские воины освобождали народы Европы от фашизма...

Счастье переполняло сердца людей: злейший враг человечества разгромлен, повержен. Как и все, Борис Прокофьевич жил этим чувством. И вдруг новое, неожиданное, радостное — старший лейтенант Б. П. Зайцев зачислен в состав сводного полка 4-го Украинского фронта, для участия в историческом параде Победы.

Усиленная подготовка к параду. И вот — Москва. Красная площадь. Много торжеств и парадов видела она. Но такого еще не было. Сводные полки всех действующих фронтов прошли по ней. В монолитных шеренгах шагали герои, защищавшие Москву, Ленинград, Киев, Одессу, Севастополь, сотни других городов, форсировавшие Дон, Днепр, Днестр, Неман, Вислу... Шагали освободители Бухареста и Варшавы, Белграда и Софии, Будапешта и Праги...

В одной из шеренг маршировал и туркестанец Борис Прокофьевич Зайцев. На груди старшего лейтенанта поблескивали награды Родины: орден Отечественной войны II степени, три ордена Красной Звезды, две медали «За отвагу», «За боевые заслуги»... Молодой офицер чувствовал рядом дыхание боевых друзей — Лунина, Азарова, Грицько, Героя Советского Союза узбекистанца Батыра Бабаева... Одна судьба — великий долг защитника Отчизны сроднил их. И торжественная мелодия сводного тысячечетырехсоттрубного оркестра славилась это многонациональное братство советского народа.

Прошли сводные полки. Смолк оркестр. Восемьдесят барабанов своей гневной дробью известили миру о позоре, которому предается армия врага, осмелившегося напасть на Страну Советов. Бойцы особого батальона бросили у стен Мавзолея многочисленные фашистские штандарты.

Должно быть тогда с особой силой прочувствовал Борис Прокофьевич свою принадлежность к армии-освободительнице, осознал, что место его в ее рядах. Многие годы отдал он службе. Где только не доводилось выполнять свой долг. На Дальнем Востоке, на Украине, в

войсках Краснознаменного Туркестанского военного округа. В последние годы он был начальником военной кафедры Ташкентского политехнического института. Бывший ученик 10-го «А» класса, полковник Советской Армии, он учил студентов самой главной профессии — защищать Родину.

И после увольнения в запас он учит этому молодежь. Активно занимается военно-патриотическим воспитанием школьников, студентов, допризывников. К боевым наградам фронтовика прибавилась еще одна — орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени.

ИХ БЕРЕГЛА ЛЮБОВЬ

Любовь к Родине — огромное светлое чувство. На фронте оно и на подвиг ведет, и от беды бережет. Но если она подкреплена любовью двух сердец, то становится еще сильнее. 225-дневное испытание на Малой земле подтвердило это. В моменты, когда, казалось, само небо обрушивалось на людей, в недели, когда десантники лишь мечтали о куске хлеба, в дни, когда недостижимой была мечта о часе доброго спокойного сна, любовь спасала и от страха, и от голода, и от усталости. На влюбленных десантники поглядывали как на родившихся под счастливой звездой. Приговарили ласково: «Повезло!»

Если подходить с такой меркой, то чете Ивановых повезло вдвойне. Потому что поженились они за девять лет до войны. За это время любовь успела пройти закалку в горниле разных испытаний. Семен Васильевич от красноармейца-связиста вырос до интенданта 3 ранга, начальника арттехснабжения стрелкового полка. Мария Ивановна служила с мужем в разных гарнизонах, делила с ним и радости, и огорчения. Только в сорок первом, так вышло, оказалась она в Краснодаре у престарелой матери. А тут война.

Тревожно забило сердце: «Как он там?» Это о муже. И о себе: «Что же я не у дел в такой час?!»

Пошла в госпиталь. Попросила: «Примите на работу». Отказали. Возмутилась искренне. Как же так, столько лет в военных городках прожить, активисткой женотдела быть, а тут ненужной оказаться! Обратилась Мария Ивановна к военному коменданту. И он, чрезвы-

чайно занятый человек, скорее всего сердцем уловил, почему оскорбил М. И. Иванову равнодушный отказ. После его вмешательства приняли жену командира санитаркой. Условие: «Работай без зарплаты». «Согласна», — ответила она. Трудилась. Мало дня — вечера, даже ночи прихватывала: убиралась в палатках, стирала, за тяжело ранеными ухаживала.

Душой изболелась о Семене Васильевиче: «Где он?» Чувствовала, наверняка сказать могла — воюет ее муж.

Интендант 3 ранга С. В. Иванов действительно воевал. 22-го июня он как раз вез боеприпасы, имущество в район тактических учений. Из окна вагона любовался рассветом на станции Котовск. Потом прибыл эшелон в Бельцы, и оказался Семен Васильевич по делам на станции. Увидел немецкие самолеты и бомбы, сброшенные с них. Они летели на вокзал, на железнодорожные пути.

«Там же мой эшелон!» — спохватился начальник арттехснабжения и — к вагонам со снарядами, патронами, гранатами. Можно подумать, мог он заслонить собой драгоценный груз от разгрома, огня, уничтожения.

К счастью, уцелел эшелон. А боеприпасы, что доставил С. Иванов, не для учебных стрельб понадобились, для настоящих. Возить их на передовую было — сложнее не придумать. Фашистские самолеты охотились не только за машинами, но за каждым человеком. Батальоны красноармейцев, истекая кровью, просили: патронов побольше, гранат...

Однако не всегда удавалось прорваться к передовой. Однажды, попав под обстрел и потеряв бойцов, Иванов сам встал за ездового головной повозки. Размахивая вожжами, гнал лошадей и лишь об одном думал: «Хоть бы не угодила какая мина в повозку со снарядами».

Проскочили опасную, насквозь простреливаемую зону, а тут группа гитлеровцев. Просочилась в тыл к нашим, оборонявшимся на выгодном рубеже. Бойцы открыли огонь по врагам. Разгромили их, захватили нескольких пленных. Но главное — подразделения получили боеприпасы.

Медали «За отвагу» был удостоен тогда Семен Васильевич. В сорок первом награждали не часто...

Мария Ивановна продолжала работать в госпитале, а сердцем была на передовой, рядом с мужем. Поскольку фронт неумолимо отодвигался на восток, легко представляла, каково ее мужу, тысячам других бойцов. Уз-

нала вдруг, что муж совсем недалеко, на Дону. С новой силой запульсировала в беспокойном мозгу мысль: «Хоть бы увидеться!» И добилась Мария Ивановна своего. Пятидневный отпуск выпросила, документы выхлопотала, гостинцев припасла и отправилась с армейским эшелоном. Каким-то чудом отыскала в хаосе войны и нужную ей полевую почту, и своего Семена Васильевича.

Готова была и остаться в части, да муж не позволил.

— Это ж на дезертирство смахивает. На пять дней отпуск дали, а ты не вернешься.

— Дезертирство — это когда с фронта бегут, — попыталась возразить супруга. — А я — на фронт.

— Все равно. Со своего поста хочешь уйти самовольно. Надо, чтоб все было по закону...

Три месяца спустя стала Мария Ивановна красноармейцем того полка, в котором Семен Васильевич служил санитаркой в медсанбате.

И рядом находились муж с женой, а встречались редко — бои без конца и дел невпроворот!

Семен Васильевич, исключительной аккуратности и пунктуальности человек, завел крохотный блокнотик. Ежедневно стал делать в нем лаконичные, ему лишь понятные пометки.

Одна из записей вроде бы горестная: «Мария сбежала во второй эшелон». Оказалось, поручили ей, санитарке, отвезти раненых в тыл. Обстановка тогда была чрезвычайно трудной. Станция, куда С. Иванов только что доставил эшелон с боеприпасами, горела. На одном ее краю оборонялись наши бойцы, с другого гитлеровцы атаку за атакой предпринимали. С трудом удалось вывести эшелон из-под огня.

Вернулась Мария Ивановна в медсанбат, облегченно вздохнула, узнав, что муж жив-здоров. И он улыбнулся счастливо, когда начальник медсанбата капитан медслужбы А. П. Ищенко ответила на его вопрос:

— Трудится ваша супруга.

Александра Павловна с особой симпатией стала относиться к мужу своей подчиненной после случая, когда медсанбат едва не оказался в расположении гитлеровцев. Предотвратил беду он, майор Иванов. Возвращаясь с передовой, каким-то седьмым чувством догадался, что враг сумел прорваться в наш тыл, захватил населенный пункт. Уточнил у местных жителей: все было именно так. Принял Семен Васильевич меры, чтоб не

попали наши подразделения в ловушку. Медсанбат остановил у самого села.

«Хоть бы ты находилась рядом», — высказал Семен Васильевич сокровенное, когда встречали Новый год. Под Малгобеком это было, сразу после боя. И времени на торжество отпустила война самую малость, полчаса каких-то. Но тогда произошло неожиданное: Мария Ивановна несла раненым ведро с кипятком. В темноте поставила его на неровное место, ну и ошпарилась.

Утешил, как мог, расстроенную жену и поспешил по делам службы. Не знал тогда Семен Васильевич, что новогодний тост его исполнится. И очень скоро. В феврале 176-я стрелковая дивизия, в которой они служили, десантировалась на новороссийский плацдарм.

Следовали на Мысхако порознь. Высаживались — тоже. Но, кажется, сквозь грохот разрывов и лавину металла слышала Мария Ивановна напутственное Семенова:

— Держись товарищей!

«Товарищи» — медики, санитары. У каждого за плечами вещмешок, в руках сумки, коробки с медикаментами. До берега по воде шагать да шагать. Выбралась на сушу, ноги сами было понесли к балке, способной от огня укрыть. И вдруг страшно стало, когда осветительная ракета край берега вырвала из мрака: убитые, раненые лежат.

Капитан А. Ищенко торопила: «Скорее!» А тут и напоминать не надо. Любому понятно, как необходима была медицинская помощь бойцам, командирам.

Передовой пункт медсанбата развернули в какой-то расщелине. Палатками затянули ее сверху и с боков. Санитары побежали за ранеными. Вернулась Мария Ивановна с первым своим из-под пуль вынесенным, а доктор Александра Павловна Ищенко уже при свете фонаря работала. Спасала людей.

Тех, кому была оказана помощь, стали выносить к причалам. Их грузили на суда, отправляли на Большую землю. И все под пулями, снарядами!

К утру медики валились с ног. В минуту передышки Мария Ивановна вдруг почувствовала голод. Чаю бы! Горячего, крепкого, с сахаром. Чтоб согреться. Санитарка Нина Белоусова протянула ей сухарь и кружку... пива.

— Откуда это?

— Кто знает. Должно, по ошибке вместо чего-то прихватили.

Мария Ивановна спешила утолить голод, а думы были о муже. То, что Семену труднее, чем ей, она ничуть не сомневалась. Не вещмешок, а тонны боеприпасов и других грузов надлежало ему доставить. Угодит снаряд в баржу, доверху нагруженную снарядами,— щепки не найдешь.

К счастью, обошлось. Везучим ли был С. Иванов, моряки ли искусными оказались, но через огненный смерч прорвалось судно. Малость отлегло от души у Семена Васильевича, как вдруг вздрогнул корабль, не подчиняясь рулю, беспомощно поплыл к отмели. Оказалось, не снаряд, а торпеда угодила в корпус, вывела из строя все электрическое хозяйство. Краны, лебедки бездействовали. Гаубицы, ящики со снарядами пришлось выгружать вручную. Экипаж судна, десантники, мокрые, продрогшие, спускали по сходням орудия, выволакивали их на берег. Две ночи продолжался этот адский, но такой необходимый труд. Многие отличились здесь и были награждены. Получил и Семен Васильевич свою первую «малоземельскую» награду — орден Красной Звезды.

Землянку майор Иванов оборудовал для себя в нескольких десятках шагов от медсанбата, почти на макушке сопки. Устроиться не успел, глядь — на пороге Мария. Взъерошенная, взволнованная:

— Сема, снаряд...

— Где?

— Возле медсанбата. Упал и не взорвался... У нас раненые...

Семен Васильевич знал, что такое невзорвавшийся снаряд. Тронь его — может разнести все вокруг.

— Раненых убрать, всем отойти!

Прихватив сумку с инструментом, кусок кабеля, спустился с сопки в балку. Снаряд увидел издали. Обошел его, осмотрел со всех сторон. Легонько набросил телефонный кабель, прыгнул в окоп. Дернул за конец провода. Взрыва не последовало. Майор осторожно обезвредил снаряд.

— Все. Можете спокойно жить.

А какой там покой при бесчисленных налетах авиации, артиллерийских обстрелах! Марию Ивановну несколько терпеливой называли, не мокроглазой, а однажды ночью в слезах прибежала. Ткнулась в плечо мужу, зарыдала.

— Что случилось?

— Нину Белоусову... убило.

Только сменила санитарка на посту Иванову — начался огневой налет. Осколком снаряда и сразило ее. В таких случаях и утешать людей трудно. Семен Васильевич лишь бережно прижал супругу к груди. Кое-как успокоил ее. Убитая горем, Мария произнесла:

— Завтра в Геленджик иду.

— С ранеными?.. Так ты... будь осторожнее.

Высказал Семен Васильевич совет-просьбу и ругнул себя: никчемный совет. На судне от бомбежки не укрыться. Не далее, как три-четыре дня назад сам попал в переплет. Отправлял с Большой земли боеприпасы и продукты. Баржа подошла почти к плацдарму. Но такой мощный огонь открыли гитлеровцы, что не могла она пробиться к берегу. Вынуждены были моряки развернуть судно, отвести его в Геленджик. На следующую ночь С. Иванову дали более надежный корабль — бронекатер. Быстроходный, маневренный, он только что вернулся с задания.

Что творилось вокруг него при подходе к Мысхако! Море кипело от взрывов. Один снаряд все-таки попал. Бронекатер стал тонуть. На выручку ему бросились моряки других судов. Сняли раненых. По настоянию майора С. Иванова стали выгружать боеприпасы. Благодарили тех, кто построил два ложных причала. Вот где бушевал огонь вражеских орудий! Матросы переговаривались:

— Поймали немецкого корректировщика, сразу спокойнее стало.

В самом деле, стрельба уже не была столь уверенной, как прежде, не столь меткой. Гитлеровцы стреляли будто наугад, вслепую, не зная о местонахождении целей. Семен Васильевич тоже обратил на это внимание.

На рассвете мотобот увозил в Геленджик партию раненых. Мария Ивановна хлопотала возле них. Семен Васильевич напомнил:

— Ты за Ганопольским присмотри... Только загубите мне заместителя! Я вам тогда...

Повернулся, зашагал к балке. Вдруг вспомнил вчерашний «экзамен» и как-то легче стало на душе. С большой земли он доставил новые противотанковые ружья — ПТРД. Командир полка потребовал:

— Ну-ка, покажи, что это за штука такая.

Майор Иванов взял толстую сталь. С обратной стороны пристроил паклю, пропитанную дизтопливом. От-

полз метров на двести. Выстрелил. Пуля, пробив металл, зажала ветошь.

— Надежное оружие,— заключил командир полка.— Всем бронебойщикам расскажем о проведенном тобой эксперименте.

Возвратилась Мария Ивановна «домой», на Малую землю. Обрадовала мужа и опечалила его, когда несколько дней спустя, шатаясь вошла в землянку и сказала решительно:

— У тебя поживу, Сема.

— Прогнали из санбата?— пошутил супруг.

— Наоборот, не отпускали. Сама ушла. Желтуха у меня. А там раненые. Еще заболели...

Не поднялась на ноги от одного недуга — свалил другой: цинга.

Вылечили все-таки медики. Вновь вернулась красноармеец М. Иванова в строй. Кроме непосредственных своих обязанностей, стала выполнять еще одно — работать кочегаром в бане. Грела воду, стирала бинты, белье, ухаживала за ранеными. Лишь изредка вырывалась из балки на горку, в мужнину землянку.

— Как ты тут? Здоров?.. Батюшки! Что это у тебя с рукой.

— Да ничего. Обезвреживал снаряд, а там секретная шпилька. Не заметил сразу...

— Как же так неосторожно! Ну чисто маленький!.. Давай перебинтую.

— Да пустяки, тебе говорю. Заживает. На ночь в дом отдыха иду...

Дом отдыха находился рядом, под обрывистым берегом. Снаряды туда не попадали.

— Ладно, иди. Только будь осторожнее...

Вот так и прошли они войну бок о бок, оберегая один другого. Так и теперь шагают рядом, двое преданных Родине и друг другу людей, два солдата, удостоенных многих государственных наград. У Семена Васильевича яркими красками переливаются на груди ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, два ордена Красной Звезды, медали. С гордостью носит фронтовые награды и Мария Ивановна.

Ивановы давно на пенсии, но не на отдыхе. Семена Васильевича трудно застать дома.

— Общественной работой занят, — объясняет супруга.

В самом деле, я и сейчас встречаю бывшего мало-земельца то в райкоме партии, то в Чиланзарском райвоенкомате. Фронтовик по-прежнему творит добро.

ПОЕЗДКА В... 1943-Й ГОД

Путь от Ташкента до Новороссийска не близок. Но капитан в отставке А. Н. Сухоруков, пожалуй, чаще других фронтовиков-малоземельцев бывает здесь. Встретится с боевыми друзьями, и спешат они на бывший плацдарм.

По традиции вначале идут к месту высадки десанта, которое вот уже почти четыре десятилетия «стережет» крейсер «Красный Кавказ», торпедированный немцами в суровую февральскую ночь сорок третьего. Боевой корабль стал памятником мужеству, стойкости советских воинов. Поверженный, выброшенный на мель, он продолжал служить защитникам плацдарма. Был пристанью, многих уберег от свинца. Возможно, и его, Алексея Николаевича Сухорукова, прикрыл своим корпусом от пуль и осколков, когда мощный огонь обрушил враг на корабли, доставившие подкрепление малоземельцам, части 176-й стрелковой дивизии.

Рота старшего лейтенанта А. Сухорукова, как и другие подразделения, десантировалась в бурлящее море, выбралась на землю, буквально горевшую, и с ходу вступила в бой. Такого боя еще не видел Алексей Николаевич, хотя к тому времени уже свыше полутора лет провоевал. 22-го июня 1941 года полк, в котором он служил, вступил в схватку с фашистами на реке Прут и в течение десяти суток отбивал атаки превосходящих сил противника. Лейтенант Сухоруков тогда отличился и был удостоен медали «За отвагу». Нелегко приходилось при обороне Харькова, Ростова, Кавказа. Запомнились огненные дни и ночи Малгобека. Но там был простор, имелась возможность маневрировать. А здесь одна задача — выстоять. Возможность уберечься от гибели тоже одна — долбить камень, зарываться поглубже, обороняться до последнего патрона, атаковать стремительно. Все это испытал воин-туркестанец, и память зафиксировала пережитое. Почему-то запомнилось, когда прыгнул с борта в волны. Капитан Геланджия вместе со своими батарейцами спешил выгрузить орудия. Командир взвода лейтенант Стетюха, командир орудия сержант

Бездушный, еще несколько бойцов, стоя по грудь в воде, изо всех сил удерживали сходни, по которым матросы и красноармейцы спускали пушки. Это был живой мост, зыбкий и тем не менее надежный. Потому, что ни один из воинов, рискуя быть раздавленным тяжелым орудием и зная об этом, в случае опасности не покинул бы своего поста. Когда выкатили на берег первое орудие, Стетюха что-то возбужденно крикнул. Вероятно, рад был тому, что удалось вытащить его. А Сухоруков подумал, что надо понадежнее прикрыть артиллеристов, пока они не могут вступить в бой.

Среди бесчисленных вспышек взрывов промелькнула неподалеку санинструктор Ева Кочканян. На ней, как и на других десантниках, обледенелое обмундирование, автомат в руке... До сих пор не иссякла у ветеранов острая жалость к тем женщинам и девушкам, которые наравне с мужчинами делили тяготы войны. Заговорит об этом Алексей Николаевич Сухоруков, и встают перед его взором санинструктор Вера Диброжан, медсестры Анна Сокол, Лидия Казанская. Сколько жизней спасли они. И его, командира роты, раненного осколком в голову, потерявшего сознание, вынесла с поля боя одна из них.

— Пойдемте, друзья,— приглашает Алексей Николаевич.

И ветераны медленно шагают в сторону кладбища, туда, где сейчас раскинулись угодья виноградарского совхоза «Малая земля». Шагают, мысленно припоминая сорок третий год, февральскую ночь, когда под огнем врага бежали они, бойцы 176-й стрелковой дивизии, в этот уголок. Именно здесь был район сосредоточения. Здесь потом находился штаб их соединения. Чуть поодаль, в овраге, разместил ташкентец подполковник Насруллаев штаб своего 591-го стрелкового полка.

Плацдарм на Мысхако был невелик. Сейчас особенно все кажется рядом. Кладбище, где много дней гремели бои, теперь хранит покой. Алексей Николаевич не посмел нарушить его громким: «Здравствуйте, Женя, Яша!» Только прошептал, взволнованно выдохнул эти слова, наверное, в тысячный раз уже перебрав в памяти трагические мгновения гибели своих подчиненных — старшего сержанта Якова Литвиненко и сержанта Евгения Приходько. Которую по счету атаку фашистов отражала тогда, в апрельские дни, рота? Четвертую, ка-

жется. Кто их потом считал!.. Главное, рота выполнила задачу.

Постояли ветераны у могил фронтовых друзей. Медленно пошли дальше. Туда, где сражались в герончешкую малоземельскую эпопею.

— Здесь был твой окоп, Алексей,— уверенно говорит Сухорукову Насруллаев.

— Верно,— соглашается бывший командир роты.— Как узнал? Ведь все изменилось вокруг. Пятиэтажные здания выросли на месте разбитой окраины Станички.

— Из твоего окопа был виден краешек моря, а из соседних — нет, вон те холмы мешали.

— Действительно... А вот здесь проходила нейтральная полоса. На нее упал наш летчик-истребитель. Помнишь?

Еще бы не помнить! Гитлеровцы пытались захватить летчика в плен. Старший лейтенант Сухоруков приказал открыть огонь по врагу, организовал атаку. Авиатора выручили.

Да, крепко здесь стояли наши воины. Почитай, каждый был героем. Сухорукову здесь же, на переднем крае, командующий 18-й армией генерал К. А. Леселидзе вручил орден Красного Знамени.

— Ну, что? Попьем водички?

— Пора!

...Они идут по бывшей Долине смерти, которая простреливалась врагом с окрестных высот. Днем здесь малоземельцы ходить не рисковали. Ночью-то не каждому преодолеть удавалось долину, достопримечательностью, а вернее сказать, важнейшим объектом которой был колодец. Десантники прозвали его Колодцем жизни. Многим он утолил жажду. Но сколько матросов, красноармейцев погибли здесь, добывая воду!

Сейчас Колодец жизни стал заповедным местом, глубоко почитаемым, священным. Фронтовики пили воду из него, припоминали события, связанные с этим уголком плацдарма, друзей. Теперь из него пили и молодые люди, пионеры, школьники. Народу вокруг было множество. Есть, конечно, и малоземельцы.

Вглядевшись Алексей Николаевич: стоит матрос, на костыли опирается. Широкие плечи, богатырская грудь, на форменке ордена и медали. Лицо знакомое. Да ведь это тот самый моряк-богатырь, воплощение воли, отваги, удали, ненависти к врагу, который стоит в Новорос-

сыйске на пьедестале. Однополчанин А. Сухорукова скульптор Андрей Божененко создал памятник.

— Владимир Кайда?

— Что-то не припомню, браток.

— Вместе из этого колодца воду пили. Только ты пришел сюда пораньше, с отрядом Куникова, а я из 591-го стрелкового. Я тебя еще в ту пору знал. Слава о тебе по всему плацдарму гуляла.

— Было дело... Вы к мемориалу? Я с Вами.

Новороссийск. Мемориал... Могила Героя Советского Союза Ц. Л. Куникова. Рядом с ней могила капитана-лейтенанта Н. И. Сипягина, тоже Героя Советского Союза... И вновь всколыхнула память прошлое, глубоко засевшее в каждой клетке мозга.

— Здравствуйте, друзья!— шепчут пересохшие губы, а руки бережно кладут к пьедесталу цветы.— Вечная вам слава!

Среди тех, кто сердцем заслонил Отчизну на огненном малоземельском рубеже, немало сослуживцев Алексея Николаевича. Но мысленно он ставит в строй защитников плацдарма и других своих однополчан. В разных местах сражались, разными подвигами обессмертили они свои имена, память же собрала всех воедино. И здесь, в Новороссийске, шептали губы Сухорукова: «Никита Уличный». Еще не знал мир о подвиге Александра Матросова. Красноармеец Уличный совершил свой подвиг раньше, чем его боевой собрат.

Произошло это близ Малгобека. Повел старший лейтенант Сухоруков свою роту в атаку. И уже у самого объекта атаки, у станции Назрань, находились бойцы, как прижал их пулеметным огнем противник. Никита Уличный швырнул гранаты в дзот — пулемет продолжал бить. Тогда и бросился комсомолец на амбразуру. Рота выполнила свою задачу. Захватила пленного...

Вспомнились и те, кто пройдя через тысячи смертей, остались невредимыми. В бесконечных апрельских боях случалось всякое. Но этот пример отваги был просто уникальным. Рота Сухорукова с трудом сдерживала натиск врага. Потери были значительные. В разгар атаки Алексею Николаевичу доложили, что в одном из взводов в живых осталось только двое — сержант И. Проценко и красноармеец Г. Запорожец. Но у ротного — ни души в резерве. В течение двух с половиной часов отбивались от врага комсомольцы. Из двух пулеметов, часто меняя позиции, вели бой. Орденом Ленина был награжден Иван

Проценко. Орденом Красного Знамени — Григорий Запорожец.

Сам ротный тоже вернулся с войны с наградами: ордена Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, два ордена Красной Звезды, по две медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

И так получилось, что, уловившись в запас, остался он в армейском строю. Вернулся в родной Ташкент, откуда в 1938 году уехал в Харьковское пехотное училище, окончил строительный факультет Ташкентского политехнического института. Направили работать в строительное управление Среднеазиатского военного округа. И вновь оказался фронтовик на ответственном участке работы. Теперь уже созидательной работы, открывшей новую эру, космическую.

Выпало доблестному туркестанцу возводить объекты космодрома. Посчастливилось в 1957 году наблюдать запуск первого спутника земли. Посчастливилось увидеть первый шаг человека в Космос: присутствовал при полете Юрия Гагарина.

За многолетний труд коммунист инженер А. Н. Сухоруков удостоен высокой государственной награды — ордена «Знак Почета». В числе военных строителей Краснознаменного Туркестанского военного округа — победителей социалистического соревнования встретил он XXVI съезд КПСС.

— Переписываешься с однополчанами?— спросил я Алексея Николаевича недавно.

— Конечно!— ответил он.— Фронтовое братство нерушимо. Был в Ленинграде, заходил к своему командиру батальона Михаилу Ивановичу Сорокину. Теперь он уже не батальоном, а войсками округа командует. В Москве проездом находился, навестил гвардии подполковника в отставке Ивана Васильевича Брянцева. Под его началом я служил в штабе дивизии. Командира дивизии генерала Сергея Михайловича Бушева тоже навещал.

— А командира полка?

— С ним у нас интересно получилось. Присхал я на встречу ветеранов в Житомир. Пригласили в президиум. Прошел я туда и обомлел: Сыроч Насруллаев! Обнялись мы по-солдатски. «Ты откуда?»— спрашивает. «Из Ташкента»,— отвечаю. «И я из Ташкента»,— говорит. В одном городе жили и не знали. Теперь часто друг у друга бываем.

...Поездки, встречи участников легендарного десанта,

штурма Новороссийска. В разные годы они организу-ются. Но по существу адрес и время каждой одни и те же: Малая земля, 1943 год.

ВРАЧ ИЗ ФЕРГАНЫ

Нашей встрече с капитаном медицинской службы в отставке Л. Ф. Ревиной (по мужу — Симаговой), проживающей в Фергане, предшествовали переписка и телефонные переговоры. Любовь Федоровна в ответ на мою просьбу прислать воспоминания о Малой земле, где она воевала в составе 107-й Отдельной стрелковой бригады, отвечала растерянно: «Да я и подвигов никаких не совершила!»

Но мне-то известно: ни за что не награждают. А у фронтового врача Л. Ф. Ревиной два ордена Красной Звезды, семь медалей. Об отваге ее с восхищением отзывается бывший начальник санитарной службы 18-й армии генерал-майор медицинской службы в отставке Николай Григорьевич Костев. Кроме того, в личном деле Л. Ф. Ревиной-Симаговой сохранились боевые характеристики, каким может позавидовать и мужчина. Запомнились строки одного из этих документов, опаленных зловещим дыханием войны:

«...Капитан медицинской службы Ревина Л. Ф. своей неутомимой самоотверженной работой обеспечила санитарно-эпидемиологическое благополучие частей дивизии... На территории, сильно зараженной инфекционными заболеваниями, сумела организовать проведение четкой и достоверной санитарно-эпидемиологической разведки и своевременную локализацию инфекционных очагов, что явилось важным условием сохранения бое-способности войск...

Начсандив капитан м/сл *Дроздов.*
Командир дивизии гв. полковник *Угрюмов.»*

И это на крохотном плацдарме, принявшем на себя многие тысячи людей. На пятачке, где трудно было вернуться, осуществлять маневр, где недоставало продуктов питания, воды, медикаментов, витаминов, невоз-можно было соблюдать правила личной гигиены. Каким же запасом знаний, силой воли, упрямства, требовалось обладать, чтобы уберечь воинов от болезней!

Воображение рисовало врача эдаким богатырем, властным, грубоватым. А увидел — не поверил: среднего роста женщина. Интеллигентна. Удивительно мягкие жесты. Только улыбочивые глаза по-докторски строги. А так — сама доброта. Вероятно, доброта эта и помогала ей уберечь людей от беды.

И вдруг словно проблеск в памяти, словно прозрение: не та ли это «докторша», что с настойчивой лаской, иногда прикрикивая, заставляла десантников пить «малоземельский квас», ею же придуманный, — противный на вкус отвар из хвон, виноградных листьев, дикого чеснока, еще каких-то трав? Мы отказывались принимать на-питок. Она убеждала:

— Желаете без зубов остаться! Цинга, дорогие мои, болезнь опасная.

Нет, пожалуй, та казалась и росточком пониже, и по-девчоночьи шупленькой. Хотя... в 1941-м выпускнице мединститута Л. Ревиной было чуть более двадцати одного года. Совсем юная. Впрочем, тогда воевали девушки и помоложе возрастом. Но ей, комсомолке, было труднее, чем многим из подруг. Она отвечала за очень важный участок службы. Каких только задач ни доводилось решать! Едва ли не каждую и обстоятельства, и начальники требовали выполнить быстро, срочно, экстренно.

Накануне выброски десанта на Мысхако дел у всех было по горло. Ревиной и ее подчиненным предписывалось произвести тщательную санобработку личного состава. А это значит — добыть огромное количество чистого нательного белья, мыла, топлива для бань... Голова кругом шла. Но магическое слово «десант» побуждало трудиться, позабыв обо всем другом.

После погрузки бригады Любови Федоровне досталось на судне местечко удобное, на ящике с песком, возле огнетушителей. Устроившись, перебрала она в памяти события последних суток и позволила себе расслабиться, все сделано, как надо, все...

Катер упрямо одолевал белогривые волны. От качки, негромкого разговора бойцов Любовь Федоровну клонило в сон. И вдруг то ли запоздалая мысль об опасности, то ли холодный ветер заставили вздрогнуть — на разгадку времени не осталось: снаряд едва не попал в дзеньшко. Только столб воды взметнулся над бортом. Катер ускользнул от него.

Девушка крепче ухватилась за какую-то скобу, при-

жалась спиной к переборке. Катерь вновь трянуло так, что он закрипел. Ревина ударила об огнетушитель.

«Скорее бы земля!» — бередила мозг беспокойная мысль.

Суда спешили к земле, объятый дымом, пламенем, сотрясаемой взрывами. Снаряды грохотали вокруг, заглушая шум моря, моторов, голоса людей. Вспыхнули несколько мотоботов. Суета, в алых отблесках огня были видны люди среди волн.

«Скорее бы земля!» — стучало в висках.

Но вокруг пока была вода, Цемесская бухта — вся в гигантских фонтанах и бурлящих воронках, освещенная ракетами. В нее и прыгали десантники с борта. Плыли и бежали к берегу. Какая-то сила заставила и Любовь Федоровну броситься в этот ад, искать спасения на земле.

Спасения? Совсем не так. Ей пришлось спасти других. Сознание долга врача оказалось сильнее страха, усталости, озноба после студенной февральской купели.

Больно было видеть людей беспомощными, истекающими кровью. Тех самых бойцов, которые недавно — вчера, сегодня — здоровые, жизнерадостные, шутили, смеялись... Вырвать их из когтей смерти, вернуть в армейский строй — за это боролись медики.

Было пыткой слышать стоны раненых, их просьбу: «Пить». Рядом плескалось море, сверху лил дождь, нудный, холодный, и... не было воды. Ревина приказала подчиненным разведать, нет ли где ручья, родника, колодца. Ничего не нашли на плацдарме, который захватила 107-я отдельная стрелковая бригада.

По указанию эпидемиолога бригады Ревинной красноармейцы стали собирать дождевую воду. Под огнем врага руками выворачивали камни, сгребали глину. Соорудили запруды, отрыли углубления. В импровизированные колодцы стекала вода. Но мало ее было. Каждую каплю приходилось беречь, каждый грамм драгоценной влаги был на учете.

Медики сутками не знали отдыха. Любовь Федоровна многие часы проводила на переднем крае. Возвращалась оттуда, с восхищением и материнской жалостью вглядывалась в подчиненных. Откуда только силы брались у санинструктора Жени Павловой и Нади Земляновой, Жени Барладян из четвертого батальона.

Шестнадцатилетняя Женя Павлова добровольцем пришла в армию. Сметливой была в труде, с какой-то неумной легкостью, доброй улыбкой выполняла свои

обязанности. Смело бросалась под пули, заметив раненого. Выносила и его с поля боя, и оружие, иначе санинструктору раненый не засчитывался. Случалось, девушка сама брала в руки автомат. Так было в дни апрельских боев. Гитлеровцы предприняли психическую атаку. Сотни вояк в черных мундирах спускались с горы. Все ближе черная туча. Но команды открыть по ней огонь нет. Наконец она прозвучала, и в тот же миг свинцовый ураган смел передние цепи. Строчила из автомата и комсомолка Павлова. Потом выносила раненых. Под огнем. В сплошном дыму... Почти семь суток продолжалось испытание. Более трех десятков человек спасла юная патриотка. Медалью «За отвагу» отмечен этот ее подвиг... В одном из июньских боев — Любовь Федоровна не может без боли вспоминать об этом — оборвалась жизнь девушки.

Врач Л. Ревина-Симагова, требовательная, инициативная, щедрая на выдумку, ценила и в подчиненных добрую неугомонность. Недоставало перевязочного материала. Фельдшер первого батальона Надя Землянова использовала ткани, какие удавалось раздобыть. Организовала стирку бинтов. В каком-то из брошенных жителями поселка доме отыскали уют. Чистые бинты проглаживали.

Отдыхали урывками. Большую часть суток посвящали уходу за ранеными. В минуты затишья готовили отчеты, заявки на медикаменты, проводили санитарные мероприятия, обучали неопытных товарищей.

Раненые одолевали просьбами написать домой письмо, почитать газеты, пригласить агитатора, чтоб рассказал о фронтовых делах. Девушки выполняли эти просьбы, устраивали даже концерты художественной самодеятельности. Любовь Федоровна Ревина и сама принимала в них участие, потому что видела: сходила суровость с солдатских лиц, теплели глаза, появлялись улыбки.

Иногда эпидемиолог бригады вдруг предлагала:

— Сегодня, девочки, погуляйте в лесу, по садам поселка пройдите. Опять признаки цинги. Осмотрела бойцов минометной роты. У некоторых десны припухли. Чтоб скучно не было, кавалеров пригласите. Их первых отваром угостим.

Вымученной улыбкой провожала санинструкторов. К подобным «экскурсиям» все привыкли: обычные вылазки за диким луком, чесноком, виноградными листьями,

крапивой. Но вылазки были опасными. Бомбежки, обстрелы не прекращались. Ради сохранения здоровья бойцов и жизнью рисковали.

Ради сохранения здоровья... Врач Ревина стала на Малой земле «штатным» донором. В жилах многих воинов течет ее кровь. И не только ее. Требовалось — санинструкторы, медсестры своей кровью спасали однополчан от гибели.

Кто-то из писателей сказал, что на Малой земле не было отдельных героических поступков. Героическим было здесь все — жизнь, быт, отношение людей друг к другу, заботливое, сердечное. И это так верно. Любовь Федоровну не тяготили многотрудные служебные обязанности. А о подчиненных душа изболелась. Более всего беспокойства и тревог было за санинструкторов Женю Барладяна и Риту Стрельщину. Женя — молдаванка, хорошо знала румынский язык. Рита хорошо владела немецким. Вот и вызвались комсомолки участвовать в радиопередачах. Далеко вокруг разносилась речь румынская — все знали: «воюет» Женя. Звучала немецкая речь — вступала в «бой» Рита.

Возвращались девушки с переднего края — Ревина вздыхала облегченно: «Обошлось». Для переживаний оснований было предостаточно. Фашистские снайперы охотились за теми, кто вел спецпропаганду. Она деморализующе влияла на вражеских солдат.

Любовь Федоровну интересовала противоэпидемиологическая разведка местности. Сама вела ее и санинструкторов обязывала заниматься этим.

— Подозрительного ничего не заметили?

— Нет.

— Будьте внимательнее, девочки. Ведь фашистские окопы совсем рядом... Стоит недоглядеть, может вспыхнуть эпидемия. Люди не простят нам ротозейства...

Опасение не было перестраховкой. Удалось установить, что в гитлеровских траншеях зарегистрированы случаи заболевания холерой. Следовало принимать профилактические меры. То, что медики сумели создать надежный заслон опаснейшей инфекции, можно считать подвигом. Незаметным, известным лишь узкому кругу лиц, специалистам. Но подвигом в полном смысле этого слова и ее, врача Л. Ф. Ревиной.

«Санитарно-эпидемиологическое благополучие» на Мысхако складывалось из усиленного медицинского контроля, из энергичных шагов по предупреждению ин-

фекции. В бригаде появились бани. Тесные, не совсем удобные. Но бойцы были довольны. Еще бы! В таком пекле имели возможность отмыть пороховую копоть, сменить белье. По опыту других частей открыли дома отдыха. Ревина строго следила за тем, чтобы здесь было чисто, чтобы получали отдыхающие усиленное питание.

Ей, коммунисту, до всего было дело. Оружием знаний, сознанием солдатского долга она ковала победу... И сейчас она в строю, хотя уже и на пенсии. По-прежнему живет в Фергане. Воспитывает внуков. Часто выступает перед пионерами, рабочей молодежью, допризывниками.

Когда я познакомился с фронтовой биографией Л. Ф. Ревиной, узнал о ней подробности от бывших участников легендарного плацдарма, не сдержался, высказал при встрече:

— Ну вот, Любовь Федоровна, утверждаете, что подвигов не совершали...

Она смутилась:

— Не было бы у меня прекрасных подчиненных, славных боевых подруг моих, так вряд ли добилась бы успеха.

Вспомнилось от кадровых военных услышанное:

— У храброго командира и подчиненные — герои.

Что верно, то верно...

ЕГО ПОЗЫВНОЙ - «ФСТ»

Заочно я знал М. Ф. Фастюшкова много лет. Еще на Малой земле, примерно годков за двадцать до нашей встречи, слышал о нем. Пожалуй, потому запомнилась мне его фамилия, что из радистов новороссийского плацдарма у него одного был личный позывной «ФСТ», то есть «Фастюшков».

Случай редкий, если не исключительный. На вопросы, почему так популярен этот «ФСТ», связисты отвечали по-разному: «ас эфира», «работает на главной радиостанции», «поддерживает связь со всеми радиостанциями плацдарма и с Большой землей», «был личным радистом у генерала армии И. Е. Петрова...»

Истина оказалась куда проще: специалист первого класса старшина М. Ф. Фастюшков стал победителем в состязаниях радистов 18-й армии. За это и был «титuladoван», получив личный позывной.

— Два года действительной службы что-то значили,— объясняет Михаил Федорович причину своего «восхождения на пьедестал почета» и улыбается.— Туркестанская закалка!

— Я слышал, что вы из Донбасса в армию призывались?

— Так точно, из Донбасса. Служить направили в Среднеазиатский военный округ. В одной из частей ташкентского гарнизона боевой специальностью овладевал. На фронт попал из Ферганы. Там служил.

Михаилу Федоровичу за шестьдесят. Он персональный пенсионер республиканского значения, но продолжает трудиться. Впрочем, пожилым его и назвать грешно: худощав, по-спортивному подтянут, энергичен, порывист. На молодежом смугловатом лице куствуются черные брови. Под ними улыбочивые карие глаза...

Сказал я ему о том, что выглядит он значительно моложе своего возраста. Он ответил шуткой:

— В армии меня товарищи мальчишкой называли. А я им в ответ: «Что поделаешь, если вы стариками родились...»

Юмор у Михаила Федоровича мягкий, безобидный, что не мешает ему быть серьезным в работе. Вероятно, и семья, и трудовая среда, в которой рос, воспитывался, сделала его таким. Ведь среди шахтеров жил, был знаком с Алексеем Стахановым. Горный техникум окончил. Десятником комсомольской смены работал на шахте. Участвовал в повторении «стахановского рекорда», как тогда выражались.

С годами привычка быть впереди, среди лучших, у М. Фастюшкова окрепла, стала нормой его поведения, своеобразным кредо. Потому и был он известен многим людям. Командиры, видя исполнительность и безупречную выучку, поручали ему дела ответственные, подчас рискованные. Из многих подобных заданий Михаил Федорович считает особенно важным то, которое получил в сорок первом, при отступлении наших войск под напором полчищ оккупантов.

Трудно было в тех условиях осуществлять управление войсками. Связь нарушалась. Фастюшкову приказали восстановить ее. Прихватив нескольких бойцов, старший сержант ездил по частям и соединениям, уславливался с радистами, на каких волнах вести работу. Довелось и в танке поколесить в прифронтовой полосе,

и гореть в нем, подбитом, объятном пламенем. Едва к фашистам в лапы не попали связисты.

Михаил Федорович справился с заданием. И малозаметный его вклад позволил командованию более гибко управлять войсками, осуществить маневр своими средствами и силами, организовать противодействие врагу.

У связистов и в мирное время, на тактических учениях, не бывает легких испытаний. Войска ведут хоть и напряженные, но условные бои, а солдаты с молниями в петлицах (такие эмблемы у связистов) обеспечивают их связью по-настоящему. На войне же нагрузка резко возрастает. Именно этим запомнилась Михаилу Федоровичу героическая битва за Кавказ. И он, старший сержант Фастюшков, и его товарищи сутками вели радиообмен. Это было так называемое радионаступление, изобиловавшее ложными сведениями. Шифрованные и открытым текстом переданные радиограммы сбивали противника с толку, вынуждали его перегруппировывать живую силу и технику, сосредотачивать войска на «опасных» направлениях. Наше командование, конечно же, использовало ошибки врага.

Позже военные эксперты назовут это радионаступление радиотехнической победой. А в ту пору наши связисты, не ведая, что творят ее, самоотверженно выполняли боевую задачу: передавали в эфир тысячи приказов, распоряжений, уточнений.

Генеральной репетицией, считает Фастюшков, было для специалистов радионаступление. Репетицией перед тяжелейшим малоземельским испытанием, подготовка к которому началась загодя, еще в январе.

Удивили тогда связистов своей необычностью задания, тренировки. Укомплектованные, по-походному собранные радиостанции бойцы помещали в прорезиненные мешки, бросали их в море. Через некоторое время надо было извлечь радиостанцию из воды, обеспечить устойчивую связь... Так готовились к десанту. Михаилу Фастюшкову пришлось участвовать еще в трех десантах. Но этот, на Мысхако, врезался в память более других.

События в те сутки развивались быстро. Вызвали тогда старшину к начальнику связи армии, поставили задачу: держать связь со штабом 18-й армии, с куниковцами, с 255-й бригадой морской пехоты, с партизанскими группами...

До мелочей уяснил Михаил, что обязан был делать. Но бой всегда вносит коррективы. При десантировании

рота связи оказалась без командира: в том кромешном аду никто не заметил, погиб ли он от пули, утонул ли. Комсорг подразделения Фастюшков, он же начальник главной радиостанции Малой земли, добровольно принял на себя обязанности командира. Но и сам едва остался жив, когда прыгнул с мотобота в воду. Зацепился телогрейкой за что-то, перевернулся в воздухе, упал за борт вниз головой. Вынырнул и невольно зажмурился, ослепленный светом прожекторов. Вокруг барахтались люди.

Старшина приказал выбираться на берег, идти в сторону совхоза Мысхако. С большим трудом, под свинцовым ливнем, бойцы прорвались к берегу. Снег, подтаявший, истоптанный, показался теплее воды. Десяток минут спустя ледяным панцирем покрывшаяся одежда начала сковывать движения. Фастюшков приказал подчиненным переодеться в сухое. Здесь же, в ложбинах, развезли прорезиненные мешки, в которых хранили радиостанции и кое-что из своего солдатского хозяйства, достали запасное белье. Стало теплее. Под огнем выдвинулись к оврагу, где расположился штаб. Развернули аппаратуру, вошли в связь. Но противник засек радиостанцию. Мины, снаряды едва не накрыли штаб. Фастюшков вынужден был выбрать для станции другое место, в траншее.

До утра долбили здесь бойцы каменистый грунт. Надежно укрыли от снарядов и мин аппаратуру. В последующие сутки продолжали «вгрызаться» в землю. Соорудили землянку, чтоб было где и коротким сном забыться, и обстрел, и непогоду переждать.

Работу на технике не прекращали даже под бомбежками. Видели, как нужен их хлопотливый труд: на радиостанции постоянно были представители штаба. Связисты словно руку держали на пульсе огромного организма. Принимали сообщения о том, что на плацдарм шло подкрепление, радовались им. Тяжело переживали тревожные вести, поступавшие с судов, поврежденных, погибавших. Это было невыносимо — знать, что гибнут люди, и чувствовать себя бессильными.

Радисты собирали оперативные сведения, передавали в штаб корпуса, армии. Когда гитлеровцы предпринимали атаки, Фастюшков оставлял возле радиостанции одного-двух красноармейцев. Остальные бежали в траншею, вели огонь. Некоторые из них успели отличиться в схватках, получили награды. На груди Михаила Федоро-

вича Фастюшкова поблескивали медали «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Начальство на радиостанции бывало часто: передать ли срочные распоряжения, получить оперативную информацию из соединений — все быстрее, нежели через посыльных. Несколько раз во время своего пребывания на Малой земле приходил сюда полковник Л. И. Брежнев. Беседовал с красноармейцами, шутил, подбадривал. Внимательно изучал собранные материалы, ставил задачи.

Частым «гостем» на радиостанции был заместитель начальника политотдела 16-го горнострелкового корпуса полковник Порфирий Александрович Штахановский. Старый большевик, участник штурма Зимнего, разгромил кронштадтского мятежа, он был смел, прост в обращении. Десантники любили его.

Приходил он к связистам. Расспрашивал о семейных делах. Разъяснял обстановку, задачи, которые надлежало решать. Фастюшкову запомнилось, как П. А. Штахановский сразу после боя вдруг появился в землянке и с порога:

— Где тут начальник радиостанции? Поздравляю с вступлением в ряды ВКП(б).

Перед боем Фастюшкову была вручена кандидатская карточка. Трудности, которые испытывали бойцы, казались не столь серьезными, вполне одолжимыми.

Скудным было питание. Но все сознавали: упрекать тыловиков в нерасторопности нельзя. Причина одна — враг не давал возможности нашим судам пробиться к плацдарму. Надо полнее использовать то, что есть. Сбросили самолеты мешки с хлебом. Некоторые упали в море. Волны студеные да и простреливались гитлеровцами вдоль и поперек. Но не пропадать же добру! Фастюшков с бойцами рискнул-таки. Извлекли мешки из воды. Хлеб в них превратился в холодное месиво. Утоляли голод и таким.

Михаил Федорович шутил:

— Жевать не надо.

Радист Георгий Касиев был иного мнения:

— У меня после такого обеда против гансов злости вдвое больше.

Накануне Георгий принес пачку фашистских листовок. Собрал в траншее.

— Вот... Опять фрицы с самолетов сбросили. Грозят десант утопить в море... Не выйдет!

Швырнул весь ворох в печурку. Прокомментировал:
— Один пепел от угроз остался... Так-то.

Обернулся к Фастюшкову:

— Как зубы, командир? Шатаются? На, полечись.
Доктора говорят, против цинги верное средство.

Протянул старшине пучок дикого лука.

— Опять под пулями шастал?!

— Что поделаешь? На Малой земле тихого места нет.

... Жизнь даже в условиях долгой упорной обороны не была однообразной. После бомбежек, острых боевых ситуаций разум, сердце требовали отдыха, разрядки. Экипаж радиостанции стал участником художественной самодельности. Репетиции проходили зачастую прямо в землянке. Радостью для всех были письма. Часто за ними на почту заходил сам Фастюшков. По пути из штаба забегал:

— Радистам есть или еще пишут?

— Уж написали!

Миловидная Валентина Петровна, лейтенант, начальник почтовой связи, протягивала ему то несколько писем, а то и целую стопку. Михаил разглядывал их, удивлялся: почерки разные, незнакомые. Смущали аккуратно выведенные девичьими руками слова на уголках конвертов или треугольников: «Лучшему бойцу части».

— Что я лучший, что ли?

— Все вы — лучшие!.. Отдайте письма красноармейцам.

— Мне говорили, вы из Узбекистана?

— Из Ташкента.

— Где там работали?

— В ЦК комсомола.

— На фронт — добровольцем?

— Конечно.

Так познакомились Михаил Федорович с Валентиной Петровной. Полюбили друг друга. Поженились. Их свадьба состоялась гораздо позже, к концу войны, когда освобождали от фашистов Польшу. А до этого оба прошли через горнило испытаний, по суровым дорогам войны. Десанты на Керченский полуостров, в район Эльтигена, «командировка» в Крым для обеспечения устойчивой связи партизанских отрядов с нашим командованием и многое другое довелось выдержать Михаилу Фастюшкову. О том, как он выполнял задания, свиде-

тельствуют награды Родины: ордена Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медали.

После войны приехал Михаил Федорович с женой в Ташкент. Окончил высшую партийную школу при ЦК Компартии Узбекистана и юридический факультет ТашГУ. Работал в Министерстве иностранных дел Узбекской ССР. Уйдя на пенсию, сменил профессию, стал заместителем директора Ботанического сада АН УзССР.

Валентина Петровна — персональный пенсионер, но продолжает трудиться в республиканском Комитете по радиовещанию и телевидению.

ЖИВЕТ В ТАШКЕНТЕ КУБАНСКАЯ КАЗАЧКА...

В траншее воды — по колено. Звякает и хрустит исколотый лед под ногами. Сапоги вязнут в глине. А над головой завывает горячая свинцовая пурга... И все-таки санинструктору главстаршине Клаве Чернег неуютное пристанище казалось спасительнее моря, которое только что едва не поглотило ее, маленькую, щуплую, проворную девушку в матросской шинели. При десантировании Клава вслед за бойцами прыгнула с мотобота в воду и ушла с головой под волны, а ноги так и не коснулись дна. Туго набитую санитарную сумку, автомат, к счастью, не выпустила из рук, хотя они тянули ее в черную глубину. Спасибо краснофлотцу Ване Воробьеву. Нырнул, за шиворот выволок обессилевшего санинструктора.

Благодарность Клавдия Прокофьевна на всю жизнь в сердце сохранила, а тогда и слова сказать не успела. Выбралась на берег, побежала за бойцами — вокруг раненые, слышалось надрывное: «Санитар!» Начала главстаршина их перевязывать. Укрытием для тех, кто был поблизости, как раз и стала траншея, отбитая у гитлеровцев. Для раненых, но не для нее, санинструктора из 14-го батальона 255-й бригады морской пехоты. Притащив обескровленного бойца, она ползла за следующим. Возвратившись, всякий раз сообщала: «Продвигаются наши. Цепи уже далеко!» Не чувствовала ни холода, ни боли кровоточащих пальцев, ни обледеневшей на февральском морозе шинели. Потом, правда, спохватится и воскликнет удивленно: «Как жива осталась? Даже не простыла!»

Кто-то из моряков обнаружил более «комфортабельное» место для раненых. За вагоном, что сиротливо маячил на железной дороге, оказался обрыв. Снаряды, мины сюда, под крутой берег, не попадали. Носить раненых было дальше, зато вероятность уберечь их от огня стала почти реальной. С рассвета до полудня человек двадцать вытянула с поля боя главстаршина Чернега.

Присела отдохнуть, и только теперь взглянула на Цемесскую бухту. Взглянула и замерла пораженная. Не узнала ее, знакомую много лет. Ни привычных глаз сейнеров на горизонте, ни деловитой суеты у мола, пристани. Вокруг — разрушенные дома, изуродованная земля. И море, в которое она любила заплывать далеко от берега, чтобы понежиться на волне, ошутить над собой бездонное небо, то и дело сердито взрывалось фонтанами.

Не по себе стало Клаве. Кто мог подумать, что горд ее счастливой юности, где она окончила школу медсестер, недалеко отсюда кубанская станица, где жили родители, окажутся местом поистине исторических событий, полных драматизма, бед людских, боли человеческой. Откуда было знать ей, что каменистый, почти безводный клочок суши, подступающий к пригороду, обретет географическое право называться Малой землей, тяжелой строкой впишется в ее биографию. И не только впишется. Из тех 1250 килограммов металла, предназначенных для истребления каждого участника легендарного десанта, а значит уготованных врагом и ей, комсомолке Чернег, несколько граммов носит она в груди до сих пор.

Впрочем, ранение — это потом, много дней спустя. Поначалу ей везло, пули ее миловали. Словно для того щадили, чтобы поработала она вдосталь, спасая товарищей, чтобы испила невзгод полную чашу. Их было так много, невзгод этих, что и упомнить трудно. Голодно жили. Сухой паек, что брали с собой, кончился. Доставке грузов на плацдарм всячески мешали гитлеровцы. Вот и вынуждены были в первые недели довольствоваться ста граммами сухарей в сутки. Сто граммов... А работали круглые сутки: воевали, расширяя плацдарм, вгрызались в гранит и... обживались, чувствуя, что не на день пришли сюда. Каменистые сопки, испещренные глубокими траншеями, окопами, стали их крепостью, домом, неприступным бастионом. Девушки бригады — их было девять — разместились в подвале здания Ново-

росийской радиостанции, рядом со штабом и политотделом. Досками отгороженная часть коридора стала «домом» и для Клавдии Прокофьевны, и для ее подруг Анны Гельман, Елены Соколовой, других тружениц войны. Отсюда санинструктор саперной роты главный старшина Чернега уходила с матросами на задания, чаще всего в разведку. Клаву брали в группу обеспечения.

Старший лейтенант Варфоломеев как-то заметил при подчиненных: «В уставе нет ни слова о том, чтобы в разведку обязательно посылать санинструктора. Но ты, Чернега, приносишь нам удачу». Шутка, разумеется. Однако стала она неписанным правилом в роте. Добирались разведчики до переднего края обороны противника. Саперы проделывали проходы в минно-взрывных и проволочных заграждениях. Уходили разведчики на задание, а группа обеспечения терпеливо ждала их возвращения. Находилась здесь и санинструктор. И то, что в этой обстановке ни разу не понадобилось медицинское вмешательство, радовало девушку. Бойцы благодарно пожимали ей руку: «Спасибо тебе, все обошлось». Конечно же, понимала она, в другом причина успеха. В том, что умели десантники добыть «языка», нужные сведения, документы. В том, что были отважны, самоотверженны, обрели боевой опыт. Но и сама она постигала многое. Как заправский солдат, владела личным оружием. При нужде могла сработать за телефонистку.

В армии более всего ценится так называемая солдатская надежность, то есть уверенность всех, что воин не подведет в трудную минуту. Главстаршина Чернега была надежным бойцом. Медаль «За боевые заслуги» лишний раз свидетельствовала об этом.

Приняли К. Чернег коммунисты в партийные ряды и проголосовали единодушно за нее. Комиссар бригады подполковник М. К. Видов вручил ей партбилет. Тот самый Видов, о котором впоследствии написал проникновенные строки Леонид Ильич Брежнев: «Воевал он умело, лихо, обладал большой силой воздействия на бойцов, а на упрек командира, чтобы зря не рисковал собой, отвечал: «Я комиссар, а не мокрая курица!»

Любили десантники своего комиссара. Когда пуля фашистского снайпера оборвала его жизнь, санинструктору Чернег приказано было сопровождать тело покойного на Большую землю. Рискуя, бойцы, девушки плацдарма собрали громадный букет полевых цветов. Этот букет Клавдия Прокофьевна возложила на могилу ге-

роя в Геленджике. Тогда она еще не знала, что много лет спустя, уже после войны, ей посчастливится приехать в родной Новороссийск, пройти по улице Видова. Герой-комиссар навсегда остался в памяти народной...

Сквозь стену огня прорвался катер, на котором Клава возвратилась на Малую землю. И девушка удивилась вдруг, поймав себя на мысли, что не испытывала страха. Привыкла к взрывам, к грохоту снарядов. А в Геленджике от троекратного залпа над могилой М. К. Видова вздрогнула, заплакала испуганно и горько. Верно, говорят, что боль утрат сильнее ужасов войны. Испытала их кубанская казачка и в боях за Кавказ, и во время десанта на Керченский полуостров, и спустившись во мрак знаменитых Аджимушкайских каменоломен, и при штурме Сапун-горы, где осколок мины впился в ее тело. Только в первые дни от душераздирающих сцен пробирает дрожь. Потом время смягчает остроту впечатлений. Зато боль утрат неизлечима.

Хмурится Клавдия Прокофьевна Базарова (это ее фамилия по мужу), рассказывая о погибших товарищах, об испытаниях, через которые прошли малоземельцы. И голос ее, певучий, чистый, обретает сухость, а речь становится сбивчивой, пронизанной болью.

Подумалось: такой человек не может быть равнодушным к чужой беде, инертным, пассивным в делах. При встречах убедился, что так оно и есть. Идут к ней люди за советом и поддержкой. Она, умудренная жизненным опытом, не отказывает им в помощи.

— Долг платежом красен,— объясняет Клавдия Прокофьевна.— Сама пользовалась душевной щедростью народа. Бывало, приедем в отдаленный гарнизон, к новому месту службы мужа,— ни кола, ни двора. Выручали соседи, иногда просто незнакомые люди.

Во многих уголках страны довелось пожить вместе с мужем-офицером К. П. Базаровой-Чернег. Всюду трудилась, растила детей, занималась общественными делами. Она и сейчас помимо прямых служебных обязанностей постоянно ведет общественную работу. В который уж раз доверяют ей руководить профсоюзной организацией, избирают в состав партийного бюро.

Кубанская казачка, она с теплотой говорит и об отчем крае, и о Ташкенте, ставшем для нее родным городом. Эта любовь к земле, за которую в войну пролита кровь, кажется, прибавляет энергии женщине-ветерану, прошедшей многотысячеверстный путь до Победы, в

Болгарии встретившей великий праздник. По первому зову мчится она на встречи с ветеранами части, в которой служила, на землю, где сражалась, чтобы потом, возвратившись в Ташкент, рассказать пионерам, комсомольцам об отваге фронтовиков, о героях минувшей войны.

ВСТРЕЧА

Теплоход «Ленинск» принимал в Новороссийском порту не обычных пассажиров, а дорогих гостей, бывших участников боев на Малой земле. Было шумно, людно, торжественно.

Поднимаясь по трапу, водитель автобусно-таксомоторного парка города Ленинска Андижанской области Абдухалил Каримов вдруг замедлил шаг, вздрогнул от неожиданности. Ему показалось знакомым лицо одного из членов экипажа. «Хеладзе?.. Похож. Ну, конечно, это он!»

— Иван... Иван Ермолаевич!

Не надеялся Абдухалил встретить друга, хотя и разыскивал его после войны. Грешным делом стал думать, что не пощадила война Ивана Хеладзе. Узнал лишь от других, что тяжело был ранен Иван вскоре после того, как он, старший сержант Каримов, попал в госпиталь.

— Абдухалил? Жив ты, братишка!

Обнялись, расцеловались старые малоземельцы. Слез радости не замечали. Так и стояли у людей на виду, мешая им проходить. Но никто не упрекнул бывших солдат. Потом уж из команды кто-то подсказал:

— Веди, Иван Ермолаевич, гостя в свою каюту.

— Пойдем, Абдухалил, пойдем.

— Так и не расстался с морем?— спросил Каримов, несколько успокоившись.

— Что ты! Мальчишкой мечтал о нем. Пока на Малой земле воевал, мечтал... Помнишь, рассказывал тебе?

— Не забыл.

Хеладзе бросил благодарный взгляд на товарища. Задумался. О чем? Как грезил морем, а после семилетки пришлось идти работать в механические мастерские? Или о том, что его, совсем юного, не приняли в военноморское училище, и он, сердитый на весь свет, отправил письмо наркому обороны? Два года спустя попал служить на флот. Потом — война. Старшине первой статьи

И. Хеладзе довелось вывозить раненых из Одессы, эвакуировать женщин, детей стариков. Сколько раз под бомбежки попадали!

Однажды хлебнул вместе со всеми лиха. Бомба едва не угодила в транспорт. Взрывной волной сбросило многих пассажиров с палубы. Иван Хеладзе, оглушенный, вынырнул, поплыл было к судну, глядь — рядом детская коляска. В ней — малыш. Глазенки, широко раскрытые, удивленно глядят в голубое небо. Увидел ребенок человека, улыбнулся доверчиво. Не по себе стало моряку от улыбки этой. Какая-то несовместимость: вокруг бомбы продолжают вспучивать море, люди кричат, взывая о помощи, а тут — улыбка.

Схватил старшина коляску, поплыл не выпуская ее из руки. Матросы помогли Хеладзе подняться на палубу, долго искали среди эвакуированных мать ребенка. Не нашли. В Севастополе старшина передал малыша в надежные руки. Пытался потом разыскать его. И не смог.

Иван Ермолаевич стал бойцом бригады морской пехоты. Защищал и Керчь, и другие города. Ранен был. После госпиталя направили служить командиром пулеметного взвода в 613-ю отдельную штурмовую роту.

Недолго повоевал. Опять ранило. Спасибо санинструктору Людмиле Артемовой. Выволокла его, беспамятно, на плащ-палатке из-под пуль и осколков, выходила. До сих пор помнит он свою спасительницу, шлет ей теплые письма. После войны стал Хеладзе матросом, на теплоходе плавал.

— Да что я о себе только говорю! Как ты-то живешь? — спохватился хозяин.

— Долго рассказывать надо, друг. Много лет прошло.

Прав Абдухалил. Много лет минуло с той поры, как стал он красноармейцем, почти четыре десятка. В мае сорок второго призвали. Шесть месяцев проучился в школе младших командиров, а вскоре уж помкомвзвода назначили старшего сержанта А. Каримова. В разведроту. Первое задание почему-то особенно в память врезалось. Под Витебском оборону держали. Понадобился пленный. Ходила за ним группа бойцов, в том числе Каримов. Удачно все вышло: двух «языков» притащили разведчики.

Под Новороссийском ранило Каримова. Целый месяц в госпитале пролежал. Выписался в самый раз, пе-

ред отправкой десанта на Мысхако. Здесь и подружился с Иваном Хеладзе. И дружба эта помогала многие невзгоды переносить. А потом разбросала фронтовая судьба боевых побратимов.

— Участвовал я в штурме Новороссийска, — рассказывал Абдухалил Ивану Ермолаевичу. — В боях за Керчь? Как же, тоже участвовал... Потом были Севастополь, Одесса, Кишинев, Варшава, Берлин.

— Много ты, друг, прошагал. Хорошо повоевал!

С уважением провел ладонями по наградам воин-узбекистанца, машинально называл их:

— Орден Красной Звезды, два ордена Славы, третьей степени и второй, медали. О! Даже медаль «За победу над Японией»?!

— Воевал и на Дальнем Востоке. Квантунскую армию надо было разгромить...

— А после войны чем занимался?

— Работаю, как все фронтовики, кому здоровье позволяет.

На разных должностях был воин-туркестанец. Председателем Добровольного спортивного общества «Пахтакор» работал. Потом стал шофером в таксомоторном парке. Ударник коммунистического труда.

— Семья большая?

— Не очень. Семеро детей.

— Молодец! Сыновья?

— Дочки тоже есть.

Теплоход отчалил от пристани, поплыл, лавируя, по Цемесской бухте. Друзья, не отрываясь от иллюминатора, глядели на места, которые в юности прошагали, исползали под огнем, под взрывами. Смотрели и не узнавали их. Малая земля предстала перед взором фронтовиков мирной, обустроенной. И это радовало их: значит, не зря воевали, не напрасно столько выстрадано, испытано. А построенное, взлелеянное руками советских людей — все эти светлые кварталы города, эти сады, фонтаны, цветы — прекрасный памятник героям легендарного плацдарма, славным защитникам Родины.

САНИНСТРУКТОР ШТУРМОВОЙ РОТЫ

На Малой земле трудно было всем. Но первым — гораздо труднее. 613-я штурмовая рота высаживалась на плацдарм, можно сказать, вслед за куниковцами. Словно

в порыве благородной мести за кровь товарищей, бросались бойцы вперед. Многие падали сраженные. А с мотоботов спешили новые и новые группы десантников. Одолев крутую февральскую волну, они попадали в неодолимое море взрывов мин, снарядов, раскаленного металла. Казалось, сам берег — крутой, припорошенный снегом, изжеванный суровым молохом войны, — стремился сбросить их. И не мог.

Санинструктор Любовь Брагиловская и ее подруга Верочка только на несколько минут оставили цепь атакующих, чтобы отнести к причалу раненого. Потом догнали десантников только у железной дороги. А здесь стоны с разных сторон. Брагиловская отыскала в темноте бойца.

— Сестренка, помоги.

— Сережа? Что с тобой?

— Нога...

— Глядь — ноги нет. Затянула жгутом бедро, чтоб кровью не истек.

— Потерпи.

Что есть мочи потащила волоком, забыв о пулях. Благо спустилась с насыпи. В это время над головой паническое, резанувшее сердце: «Танки! Окружают!»

Мимо пронеслись несколько бойцов. И тут же грубый окрик командира роты старшего лейтенанта И. Григора:

— Стой! Ко мне! Кто тут паникер?! За мно-о-ой! Ура-а-а!

— Вот молодец! — одобрительно отозвался раненый. — Молодец наш Григор!

Раненого Люба оставила у причала, под обрывом, где ждали погрузки на мотоботы еще несколько человек.

— Не отчаивайся, Сережа. Спасибо тебе за песни твои под гитару. Любят их ребята.

— Тебе спасибо, Рыжик!

Невысокая, проворная, с огненной шевелюрой, Брагиловская не обижалась: прозвище ласковое, привыкла к нему. Ее муж так называл. В сороковом поженились они, вскоре ушел он на действительную. В Бресте служил. Там и встретил войну. Там и погиб.

Брагиловская опять добралась до насыпи, встретила Нину, тоже санинструктора.

— Люба, раненых много. Давай туда вон, в ложбинку, из-под огня вынесем их.

Где сами, где с помощью бойцов стали вытаскивать беспомощных окровавленных товарищей по оружию.

Более десятка человек уже перенесли в относительно безопасное место, как услышали громкий Верочкин голос. Бросилась Люба на крик. Оказалось, группа фашистов намеревалась зайти во фланг роте, могла расправиться и с ранеными. Девушки стали отстреливаться из карабинов. Раненые, способные держать оружие, тоже повели огонь. Подоспели бойцы. Отбили атаку.

Рота продвигалась в сторону кладбища. По-прежнему — с боями. Санинструкторы, оглохшие от непрерывного грохота, обостренным слухом, что ли, улавливали человеческую боль, страдание людское и откликались на них торопливо, насколько это было возможно в тех условиях. Иногда подсказывали друг другу:

— Ты туда ползи, а я — за этим раненым.

Верочка, только-только прибывшая в роту, потому и не запомнилась ее фамилия, произнесла эту фразу и через груды щебня полезла к истекавшему кровью красноармейцу. Здесь и подкараулил ее фашистский снайпер. Кинулась Брагиловская к подруге — поздно. Вынесла только «верочкиного» раненого.

Так изо дня в день. Особенно тяжелыми были апрельские бои. Стонала, в дыму и копоти задыхалась Малая земля, укрыла в своих подземных галереях, землянках, блиндажах нестигаемый десант. А санинструкторы даже в часы самых жутких бомбардировок не имели права отсиживаться в укрытиях.

Мария Педенко, собиравшая в роте материал для «Полундры», вызвалась идти с Брагиловской за ранеными. Атака, предпринятая гитлеровцами, задержала девушек в траншее. Пришлось вести огонь из автоматов. Потом поползла Люба за бойцом, израненным осколками мины. Вытащила его. Немного отдышалась и опять — в путь.

Сколько человек вынесла тогда из-под огня комсомолка Л. Брагиловская — сказать трудно. Многих. И называют они ее своей спасительницей. Не однажды потом спрашивал ее капитан В. Полещук:

— Помнишь, как меня от гибели уберегла?

Любовь Семеновна пожимала плечами. Дескать, разве все запомнишь. Тогда он приводил деталь, от которой мороз шел по коже... Выволокла санинструктор капитана из-под огня, стала перевязку делать. Тут — взрыв возле самой воронки, и прямо на Брагиловскую и на раненого упал обезображенный снарядом труп. Санин-

структор, оглушенная, испуганная, подхватила раненого, потащила. А в мозгу лишь одно, тревожное, казалось, самое важное: «Хоть бы жив остался!»

Уберегла санинструктор офицера. Потом долго стояла перед глазами жуткая сцена: истекающий кровью раненый, обезображенный труп и она, перепуганная девчонка...

Вероятно, чтоб отвлечься от тяжелых воспоминаний, Любовь Семеновна изумленно разводит руками:

— Уму непостижимо, откуда силы были, откуда ловкость бралась! Штурмовали школу... Со второго этажа прыгнула. Из оконного проема. Потом, когда затишье наступило, огляделась, глазам не поверила: неужели отсюда сиганула?!

У Брагиловской память о Малой земле — государственные награды. Медаль «За боевые заслуги». Так командование отметило ее самоотверженные действия в первых боях на плацдарме. Орден Красной Звезды. Это за подвиги в апрельских боях. Кто-то сказал тогда, что вынесла она с поля боя около шестидесяти воинов. Любовь Семеновна засомневалась: не преувеличено ли?

Потом усмехнулась: помощники были, пленных руками заставили наши бойцы переносить раненых к госпиталю.

С Любовью Семеновной мы встречаемся часто. Живем-то в одном городе, в Ташкенте. Однажды спрашиваю, какой день из малоземельской эпопеи ей больше всего запомнился.

— Двадцать третье августа. Партбилет мне тогда вручили. С передовой вызвали в политотдел...

Незадолго до этого знаменательного события Брагиловская побывала в Сочинском госпитале. Медики заживляли ее раны и контузию. Как увозили с плацдарма, не помнит, в тяжелом состоянии была. Возвращение же осталось в памяти: под обстрел вражеский попали.

Но что был этот обстрел в сравнении с тем, который испытали при штурме Новороссийска! С трудом высадились с катера у Цементного завода. И опять знакомое:

— Санитар!.. Сестричка, помоги!

Во сне и наяву слышала его санинструктор штурмовой роты...

После войны Л. Брагиловская окончила двухгодичную юридическую школу, много лет работала следователем.

Теперь она — пенсионерка. Живет в Ташкенте. Бывает в Новороссийске, на встречах малоземельцев. С улыбкой выслушивает комплименты боевых друзей:

— Ты, как прежде, Рыжик, бодрая, неунывающая, юная!

Любовь Семеновна не спорит, старается не думать о том, что годы берут свое.

ЗДРАВСТВУЙ, ХАЛБАЕВ!

Всякий раз при встрече я говорю:

— Здравствуй, Халбаев! Здравствуй, дорогой Шермадат!

Мне хочется, чтобы в традиционном этом приветствии он почувствовал искреннее мое пожелание долгих лет жизни, крепкого здоровья. Почувствовал и внял настоятельную просьбу: здравствовать.

Бодрится старый солдат. Но я-то вижу, каких усилий это ему стоит. Не дают ветерану покоя фронтовые раны. Да и пережито много. Сколько дорог пройдено, сколько голода и холода испытано, сколько физического напряжения потребовали бои-походы. А случается и такое: солдаты плачут. Не от боли, не от страха. Они плачут от суровой несправедливости войны. И прорываются слезы чаще всего от сознания беспомощности при виде погибшего друга.

Армия сплачивает, сближает людей, призванных из разных уголков страны. А если солдаты-земляки?! Тут уж — братство, которому и вовсе нет цены.

Помнит Шермадат начало своей службы. 1939-й год. 135-й стрелковый полк. Командир роты старший лейтенант Степанян стоял перед строем и удивленно поглядывал на молодое пополнение. Не выдержав, сказал политруку Сучкову:

— Как братья... Похожи друг на друга.

Зычным голосом отрапортовал старший лейтенант подошедшему командиру полка майору Ганскому, а потом, уже после доклада, и ему сказал:

— Как братья...

В строю рядом с Халбаевым стояли его земляки андижанцы Назиркул Халиков, Яхшибай Назаров, Султанмурад Газиев, Бахрам Алаутдинов, а также Махмуд

Ахмедов из Сурхандарьи, Гафур Мамадалиев из Ошской области.

Командир взвода лейтенант Василий Иванов довольно потирал руки:

— С таким пополнением черта можно своротить... Орлы!

Черта «воротить» нужды не было. А вот врагу давать отпор пришлось. И «орлы» не подкачали ни в боях под Керчью и Новороссийском, ни при обороне Кавказа. Только болью, острой, непреходящей, отзывалась каждая утрата.

Помнит их Шермамат Халбаев, утраты эти, до сих пор видит, будто наяву.

...Жестокая схватка за бызымянную, но очень важную высоту. Стремительная атака наших пехотинцев увенчалась разгромом вражеского подразделения. Взвод лейтенанта В. Иванова захватил девятерых пленных. Но сам командир погиб. Встал в строй Халбаев и отвернулся, чтоб никто не заметил набежавшую слезу: не было рядом Алавутдинова, ранен. Но Бахрам, возможно, еще поднимется с госпитальной койки. А уж Гафур Мамадалиев только в памяти людской жить будет. Погиб от важный красноармеец.

...Следующий бой — запомнилась и дата: 9 мая 1942 года. На глазах Шермамата осколком снаряда ранило в плечо командира полка, и его, истекавшего кровью, санитары тут же отправили в тыл. Убило пулеметчика. Халбаев лег за умолкнувший был «максим» и меткими очередями скошил группу гитлеровских автоматчиков, прорвавшихся к первой траншее.

Едва отбили атаку — началась бомбежка. Одна бомба взметнула в воздух землю совсем рядом с окопом Халбаева. Почти год был прикован Шермамат к постели. Почти год упорного лечения в госпиталях. Наконец вздохнул туркестанец радостно: здоров! Способен сражаться с лютым врагом, отомстить за кровь и муки советских людей, побратимов своих, на которых ушли в далекий Узбекистан похоронки.

Мечтал, конечно, попасть в родной полк. Да разве найти его! Стал Халбаев бойцом 8-й гвардейской стрелковой бригады. В разгар боев оказался на Малой земле. Но из огненного календаря память упрямо выхватывает 17 апреля 1943 года, когда гитлеровцы обрушили на плацдарм столько бомб и снарядов, сколько вряд ли израсходовали на иные операции.

Батальон, в котором служил Халбаев, отбил в тот день восемь атак. Враг предпринял девятую. Его танки при поддержке пехоты прорвались на стыке 8-й гвардейской и 51-й стрелковых бригад. Весь следующий день фашисты стремились развить свой успех. Но пробились в глубину нашей обороны на километр и больше не смогли.

Бойцы сражались самоотверженно. И вдруг неожиданность: в тылу поредевшего батальона оказалось около полусотни гитлеровских автоматчиков. Халбаев, обнаружив опасность, повел свой взвод против врага. И столь яростным был натиск красноармейцев, что не выдержал враг, бежал, оставив на поле боя свыше тридцати трупов.

Победа — это радость, гордость солдата. Но как часто минуты торжества бывают омрачены печалью. Не обошлось без нее, извечной спутницы войны. Погибли в том бою автоматчик Семенчук, веселый и добродушный посланец Туркменистана Али Мамедов. Погибли еще несколько красноармейцев. И так расстроен был Халбаев, что не обрадовался тогда неожиданной весте: ему, старшему сержанту, присвоили звание младшего лейтенанта. Мужество туркестанца было отмечено высокой наградой — орденом Отечественной войны II степени.

Любое поощрение, а тем более государственная награда поднимает дух воина, повышает чувство личной ответственности, прежде всего за успех в бою. Из этой ответственности словно сотканы дела и поступки Халбаева, когда смотришь на них даже сейчас, с высоты десятилетий.

Однажды мы вспомнили с ним «обычный» малоземельский день, 7 мая 1943 года. Оба тогда сражались, и оба по случайному совпадению огнем из пулеметов отражали фашистские атаки.

Тогда во взводе Халбаева погиб пулеметчик. За «максим» лег Шермамат. И тотчас вокруг него заклокотали взрывы мин, а сменить позицию не было возможности, уйти в укрытие — тоже: гитлеровцы предприняли атаку. Страшной силы взрыв отбросил Халбаева... Ранение и контузия вновь надолго сделали воина «пленником» медиков.

«Негоден к строевой» — таким оказался их приговор. Шермамат и сам понимал: на костылях не повоюешь. Так в разгар войны стал он инвалидом, в ноябре 1943 года вернулся домой. Тогда же, превозмогая боль, отпра-

вился к председателю колхоза, попросился на работу и много лет трудился зоотехником.

...Служебные дела часто приводят меня в Андижан. Всякий раз я стараюсь навестить фронтового друга.

— Здравствуй, Халбаев!— говорю я, и мне кажется, Шермамат улавливает в моем приветствии пожелание крепкого здоровья.

— А я... ничего,— отвечает он.— Есть еще силы. Вчера в военкомат приглашали. Перед призывниками выступал. Слушали... Завтра к пионерам в школу пойду.

По-прежнему фронтовики не мыслят себя без дела.

Еще древние римляне утверждали: что бы ты ни делал, будь благодарен и оглядывайся назад. Вот и я мысленным взором окидываю свою скромную попытку описать мужество и стойкость воинов, бок о бок с которыми довелось громить фашистских оккупантов. И мне досадно: не все события удалось воссоздать ярко, волнующе, потому что время сгладило многие детали, выветрило из памяти имена и фамилии, разбросало по стране фронтовых побратимов. Даже узбекистанцы — участники обороны Новороссийского плацдарма — представлены в книге далеко не полностью.

Но пусть не будет укором автору этот пробел. Все, кто защищал Отчизну от нашествия коричневой чумы, живут в благодарной памяти миллионов, в добрых сердцах потомков. И каждая пядь земли, которую мы обороняли, с которой изгоняли врага, стала символом мужества, торжества справедливости, великого братства презиравших смерть.

Такова и героическая биография Малой земли, священной кровью патриотов написанная. Поэтому бывший плацдарм и влечет к себе нескончаемый поток людской. Отовсюду приезжают сюда и участники легендарного десанта, и те, кто штурмовал Новороссийск, и просто фронтовики. Низко кланяются они братьям по оружию, для которых огненные рубежи Мысхако стали вечным покоем. Грудью припадают к земле, которую в лихолетье сердцем защитили от врага. Теперь земля эта оделась в асфальт, бетон, гранит. Не видно, что гильзы стали медным купоросом, что насквозь она прошипована осколками... Фронтовики обнимают друзей...

Им трудно узнать плацдарм, где 225 суток бушевал смерч войны, горели, плавилась камни. На месте разва-

лин, воронок от бомб и снарядов, на месте хитроумных лабиринтов траншей вырос город, прекрасный и светлый. Вырос быстро, буквально на глазах, в благодарность своим защитникам, как великая награда за их подвиг.

Я помню начало его возрождения. Еще в сентябре 1943-го, оказавшись в госпитале, видел, как вдохновенно люди расчищали завалы, улицы. Тогда же по указанию Совета Народных Комиссаров СССР здесь побывала группа архитекторов во главе с академиком Б. М. Иофаном. Почти все республики восстанавливали город, названный моряками младшим братом Севастополя. И вот он стоит, залитый по ночам огнями, город-красавец, с которым Леонид Ильич Брежнев сказал: «...Новороссийск наших дней — это один из замечательных памятников тем, кто сражался и погиб, отстаивая свободу и счастье советского народа»¹.

Город-труженик, город-герой обрел громкую славу. Ветераны с волнением осматривают бесчисленные памятники. Возлагают к ним венки, цветы. Перед ними Площадь героев. Огонь Вечный славы. Монумент в честь революционеров, павших смертью храбрых в борьбе за Советскую власть в 1920 году. Памятники Героям Советского Союза майору Ц. Л. Куникову и капитану 3 ранга Н. И. Сипягину. Братская могила. В ней, рядом с другими отважными, покоятся Герои Советского Союза подполковник С. Н. Каданчик и майор А. И. Леженин.

Подножие горы Колдун, бывшая Долина смерти. Здесь воздвигнут величественный мемориал. Рельефная карта Малой земли. Памятник, сваренный из остатков авиабомб, артиллерийских снарядов и мин. 1250 килограммов весит он. В самое сердце западают слова пояснения к этому суровому экспонату войны: «Запомни, товарищ. 1250 килограммов смертоносного металла обрушил враг на каждого малоземельца в дни беспримерного подвига: горели камни и земля, плавилась сталь. Они выстояли. За ними была Родина. Запомни это, современник. Запомни и передай потомкам!»

Шумит листвою чинара, посаженная Л. И. Брежневым... Колодец, носивший прежде название «Колодец смерти», щедро поит каждого желающего. А тогда... Пошли за водой три моряка — два Николая и Сергей. Погибли. Пошли еще трое — та же трагическая кончи-

на. Поползли еще шестеро — пули сразили их. Только матросу Б. С. Вишневному, впоследствии ставшему Героем Советского Союза, посчастливилось в ту ночь добыть двенадцать литров воды.

...Губы невольно шепчут слова благодарности героям, ценой своей жизни ковавших победу.

Пионеры, школьники, юноши, девушки, пожилые люди возлагают цветы к монументам и могилам. Вручают букеты и тем, кого уберегла фронтовая судьба. Их много, если окинуть взглядом нестройные колонны защитников плацдарма, приехавших на традиционную встречу. Их страшно мало, если знать, сколько было и сколько осталось в живых. Кого погубила война, кого — раны, болезни, старость. Но те, кто еще в строю, достойно несут сквозь годы славную эстафету героического своего поколения.

В предыдущих главах названы десятки фамилий. Расскажем о том, как сложилась послевоенная судьба хотя бы некоторых малоземельцев, наших земляков-узбекистанцев.

Вот один из них — бывший пулеметчик Н. Карджаулов. Остановился у обелиска, на котором вычеканены фамилии героев, погибших в боях за освобождение Новороссийска, стал читать и вздрогнул, найдя свою собственную фамилию. Оказывается, однополчане считали его погибшим. Счастливая ошибка!

На костюме ветерана поблескивают боевые награды. Рядом с ними — два ордена Трудового Красного Знамени, два ордена «Знак Почета», медали. Не бесследно прошли для фронтовика послевоенные годы...

Вспомнилось: война будто пробудила в сердце Нуртали Байназаровича крестьянскую нежность к земле, почтение к ней. Он доверительно шептал: «Если повезет и останусь жив, на агронома выучусь. Сад в колхозе разведу, хлопок буду выращивать и хлеб. Приезжай к нам, Анатолий, в Узбекистан. Найдешь меня...»

Я нашел тебя, Нуртали! И убедился в том, что ты сдержал слово. Стал агрономом. Окончил еще и партийную школу при ЦК Компартии Узбекистана. С 1950 года возглавил колхоз. Принял отстающую сельхозартель в Аккурганском районе Ташкентской области. Несколько лет спустя вышла она в передовые. Предложили коммунисту принять колхоз имени Кирова в Галабинском районе. Стал и этот колхоз одним из лучших. Сорокацентновые урожаи хлопка с каждого из 1200 гектаров полу-

¹ «Правда», 8 сентября 1974 г.

чают здесь. Кроме того, выращивают кенаф, рис, важной отраслью хозяйства является животноводство.

Рад увидиться с фронтовыми побратимами и бывший комсорг нашего батальона Акмаль Газиев. Тоже приезжает на Малую землю, чтоб поклониться ей, ее защитникам. Но первая послевоенная встреча наша произошла не здесь, а на тенистой андижанской улице, совершенно неожиданно.

— Куда ты исчез? После Малой земли как в воду канул,— тормошил я Акмаля Газиева.

И он, поплотневший, раздавшийся в плечах, отвечал мне крепкими объятиями. Недаром народная мудрость утверждает, что старое дерево жарче горит, старый друг крепче жмет руку. Черные, как южная ночь, глаза его светились сердечностью, теплом, неподдельным счастьем. Лишь на минуту — другую затуманились от нахлынувших чувств.

Наконец Акмаль объясняет, почему разминулись наши пути-дороги:

— Меня же с плацдарма на учебу отправили. В Куйбышевское военное училище связи. Потом на втором Украинском фронте воевал. В Молдавии ранен был. Подлечился — на третий Украинский фронт попал...

Вспоминать старым солдатам о войне — все равно, что листья на чинаре перебирать, эпизодов столько, что со счета собьешься. Много событий пережито. По значимости все они вроде бы одинаковы. Но приглядеться, разновики, как листья на ветке. Потому и не клеится по началу наш разговор.

Я обнимаю А. Газиева за плечи, говорю шутливо:

— Приглашал в Узбекистан? Я приехал.

— Спасибо. Если бы я знал, где ты...

Беседа наша затянулась. Акмаль рассказывал о боях в Югославии, Венгрии, о своем тяжелом ранении, из-за которого «под чистую» его списали со службы. И я представлял его то в окопах, то в цепи наступающих. Но непременно там, где было труднее.

— А знаешь,— говорю я ему,— собирая материалы для книги, наткнулся в архиве на любопытный документ, твою боевую характеристику. В ней есть примерно такие строки: «Комсорг 14-го батальона младший лейтенант А. Газиев в апрельских боях не только поднимал моральный дух матросов, но и сам лично уничтожил 15 гитлеровских солдат. А. Газиев волевой, храбрый и морально устойчивый офицер...»

— У тебя хорошая память,— отшучивается бывший комсорг. И всерьез добавляет, что эту блестящую характеристику считал авансом. Старался оправдать ее.

— Вижу, что вполне оправдал,— подтверждаю я, указывая на грудь фронтового друга. На парадном костюме его орден Красной Звезды, медали за ратные подвиги.

Я уже знал, за что Акмаль был удостоен ордена. При форсировании Днестра отличился. Погибли командиры рот и батальона. Молодой офицер принял командование на себя. Батальон прочно закрепился на противоположном берегу и удерживал плацдарм до подхода основных сил полка.

И после увольнения в запас А. Газиев не искал спокойной жизни. Его, фронтовика, боевого офицера, партия направила на работу в министерство внутренних дел Узбекской ССР. Многие годы отдал коммунист службе по охране общественного порядка в Андижанской области. Теперь он — пенсионер. Часто бывает на молодежных вечерах, принимает участие в беседах со студентами вузов, учащимися школ, несет партийное слово подрастающему поколению.

153 суток из 225, что вобрала в себя биография героического плацдарма, провел на Малой земле бывший командир инженерно-саперной роты капитан в отставке Андрей Ильич Левенец. Остальные «потратил» на командировки в Геленджик и обратно.

После войны приехал бывший сапер в Узбекистан, работал инженером-механизатором, вышел на пенсию.

Обрел мирную профессию и бывший моряк Александр Васильевич Челибьев, не один год проработал в объединении «Промстройкомплект» Главташкентстроя.

Отважные фронтовики стали для молодежи авторитетными наставниками, примером в труде.

... Сейчас увиденное волнует ветеранов, заставляя учащено биться их сердца, вспоминать... Место высадки десанта Цезаря Куникова. Подвал в совхозе «Малая земля», где размещался штаб 83-й дважды Краснознаменной бригады морской пехоты. В этом подвале начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев вручал бойцам партбилеты. Журналист Герой Советского Союза С. А. Борзенко впоследствии напишет: «Начальник политотдела цементировал нравственную стойкость войск, не раз проявляя личную храбрость и железное хладнокровие».

Повлажневшими глазами бывшие малоземельцы всматриваются в дымные дали сорок третьего... Все было здесь — и нечеловеческое напряжение сил, и стойкость, воспетая в балладах и песнях, и мужество, восславленное едва ли не на всех языках планеты. Благодаря мужеству своих защитников, Малая земля похоронила мечту гитлеровского командования использовать Новороссийск как порт, через который можно было бы вывозить богатства Кубани и Кавказа, а сюда доставлять бесчисленные орудия уничтожения всего живого. Здесь разбились агрессивные планы использовать город как трамплин для захвата Закавказья.

Встречи малоземельцев... Они многолюдны, торжественны, волнующи, несут в себе огромный воспитательный заряд. Дважды в год новоросийцы отмечают знаменательные даты в истории своего города. Это — 4 февраля, день высадки десанта под командованием Ц. Л. Куникова на Малую землю, и 16 сентября — день освобождения Новороссийска от врага. И какой бы ни была погода, торжественное факельное шествие направляется от Вечного огня к памятнику Неизвестному матросу. Комсомольцы города торжественно вручают юным морякам бескозырку, те вывозят ее в море и опускают в волны, озаренные лучами прожекторов. В память о погибших героях. В память о подвиге.

Когда проходят встречи ветеранов, юные новоросийцы участвуют в них. Над колоннами комсомольцев, пионеров, школьников плывет громогласное, тысячеустое: «Клянемся!... Клянемся!.. Клянемся!..»

И мы горды тем, что внуки наши, юные малоземельцы, новоросийцы, вся молодежь Страны Советов торжественно присягают Отчизне, заявляют о своей готовности принять эстафету старшего поколения и так же храбро отстаивать завоевания Великого Октября. Эта клятва — на года. На века. Навсегда!

ОБ АВТОРЕ

Большой и трудный фронтовой путь прошел воин-узбекистанец капитан в отставке А. И. Водовозов. Особенно памятными для него стали бои на Малой земле.

В своей книге ветеран рассказывает о событиях суровой военной поры, о солдатах и матросах, бок о бок с которыми громил ненавистного врага.

Сам Анатолий Ильич за ратные подвиги удостоен трех орденов Отечественной войны и трех орденов Красной Звезды, трех медалей «За отвагу». После войны, работая в производственном объединении «Узбекнефть», также проявляет высокое понимание гражданского долга перед Родиной. Он награжден орденами Трудового Красного Знамени и Дружбы народов, медалями.

СОДЕРЖАНИЕ

Израненная крымская земля	3
Юнга батальона морской пехоты	4
Сражающийся Севастополь	12
Кавказ, дни испытаний	23
Малая земля: ни минуты тишины	33
Десант уходит ночью	34
Даже камни стонали	54
Только одна привилегия	75
Песни жизни	85
Прострелянный листопад	96
Пароль — «Победа!»	103
Им бы стелу каждому поставить	113
Времени неподвластно	114
Полковник из . 10 - го «А»	120
Их берегла любовь	124
Поездка в ... 1943 - й год	131
Врач из Ферганы	136
Его позывной — «ФСТ»	141
Живет в Ташкенте кубанская казачка	147
Встреча	151
Санструктор штурмовой роты	153
Здравствуй, Халбаев!	157
Вместо эпилога	161
Об авторе	167

Анатолий Ильич Водовозов

ОГНЕННЫЕ МЕРИДИАНЫ

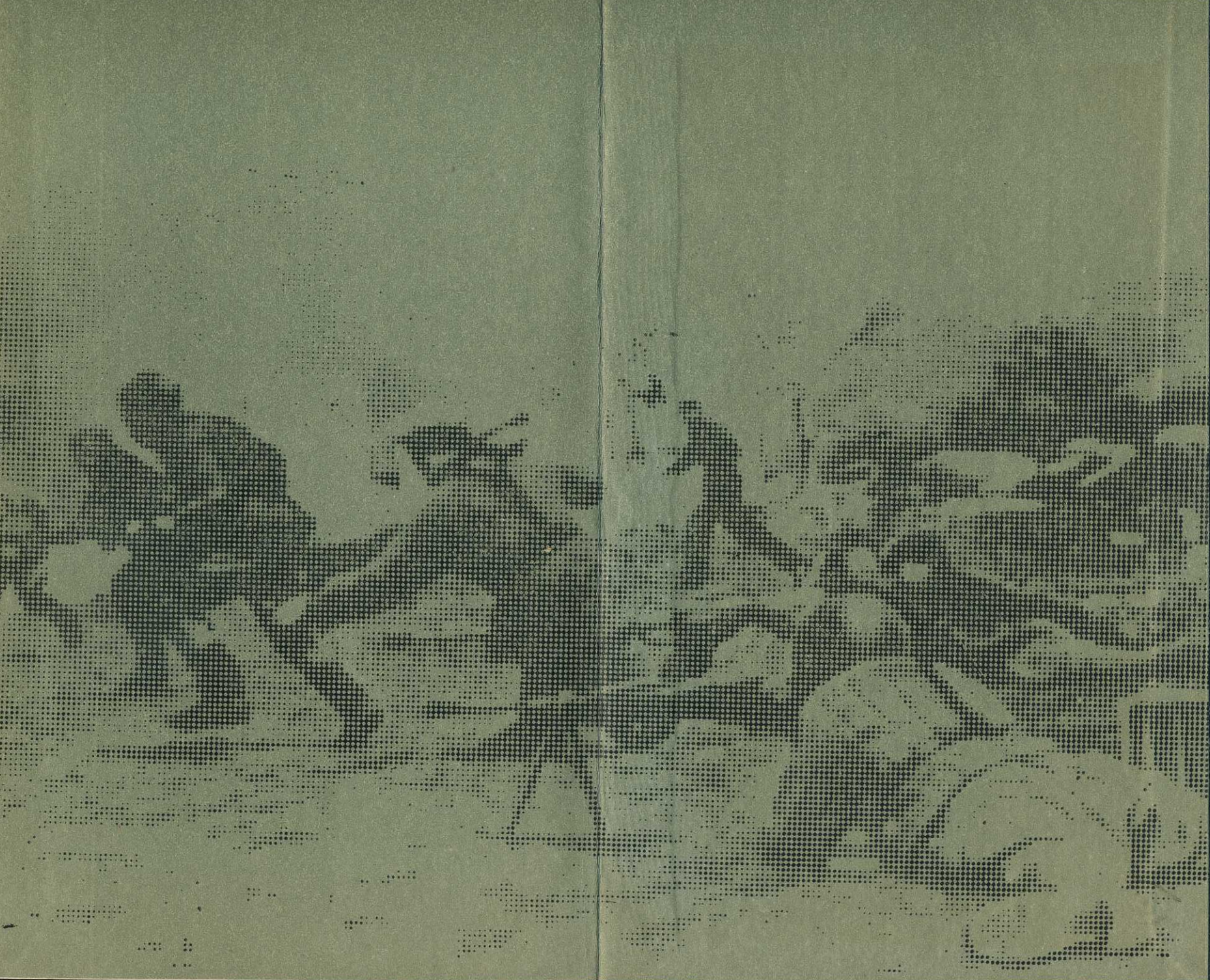
Редактор Остроумова Д. Г.
Художник Валиев В.
Худож. редактор Просвиров Г.
Техн. редактор Горшкова А. Корректор Максумова Н.

ИБ №2163.

Сдано в набор 23.12. 82 г. Подписано в печать 28.03 83г. Р. 01161.
Формат 84X108¹/₃₂ Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая Усл. печ. л. 8,82 + 0,84 вкл, Уч. изд. л. 10,15. Тираж 15000. Заказ № 522 Цена 55 коп.

Издательство «Узбекистан» 3 - 700129. Ташкент. Навои, 30. Изд. №511 — 80

Головное предприятие Ташкентского полиграфического производственного объединения «Матбуот» Государственного комитета Узбекской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 3-700129, Ташкент, ул. Навои, 30.

КНИЖКА

„УЗБЕКИСТАН“

А. ВОДОВОЗОВ

ОГНЕННЫЕ МЕРИДИАНЫ

А. ВОДОВОЗОВ

ОГНЕННЫЕ МЕРИДИАНЫ

